
НАУКА КРАСНОЯРЬЯ

Журнал основан в 2011 г.

№ 4(37)

2016

Главный редактор – **Е.Ю. Бобкова**

Шеф-редактор – **Я.А. Максимов**

Выпускающий редактор – **Н.А. Максимова**

Ответственный секретарь редакции – **К.А. Коробцева**

Заведующий отделом веб-работы – **Ю.В. Бяков**

Компьютерная верстка, дизайнер – **Р.В. Орлов**

KRASNOYARSK SCIENCE

Founded in 2011

№ 4(37)

2016

Editor-in-Chief – **E.Yu. Bobkova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editor – **N.A. Maksimova**

Executive Secretary – **K.A. Korobtseva**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Красноярск, 2016
Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2016
Science and Innovation Center Publishing House

НАУКА КРАСНОЯРЬЯ, № 4(37), 2016, 242 с.

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Красноярскому краю (свидетельство о регистрации от 10.08.2011 ПИ № ТУ 24-00430) и Международным центром ISSN (ISSN 2070-7568).

Журнал выходит шесть раз в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sciences@list.ru

<http://kras-science.ru/>

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94090, «СИБ-Пресса» – 94090

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

KRASNOYARSK SCIENCE, № 4(37), 2016, 242 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № TU 24-00430) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2070-7568).

Krasnoyarsk Science is published 6 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI).

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sciences@list.ru

<http://kras-science.ru/>

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94090, «SIB-Press» – 94090

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2016

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Балуев Дмитрий Геннадьевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладного политического анализа и моделирования (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

Вартумян Арушан Арушанович, доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе (Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске)

Гаврилов Евгений Владимирович, LL.M. (магистр юриспруденции), эксперт юридического отдела экспертно-правового управления (Законодательное Собрание Красноярского края)

Гончарова Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права (ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления и права (г. Казань)»)

Гриценко Галина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН)

Дресвянников Владимир Александрович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры «Менеджмент и маркетинг» (Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве РФ)

Еремин Алексей Роальдович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва)

Зиядова Дурья Зиядиновна, доктор юридических наук, профессор по кафедре уголовного права и криминологии, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Дагестанский государственный университет)

Коокуева Виктория Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и финансов экономического факультета (Калмыцкий государственный университет)

Медведева Вероника Роммилевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры логистики и управления (Казанский национальный исследовательский технологический университет)

Минченко Татьяна Петровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук (Томский государственный педагогический университет)

Морозов Илья Леонидович, доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент по кафедре, профессор кафедры государственного управления и политологии (Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Никитин Юрий Александрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Государственного и муниципального управления (Институт правоведения и предпринимательства)

Орлинская Ольга Михайловна, кандидат политических наук, доцент, член методической комиссии Института международных отношений и мировой истории (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета (Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского)

Разманова Светлана Валерьевна, кандидат экономических наук, доцент, начальник лаборатории экономической эффективности проектов разработки филиала ООО «Газпром ВНИИГАЗ» в г. Ухта (Ухтинский государственный технический университет)

Разовский Юрий Викторович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций (Московский гуманитарный университет)

Салморбекова Рита Бобуевна, доктор социологических наук, доцент, и.о. профессора кафедры социологии (Киргизский национальный университет имени Жусупа Баласагына)

Сербиновский Борис Юрьевич, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры системного анализа и управления факультета высоких технологий (Южный федеральный университет)

Фролов Даниил Петрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга (Волгоградский государственный университет)

Хасимова Лейсан Нафисовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории и методики ее преподавания ФГБОУ ВПО "Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов", доцент кафедры гражданского и предпринимательского права (Набережночелнинский институт ФГАОУ ВПО "Казанский (Приволжский) федеральный университет")

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aleksey R. Eremin, Doctor of Laws, Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law (Mordovia State University)

Arushan A. Vartumyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Director for Science (Institute of service, tourism and design (branch) of the North Caucasus Federal University in Pyatigorsk)

Boris Yu. Serbinovskiy, Doctor of Economics, Candidate of Engineering Sciences (Ph.D.), Professor of the Department of System Analysis and Management of the Faculty of High Technologies (Southern Federal University)

Daniil P. Frolov, Doctor of Economics, Professor, Head of Marketing Department (Volgograd State University)

Dmitry G. Baluev, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Political Analysis and Simulation (Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod)

Dureya Z. Ziyadova, Doctor of Laws, professor in the department of criminal law and criminology, professor of criminal law and criminology (Daghestan State University)

Evgeny V. Gavrilov, LL.M., Expert of the Legal Department of Expert-legal Management (Legislative Assembly of Krasnoyarsk Krai)

Galina D. Gritsenko, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher (Institute of Socio-Economic and Humanities Research of the Southern Scientific Center, RAS)

Ilya L. Morozov, Doctor of Political Sciences, Ph.D., associate professor in the department, professor of government and politics (Volgograd branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation)

Leysan N. Khasimova, Candidate of Law (Ph.D.), Associate Professor, Associate Professor of History and teaching methods VPO "NaberezhnyeChelny Institute of socio-educational technologies and resources", Associate Professor of civil and business law (Naberezhnye Chelny Institute, Kazan (Volga) Federal University)

Natalya N. Goncharova, Candidate of Law (Ph.D.), Associate Professor of International and European Law (Institute of Economics, Management and Law (Kazan))

Nazir T. Razgeldeev, Doctor of Laws, professor, head of the criminal, Environmental Law and Criminology, Faculty of Law (Saratov State University)

Olga M. Orlinskaya, Candidate of Political Sciences (Ph.D.), Associate Professor, member of the methodical commission of the Institute of International Relations and World History (Nizhny Novgorod State University)

Rita B. Salmorbekova, Doctor of Sociology, Assistant Professor, professor of sociology (Kyrgyz National University named after ZhusupBalasagyn)

Svetlana V. Razmanova, Candidate of Economics (Ph.D.), Associate Professor, Head of Laboratory of the economic efficiency of development projects of the branch "Gazprom VNIIGAZ" in Ukhta (Ukhta State Technical University)

Tatyana P. Minchenko, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences (Tomsk State Pedagogical University)

Veronika R. Medvedeva, Candidate of Economics (Ph.D.), Associate Professor, Associate Professor of Logistics and Management (Kazan State Technological University)

Viktoriya V. Kookueva, Candidate of Economics (Ph.D.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Finance, Faculty of Economics (Kalmyk State University)

Vladimir A. Dresvyannikov, Doctor of Economics, Candidate of Engineering Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of Management (Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation)

Yury A. Nikitin, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration (Institute of Law and Enterprise)

Yury V. Razovsky, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of the theory of advertising and mass communications (Moscow University for the Humanities)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

STATE AND LAW

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-4-8-29

УДК 343.341; 343.969.5

СЕКТЫ И ГЕЙМЕРСКИЕ СООБЩЕСТВА КАК ЗОНЫ СОЦИАЛЬНЫХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ УГРОЗ: ПУТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ И РЕАБИЛИТАЦИИ

Кузина Н.В.

Предлагается анализ распространенных в последние десятилетия в Российской Федерации специфических форм нехимических зависимостей и построения на их базе сообществ, несущих угрозу как жизни и безопасности индивида, так и обществу в целом. Суммируется опыт наблюдения над участниками сект и сообществ сетевой игры DOTA, приводится опыт работы в них, предлагается анализ механизмов развития гемблинга и нехимических зависимостей (в том числе приверженности к сетевым играм у молодежи), описывается психологический тип участника секты/геймера, а также алгоритм / мероприятия для выведения из секты / гемблинга.

Цель: Выявить и описать угрозы жизни и обществу, несомые сформированными коллективами (виртуальными и реальными) в среде приверженцев сетевых компьютерных игр и этнолого-религиозных формирований по интересам, созданных по образцу тоталитарной секты. Выявить и описать тип личности участника, механизм вовлечения и мероприятия по реабилитации.

Использовались междисциплинарные методы: полевой работы, включенного наблюдения, анкетирования – психодиагностические методики (в том числе анализ речевой продукции), анализ ценностей и мотивации личности, методы социальной реабилитации респондентов.

Область применения результатов. Результаты работы могут использоваться в работе правоохранительных органов с целью профилактики противоправного поведения, преступности, а также в педагогической работе и при терапии зависимостей.

Ключевые слова: *аддиктология; терапия зависимостей; асоциальность; деструктивные секты; экстремизм; суицидология; гемблинг; сетевая игра.*

SECTS AND GAMING COMMUNITY AS AN AREA OF EXTREMIST SOCIAL THREATS: PREVENTION AND REHABILITATION STUDY

Kuzina N.V.

Paper offers analysis of specific forms of non-chemical dependencies and development of communities on their base, widespread during last few decades in the Russian Federation, posing a threat to both life and safety of the individual and society as a whole. Study resumes experience of watching over the members of sects and DOTA network game`s communities and of operating within them; suggests analysis of gaming and non-chemical dependencies (including commitment to online games among young people) development mechanisms; describes psychological type of participant sect / gamer as well as the algorithm / measures for elimination of the sect / gaming.

Purpose. To identify and describe the threats to life and society, carried by the formed groups (virtual and real) among the adherents of the network computer games and ethno-religious groups with the same interests, modeled after totalitarian sect` prototype. To detect and describe the type of the subject, mechanism of inclusion and rehabilitation activities.

Methodology. Among interdisciplinary methods used – field work, participant observation, questioning - psychodiagnostic techniques (including analysis of speech production), value analysis and motivation of person, social rehabilitation of respondents techniques.

Application area. Results can be used in the work of law enforcement agencies to prevent illegal behavior, crime, as well as in educational work and in the treatment of addictions.

Keywords: *addictology; dependency therapy; asocial; destructive sects; extremism; suicidology; gaming; online game.*

Цель исследования

Проведение реабилитационной работы в сектах и группах гемблинг-зависимых с выведением максимального числа их участников из состояния зависимости, их ресоциализация.

Материал исследования

С июня 2011 г. ведется работа по изучению методов манипуляции и реабилитационная терапия в сектах. Исследованы: группировки язычников (родноверы, инглинги), последователи Карма-Кагью (буддизм), сатанисты, «Анастасиевцы», индуистский культ Кали, Свидетели Иеговы, мормоны, установлен контакт с саентологами, последователями учения «Искусство жизни», а также изучены частные психологические центры, центры йоги и др. С 2013 г. ведется включенное наблюдение над участниками сообществ сетевых компьютерных игр 15–23 лет.

Актуальность исследования

В связи с кризисными явлениями в России в 1990-е годы и в 2014–2016 гг. у населения возникает потребность в выстраивании эффективных копинг-стратегий / выработке психологических защит, одной из которых является «уход» [4, 18] – в фантазийный мир, «другую реальность», секту. В последние три десятилетия растет число неформальных объединений [5]

вокруг харизматических лидеров, имеющих специфические жизненные ценности, нередко с диагностированными заболеваниями психики/поведенческими расстройствами, борющихся за влияние. В 1990-е – первой половине 2000-х гг. это не институционализированные сообщества, сформированные в ходе личного общения в контексте комплекса суеверий / религиозно-мистических идей (противоправных действий); во второй половине 2000-х гг. – секты и противоправные сообщества, сформированные через сетевые сообщества и Интернет; в 2010-е гг. в связи со снижением стоимости безлимитного высокоскоростного доступа в Интернет и ростом производительности компьютерной техники (мощность видеокарт, объем оперативной памяти) – группы асоциальных, страдающих расстройствами поведения [7, 9, 10, 21], нередко наркотизированных молодых людей со сформированной зависимостью от сетевых компьютерных игр [6, 8, 13, 30, 33], составляющие существенную угрозу собственному и общественному благополучию. В 2012–2016 гг. склонность к использованию психологических защит в силу кризисных явлений в экономике, нарастает. Растет спрос на околорелигиозные и мистические учения, число зависимостей личности в условиях общей социальной нестабильности.

Опасность секты состоит в манипуляции мировоззрением попавшего в нее. Секта, как и принадлежность к сообществам сетевых игр, снижает общий уровень адаптации участников к социуму, формирует психическую зависимость, формирует девиантную адаптацию, маргинализирует [36]. Так, секта ждет от потенциальных участников существенных вложенных усилий, жестко контролирует проявление любых функций, ждет вовлечения новых жертв. Контроль устанавливается через повторяемость событий, общей понятийной системы, общих занятий, через формирование зависимости от положительных эмоций, манипулирование интересами, запугивание [16].

Результаты исследования

Установлено, что респондент, нуждающийся в дистанцировании от дискомфорта социума в виде «ухода» в мистицизм или игру молодеет

от 1990-х гг. к 2016 г. [5, 7, 17, 24, 30] В зону риска в последнее пятилетие попадают молодежь и подростки, тяжело воспринимающие экономический кризис 2015–2016 гг., так как их детство пришлось на благополучное предшествующее десятилетие 2000-х гг. Детская и подростковая психика оказывается не защищена. Роль сект, которые обеспечивали девиантную адаптацию к социуму взрослого населения страны в 1990-е годы, сейчас для дезадаптированной и маргинализирующейся молодежи заняли сетевые сообщества, образованные по образцу фан-клубов аниме, хентай, сетевых игр и др. Характерны названия – «Ад и разврат. Адские всадники» [2] и др. Следует отметить, что данное интернет-сообщество, например, соответствует критериям Интернет-СМИ по посещаемости и имеет 6 447 подписчиков. Характерен аватар сообщества, стилизованный под мультфильмы-аниме и призывающий к суициду (изображен юноша в крови с перерезанным горлом, лицом и кистью руки). Более 80% подписчиков группы составляют девушки возраста юности.

Недостаточно охваченной контролем со стороны органов юстиции частью объединений, образованных по образцу сект, являются также сообщества, образованные вокруг лидеров сетевых игр [8, 15]. Не всегда их возможно вовремя обнаружить, даже несмотря на возросшую активность Роскомнадзора [14, 32]. Активная аутодеструкция может перерасти не только в суицид, но и в антиобщественные деяния. Клиповое мышление, неразличение реальности и игры 3D (например, новинка польских авторов «Ведьмак: Кровь и вино») – ведет к участию в несанкционированных боевых действиях в роли наемников, формирует склонность к противоправному поведению, при выработанном умении работать в команде (благодаря навыкам дистанционной сетевой игры), при отсутствии ощущения ценности жизни (с одной стороны – суицидальное поведение, с другой – синдром дереализации, игровой характер восприятия действительности, сформированный образ игровой «мнимой смерти»). Таким образом, сетевая игра создает условия для воспитания «идеальных камикадзе», «самураев», к чему подвигает и впитывающийся в отсутствие качественной мульт-

типликационной продукции российских авторов культ страдания, смерти, пришедшей в Российскую Федерацию с «духовной» культурой аниме/хентай. Многие из играющих в сетевые игры школьников старших классов как профессию выбирают, согласно опросам, специфически понятое военное дело (с разными специализациями и разной мотивацией), склонны к промискуитету, зависимостям, асоциальны. Специфический сленг, принятый в сетевой игре, включает многочисленные элементы иноязычных заимствований, военной лексики и просторечной лексики низов общества, узнаваемый «тайный язык» наркозависимых. Участникам сообществ сетевых игр, как правило, присущ высокий уровень аутодеструкции, поведение «смертника», отсутствие страха за собственную жизнь, повседневное бытие в ирреальном мире, трансформированная система ценностей (так, на покупку новой функции или атрибута в системе STEAM – Интернет-сервисе онлайн продажи и распространения компьютерных игр, принадлежащий компании Valve для игры юный пользователь может потратить последние финансовые средства, освоив онлайн-платежи). Травмированная психика игроков, более подверженных суггестии, дезорганизованных, асоциальных, легко воспринимает методы вербовки противоправными сообществами [1, 3, 10, 17, 19, 26], в том числе экстремистскими. По данным Минздрава России, на данный момент число больных игроманией в два раза превышает число наркозависимых [7]. Согласно МКБ-10, игромания входит в число психических заболеваний, раздел «Расстройства привычек и влечений», и описывается как «патологическое влечение к азартным играм» (F63.0). Суть расстройства заключается в навязчивом влечении к игре, частых повторных эпизодах азартной игры, которые доминируют в жизни пациента в ущерб социальным, профессиональным, материальным и семейным ценностям и обязательствам. Регулярно, ежедневно при гемблинге сетевым играм уделяется до 20 часов (за исключением краткого сна и времени приема пищи). К повышенной вовлеченности и контролю неопытных в игре ведет требование соблюдения «командного братства»: если команда объявляет игру, ее участник не может уклониться или отвлечься,

так как повлияет на результат общего «сражения», станет слабым звеном [1, 26, 28]. В силу большого напряжения сил, особой длительности игры, требования высокой концентрации и уровня внимания, геймер нуждается в стимуляторах, роль которых нередко выполняют энергетические коктейли / наркотические вещества. Ранее в МКБ-10 склонность к игре была связана с двумя диагнозами – «маниакальный эпизод» (F30) и «диссоциальное расстройство личности» (F60.2). Если первый диагноз может свидетельствовать о склонности к противоправным, экстремистским проявлениям и актам террора, то второй характеризуется следующими присущими личности играющего чертами: пренебрежение к социальным обязанностям и черствое равнодушие к окружающим; значительное несоответствие между поведением больного и основными социальными нормами; поведение с трудом поддается изменению на основе опыта, включая наказание; больные плохо переносят неудачи и легко поддаются агрессии, включая насилие; склонны обвинять других или давать правдоподобные объяснения своему поведению, приводящему их к конфликту с обществом. МКБ 10 выделяются типы личностей, подверженных вовлечению в игру: аморальная личность, антисоциальная личность, асоциальная личность, психопатическая личность, социопатическая личность. О.А. Степанцева прямо свидетельствует о наличии у геймеров активной жизненной позиции и установки на влияние на жизнь социума, что косвенно может указывать и на большую вовлекаемость в противоправные деяния: «Один из основных моментов, раскрывающих картину мира геймеров – активная позиция и готовность к переменам (высказывают 78,3%, что, на мой взгляд, объясняет активную гражданскую позицию – 67%). Интересно, что эта цифра даже больше, чем у неиграющих (56,85%). Еще больший процент геймеров (90,9%) считают, что в нашей стране нужно создать больше возможностей для активного участия граждан в жизни обществе» [30]. Наряду с существующими психодиагностическими тестовыми методиками, С.А. Галичем, например, разработан и предлагается тест на склонность к зависимости от компьютерных игр, симптомы патологического игрока [8].

Данные сообщества, особенно в 2014–2016 гг., получают поддержку государства и структур, контролирующих молодежную политику (видимо, в связи с отсутствием психологов-консультантов в данных органах) – в том числе Московского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Российский студенческий спортивный союз», «Федерация компьютерного спорта города Москвы» и др. [20]. Интересы геймеров служат обогащению частных структур, организующих коммерческие фестивали сетевых компьютерных игр или аниме. Имеются также прецеденты, когда руководство вузов Москвы (например, МЭИ, МГТУ им. Н.Э. Баумана, РУДН, МФТИ, РГСУ, РЭУ им. М.В. Плеханова и др.) а также Департаменты правительства Москвы (например, Департамент Физической культуры и спорта города Москвы) в последние годы указывались как партнеры или спонсоры проведения фестивалей / супертурниров сетевых компьютерных игр, в том числе между командами данных вузов [20]. Можно назвать повсеместно проводимые в течение не менее десяти лет фестивали «Косплей», а также турниры «Intel Challenge Cup» (2006–2008), «World Cyber Games» (2001–2013), «Битва Четырёх» (2013–2014), организованные «Федерацией компьютерного спорта города Москвы»; состязания «Молодежной киберспортивной лиги» 2016 г., коммерческие турниры / фестивали под брендом «EPICENTER» («Эпицентр» [35], организатор – Epic Esports Events, организующий проводящий киберспортивные турниры с странах Восточной Европы в последние три года с призовым фондом более 1 млн долларов) на одной из центральных концертно-развлекательных площадок страны «Крокус-Сити холл» и др., популяризирующие данный вид увлечений в подростковой и молодежной среде. Цена билета на данные турниры для зрителя колеблется от 3 000 до 20 000 руб. Подростки и молодежь подражают деструктивным персонажам, не связанным с повышением адаптации, маргинализируются, создается институт ложного лидерства. Меняется языковая среда данного слоя молодежи. Так, при высоком интеллекте участников сообществ сетевых игр (в основном это учащиеся вузов или молодежь с высоким IQ, но социально неблагополучная) для них характерно

рен общий низкий культурный уровень, склонность употреблять грубую просторечную и обсцентную лексику, использование сленга наркозависимых и социальных низов, усиленная социальная бравада и эскейпизм. Длительная по времени и значительная по напряжению компьютерная игра является традиционным занятием с целью «убить время» после применения химических психостимуляторов. Универсальным методом общения при этом является скайп и сетевое взаимодействие через ресурс STEAM [37], объединяющие лиц подросткового и юношеского возраста из разных регионов Российской Федерации и иных государств. Данный ресурс, как правило, не известен в силу иных интересов родителям или иным старшим членам семьи (педагогам). Государство в данное время не регулирует распространение подобных деструктивных увлечений в юношеской и подростковой среде. Отследить формирование молодежных групп сложно, как и ввести запреты на их функционирование, так как данные сообщества не оформляют уставов и не зарегистрированы. Для органов власти, при отсутствии соответствующего мониторинга, они «невидимы». Если для решения о запрете институционализированной организации существует процедура экспертизы и, например, Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Главном Управлении Министерства Юстиции [34], то в случае геймерских сообществ предмет экспертизы не установлен. Играющим необходимо внимание родителей, доступ родителей к игровым аккаунтам в STEAM и социальных сетях, наблюдение за процессами общения и игры, а также консультативная постоянная помощь клинического психолога / психиатра до полного излечения геймера от зависимости.

Нами отмечено, что с 1912 г. госорганы также ослабили работу по профилактике распространения сект и лжеучений. Федеральные ресурсы Интернет, посвященные борьбе с тоталитарными сектами правовыми методами, к 2016 г. оказались закрытыми. Большинство из ныне существующих ресурсов, как показал анализ Интернет-пространства на май 2016 г., организованы самостоятельно православными верующими [27].

Имеющиеся в сети Интернет сайты о сектах, как правило, включают не объяснения о механизмах действия данных структур с научных позиций, но критический обзор учений и актуальных мероприятий сект от лица приверженцев русского православия. В сети отсутствует находившийся ранее в открытом доступе реестр тоталитарных сект, действующих в Российской Федерации [29]. В 2012 г. в данный реестр деструктивных сект, насчитывавший несколько сотен наименований неофициальных сообществ, входили в том числе и пользующиеся аналогичными методами сообщества сетевого маркетинга. На данный момент в Интернет-сети в свободном доступе имеются материалы незарегистрированных юридически сообществ, посвященные пропаганде учения родноверческих, ведических, неоязыческих общин, ряда религиозных лидеров – С. Пеуновой (Лада-Русь) и др., сообществ обучения йоге, тайскому массажу, шаманским практикам, медитации, бойцовским практикам (кулачный бой и др.), имеющих многие признаки секты. Однако они не институционализированы, собираются на частных квартирах или open-air's, не лицензируют данные виды деятельности, рекламу размещают в социальных сетях и путем расклейки самостоятельно изготовленных объявлений, поэтому для государства они также невидимы без надлежащего мониторинга. При многочисленности подобных сообществ (число деструктивных сект в Российской Федерации на 2012 год по Федеральным данным насчитывало несколько сотен), в Российской Федерации согласно федеральному списку, обнаружены и признаны, например, террористическими на 2016 г. и на данный момент запрещены только 24 [12]. В списке 47 организаций, запрещенных на 2016 г. в связи с экстремистской деятельностью [22] содержатся, например, Общественное незарегистрированное объединение группа «Рада земли Кубанской Духовно Родовой Державы Русь» (решение Первомайского районного суда г. Краснодара от 13.04.2006 о ликвидации), Местная религиозная организация Асгардская Славянская Община Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов

(решение Омского областного суда от 30.04.2004 о ликвидации), Местная религиозная организация Славянская Община Капища Веды Перуна Духовного Управления Асгардской Веси Беловодья Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов (решение Омского областного суда от 30.04.2004 о ликвидации), Межрегиональное общественное движение «Славянский союз» (решение Московского городского суда от 27.04.2010), «Объединенный Вилайат Кабарды, Балкарии и Карачая» (решение Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 09.07.2010), Местная религиозная организация Свидетелей Иеговы г. Абинска (решение Краснодарского краевого суда от 04.03.2015 и определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.08.2015) и др. В число сообществ, деятельность которых временно приостановлена в связи с осуществлением экстремистской деятельности, включены только два [23].

В данные списки не попали не только десятки тоталитарных сект, но и ни одно молодежное самодеятельное сообщество. В 2016 г. введен закон о ювенальной юстиции, порог наказания за противоправные деяния снижен, однако согласно проведенному анализу законодательных актов, мер профилактики молодежной и подростковой преступности предпринимается мало. Спонтанные противоправные или имеющие подобную тенденцию молодежные сообщества, в том числе возникшие на основе увлечения массово проникающими в Российскую Федерацию из Европы и США и свободно продающимися через сеть Интернет сетевыми компьютерными командными играми, а также хентай и аниме, приходящими из японской массовой культуры, не отслеживаются, деятельность подобных сообществ не пресекается. Первыми попытками урегулировать положение являются дела на сетевые сообщества в связи с пропагандой суицида.

Были выделены группы риска: 1) лица с девиантным, антисоциальным поведением – агрессией-аутоагрессией, 2) лица со склонностями к аддиктивному поведению, 3) лица с симптомами метафизической интоксикации, 4) дети из неполных семей, проживающие в условиях общежи-

тий или вдали от родителей представители студенческой среды, дети из семей с авторитарным / попустительским стилями воспитания.

Результаты включенного наблюдения: психологический портрет участника секты/геймера: 1) низкий образовательный и культурный уровень в случае участников сект / высокий IQ при низком образовательном и культурном уровне для геймеров; 2) неполные семьи, семьи с эмоциональной холодностью, материнской депреацией, конфликтом между родителями; 3) семьи с авторитарным стилем управления; 4) семьи с попустительским стилем воспитания; 5) выбор профиля вуза / колледжа / техникума по настоянию родителей; 6) лицо после психоэмоциональной травмы, с какой-либо депреированной (фрустрированной) потребностью; 7) наличие психической патологии (психопатологическая симптоматика, в т.ч. подтвержденная); 8) наследственная отягощенность (лица из семей склонны к другому виду зависимостям), наличие близких – членов секты, психически больных, истово верующих, исповедующих культы, имеющих активную гражданскую позицию (иногда с бредом сутяжничества); 9) отсутствие склонности к алкоголизму; 10) асоциальное поведение (высказывание идей, осуществление деяний, идущих вразрез с общепринятыми общественными нормами); 11) метафизическая интоксикация для членов сект /увлечение произведениями жанра фэнтези для геймеров; 12) наличие хотя бы одного из признаков: застревающий или тревожно-мнительный тип личности, обсессивно-компульсивные расстройства, склонность к зависимому и созависимому поведению, наличие хронических соматических заболеваний, выученное беспомощное поведение, нереализованная потребность лидерства / истероидность и др.; 13) опасности сект /сообществ сетевых компьютерных игр для респондента: провокация тяжелой психической зависимости, патологическое устойчивое изменение картины мира, снижение уровня социализации; 14) лидер секты (ее костяк) обычно имеет более высокий образовательный уровень или апеллирует к сведениям, заведомо недоступным потенциальным жертвам (их нельзя, затруднительно проверить), обладает личной хариз-

мой / является победителем многочисленных состязаний игр (обладает иными игровыми преимуществами). Во главе часто оказываются лидеры с выраженной психической патологией, выраженной склонностью к противоправному поведению и рядом сверхценных идей. Большинство групп строятся по модели семьи (в случае игрового сообщества по модели «родитель – лидер VS sibсы-команда).

Методы реабилитационной работы: 1) выявление ценностной модели и навязчивых, сверхценных идей, ситуаций отклоняющегося и зависимого поведения, 2) формирование устойчивой эмоциональной связи с участником секты (путем бесед, поддержки он-лайн, совместных дел), 3) постепенное введение новых значимых позитивных психоэмоциональных стимулов в жизнь респондента, 4) выведение из числа участников секты / геймерского сообщества. В 2011 г. создана группа для работы реабилитационной работы с подростками в социальной сети «В контакте». Проводятся: 1) визиты на мероприятия сект / в сообщества геймеров, 2) очная индивидуальная беседа с посещающими секты /геймерами, 3) контакты он-лайн, 4) аппаратное и психодиагностическое тестирование указанных лиц, 5) анализ социальных, психологических, ценностных установок сект /геймеров по печатной, видео, аудиопродукции, страниц социальных сетей, 6) общение с родителями.

Значимые **результаты** включенного наблюдения и работы (отказ респондентами от посещения мероприятий / от сетевой игры; снижение навязчивостей, исчезновение сверхценных идей) наблюдаются спустя 4-5 месяцев.

Список литературы

1. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М.: Академия МВД СССР, 1980. 526 с.
2. Ад! И Разврат (Адские Всадники) [18+] [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/ad1razvrat> (дата доступа: 31.05.2016)
3. Беличева С.А. Основы превентивной психологии. М.: «Социальное здоровье России», 1993. 198 с.

4. Бережная М.П. «Уход» в культурных парадигмах бытия человека. Автореф... канд. филос. н. Белгород, 2012. 23 с.
5. Братухин А.В. Молодежные субкультуры в современном российском обществе. Автореф... канд.социол.н. Ростов-на-Дону, 2013. 23 с.
6. Бурнаева Е.М. «Человек виртуальный» в пространстве информационной культуры. Автореф... канд. культурол. н. Комсомольск-на-Амуре, 2012. 22 с.
7. Войнов П.Н. Управление процессами профилактики социальных девиаций среди учащейся молодежи. Автореф... канд. социол.н. М., 2009. 28 с.
8. Галич С.А. Социологический анализ игровой зависимости как формы культурной девиации. Автореф... канд. социол. н. М., 2006. 24 с.
9. Гришко И.В. Взаимосвязь аддиктивного поведения и здоровья молодежи в современной России. Автореф... канд. социол. н. Краснодар, 2006. 27 с.
10. Дроздов А.Ю. Агрессивное поведение молодежи в контексте социальной ситуации // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 95–99.
11. Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: <http://eais.rkn.gov.ru/> (дата доступа: 31.05.2016).
12. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // Федеральная служба безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата доступа: 31.05.2016).
13. Иванов И.С. Социологический анализ компьютерной игровой зависимости молодежи Подмосковья. Автореф... канд.социол.н. М., 2009. 27 с.
14. Инструкция по работе с требованиями Генеральной прокуратуры о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим информацию, содержащую призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых

- (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: <http://398-fz.rkn.gov.ru/docs/Instruction.pdf> (дата доступа: 31.05.2016).
15. Исмагилов Р.Г. Игра человека как социокультурный феномен. Автореф... канд. филос. н. Уфа, 2006. 26 с.
 16. Итоговая декларация Международной научно-практической конференции «Тоталитарные секты угроза личности, семье, государству». Одесса, 25 декабря 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iriney.ru/document/079.htm> (дата доступа: 26.05.2016).
 17. Лелеков В.А. О предупреждении преступности несовершеннолетних // Социологические исследования. 2007. № 12. С. 87–95.
 18. Мельникова Л.Г. Бытие эскейпизма в культуре. Автореф... канд. филос. н. Ростов-на-Дону, 2008. 35 с.
 19. Механизмы преступного поведения / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Наука, 1981. 248 с.
 20. Московская киберспортивная лига. [Электронный ресурс] URL: <http://mcl.resp.su/> (дата доступа: 31.05.2016).
 21. Олехнович И.Б. Зависимая личность в современном российском обществе: формирование, проявление, социальная адаптация. Автореф... канд. филос. н. Ростов-на-Дону, 2015. 34 с.
 22. Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Министерство юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://minjust.ru/nko/perechen_zapret (дата доступа: 31.05.2016).
 23. Перечень общественных и религиозных объединений, деятельность которых приостановлена в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности // Министерство юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://minjust.ru/nko/perechen_priostanovleni (дата доступа: 31.05.2016)

24. Попов В.А. Изменение мотивационно-ценностных ориентаций учащейся молодежи // Социологические исследования. 1999. № 6. С. 96–99.
25. Приказ от 11 сентября 2013 года №1022/368/666 «Об утверждении критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия решений Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека о включении доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно телекоммуникационной сети «Интернет» // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: <http://eais.rkn.gov.ru/docs/Order1022.pdf> (дата доступа: 31.05.2016).
26. Ратинов А.Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход // Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979. С. 3–33.
27. Российская ассоциация центров изучения религии и сект / РАЦИРС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anticecta.ru/> (дата доступа: 31.05.2016).
28. Розов Н.С. Природа преступности и механизмы криминализации общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. №2. С. 152–167.
29. Справочник: Наиболее известные деструктивные тоталитарные секты и группы, обладающие значительным числом признаков таковых, а также оккультные центры и движения // РАЦИРС [Электронный ресурс]. URL: http://www.anticecta.ru/?page_id=8538 (дата доступа: 31.05.2016).
30. Степанцева О.А. Субкультура геймеров в контексте информационного общества. Автореф... канд. культурол. н. СПб., 2007. 27 с.
31. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114 – ФЗ (ред. от 23.11. 2015) «О противодействии экстремистской деятельности». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата доступа: 31.05.2016).
32. Федеральный список экстремистских материалов // Министерство Юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.ru/extremist-materials> (дата доступа: 31.05.2016).

33. Шепель Ю.В. Игровая зависимость как социокультурное явление в современном обществе. Автореф... канд. социол. н. М., 2007. 28 с.
34. Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при главном управлении министерства юстиции // Министерство юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://to78.minjust.ru/ekspertnoe-zaklyuchenie-po-rezultatam-provedeniya-gosudarstvennoy-religiovedcheskoj-ekspertizy-v> (дата доступа: 31.05.2016)
35. Эпицентр: Москва. DOTA 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.epicenter.gg/> (дата доступа: 31.05.2016).
36. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М.: «Наука», 1985. 247 с.
37. STEAM [Электронный ресурс] URL: <http://store.steampowered.com/> (дата доступа: 31.05.2016).

References

1. Avanesov G.A. *Kriminologiya i sotsial'naya profilaktika* [Criminology and Social Prevention]. М.: Academy of Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1980. 526 p.
2. *Ad! I Razvrat (Adskie Vsadniki)* [Hell! And debauchery (Hell Riders)] [18+] [Electronic resource] URL: <https://vk.com/ad1razvrat> (access date: 05.31.2016)
3. Belicheva S.A. *Osnovy preventivnoy psikhologii*. [Basics of Preventive Psychology]. М.: «Social health of Russia», 1993. 198 p.
4. Berezhnaya M.P. «Ukhod» v kul'turnykh paradigmatkakh bytiya cheloveka. [«Maintenance» in the cultural paradigm of human existence]. Abstract ... cand. philos. sc. Belgorod, 2012. 23 p.
5. Bratukhin A.V. *Molodezhnye subkul'tury v sovremennom rossiyskom obshchestve*. [Youth subcultures in the modern Russian society]. Abstract... cand. social. sc. Rostov-on-Don, 2013. 23 p.
6. Burnaeva E.M. «Chelovek virtual'nyy» v prostranstve informatsionnoy kul'tury. [«Man virtual» in the space of information culture]. Abstract ... cand. cult. sc. Komsomolsk-on-Amur, 2012. 22 p.

7. Voinov P.N. *Upravlenie protsessami profilaktiki sotsial'nykh devyatsiy sredi uchashcheyasya molodezhi*. [Process management prevention of social deviations among students]. Abstract... cand. sociology sc. Moscow, 2009. 28 p.
8. Galich S.A. *Sotsiologicheskyy analiz igrovoy zavisimosti kak formy kul'turnoy devyatsii*. [Sociological analysis of gambling as a form of cultural deviation]. Abstract... cand. social. sc. M., 2006. 24 p.
9. Hryshko I.V. *Vzaimosvyaz' addiktivnogo povedeniya i zdorov'ya molodezhi v sovremennoy Rossii*. [The relationship of addictive behavior and health of young people in modern Russia]. Abstract... cand. sociology sc. Krasnodar, 2006. 27 p.
10. Drozdov A.Y. *Agressivnoe povedenie molodezhi v kontekste sotsial'noy situatsii* [Aggressive behavior of young people in the context of the social situation]. *Sociological studies*. 2003. № 4, pp. 95–99.
11. Edinyy reestr domennykh imen, ukazatelye stranits saytov v seti «Internet» i setevykh adresov, pozvolyayushchikh identifiitsirovat' sayty v seti «Internet», sodержashchie informatsiyu, rasprostranenie kotoroy v Rossiyskoy Federatsii zapreshcheno [Unified Register domain names, indexes pages of sites in the network «Internet» and the network address, enabling the identification of sites in the network «Internet», containing information, the dissemination of which is prohibited in the Russian Federation]. *The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and mass communications*. <http://eais.rkn.gov.ru/> (access date: 31/05/2016).
12. Edinyy federal'nyy spisok organizatsiy, v tom chisle inostrannykh i mezhdunarodnykh organizatsiy, priznannykh v sootvetstvii s zakonodatel'stvom Rossiyskoy Federatsii terroristicheskimi [Uniform Federal list of organizations, including foreign and international organizations recognized in accordance with the Russian terrorist]. *Federal Security Service legislation*. <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (access date: 31/05/2016).
13. Ivanov I.S. *Sotsiologicheskyy analiz komp'yuternoy igrovoy zavisimosti molodezhi Podmoskov'ya*. [Sociological analysis of computer gaming addiction Moscow region]. Abstract... cand. social. sc. Moscow, 2009. 27 pp.
14. Instruksiya po rabote s trebovaniyami General'noy prokuratury o prinyatii mer po ogranicheniyu dostupa k informatsionnym resursam, rasprostranyay-

- ushchim informatsiyu, sodержashchuyu prizyvy k massovym besporyadkam, osushchestvleniyu ekstremistskoy deyatel'nosti, uchastiyu v massovykh (publicnykh) meropriyatiyakh, provodimykh s narusheniem ustanovlenno-go poryadka [How to work with the requirements of the General Prosecutor's Office to take measures to restrict access to information resources, disseminate information containing appeals to riots, extremist activities, participation in mass (public) events held in violation of the established order of the Federal Service]. *Supervision of communications, information technology and mass communications*. <http://398-fz.rkn.gov.ru/docs/Instruction.pdf> (access date: 05/31/2016)
15. Ismagilov R.G. *Igra cheloveka kak sotsiokul'turnyy fenomen*. [Human Game as a social and cultural phenomenon]. Abstract ... cand. philosophy. sc. Ufa, 2006. 26 p.
 16. *Ito govaya deklaratsiya Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Totalitarnye sekty ugroza lichnosti, sem'e, gosudarstvu»* [Final Declaration of the International scientific and practical conference «Totalitarian Sects threat to the individual, the family, the state»]. Odessa, December 25, 2007 [Electronic resource]. URL: <http://www.iriney.ru/document/079.htm> (access date: 05/26/2016).
 17. Lelekov V.A. *O preduprezhdenii prestupnosti nesovershennoletnikh*. [On the prevention of juvenile delinquency]. *Sociological studies*. 2007. № 12, pp. 87–95.
 18. Melnikov L.G. *Bytie eskeypizma v kul'ture*. [Genesis escapism in culture]. Abstract ... cand. philos. sc. Rostov-on-Don, 2008. 35 p.
 19. *Mekhanizmy prestupnogo povedeniya* [Mechanisms of criminal behavior] / Ed. V.N. Kudryavtseva. M.: «Nauka», 1981. 248 p.
 20. *Moskovskaya kibersportivnaya liga*. [Moscow eSports league]. [Electronic resource]. <http://mcl.resp.su/> (access date: 31.05.2016).
 21. Olehnovich I.B. *Zavisimaya lichnost' v sovremennom rossiyskom obshchestve: formirovanie, proyavlenie, sotsial'naya adaptatsiya*. [Dependent personality in the modern Russian society: the formation, expression, social adaptation]. Abstract ... cand. philos. sc. Rostov-on-Don, 2015. 34 p.

22. *Perechen' nekommercheskikh organizatsiy, v otnoshenii kotorykh sudom prinyato vstupivshee v zakonnyuyu silu reshenie o likvidatsii ili zaprete deyatel'nosti po osnovaniyam, predusmotrennym FZ «O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti»* [The list of non-profit organizations, in respect of which the court accepted an inured decision on liquidation or prohibition of the activity on the grounds provided the Federal Law «On Countering Extremist Activity»]. The Ministry of Justice of the Russian Federation. http://minjust.ru/nko/perechen_zapret (access date: 31/05/2016).
23. *Perechen' obshchestvennykh i religioznykh ob''edineniy, deyatel'nost' kotorykh priostanovlena v svyazi s osushchestvleniem imi ekstremistskoy deyatel'nosti* [The list of public and religious associations, whose activities are suspended in the exercise of extremist activity]. The Ministry of Justice of the Russian Federation. http://minjust.ru/nko/perechen_priostanovleni (access date: 05/31/2016).
24. Popov V.A. *Izmenenie motivatsionno-tsennostnykh orientatsiy uchashcheysya molodezhi* [Change motivation and value orientations of students]. *Sociological studies*. 1999. № 6, pp. 96–99.
25. *Prikaz ot 11 sentyabrya 2013 goda №1022/368/666 «Ob utverzhdenii kriteriev otsenki materialov i (ili) informatsii, neobkhodimyykh dlya prinyatiya resheniy Federal'noy sluzhboy po nadzoru v sfere svyazi, informatsionnykh tekhnologiy i massovykh kommunikatsiy, Federal'noy sluzhboy Rossiyskoy Federatsii po kontrolyu za oborotom narkotikov, Federal'noy sluzhboy po nadzoru v sfere zashchity prav potrebiteley i blagopoluchiya cheloveka o vklyuchenii domennykh imen i (ili) ukazateley stranits saytov v informatsionno telekommunikatsionnoy seti «Internet»* [Order of September 11, 2013 №1022 / 368/666 «On approval of the criteria for evaluating materials and (or) the information necessary for decision-making by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications of the Russian Federation Federal Service for Control drug, the Federal service for Supervision of consumer rights protection and human welfare for the inclusion of the domain name and (or) signs pages of sites in the information telecommunication network «Internet»]. The Federal service for Supervision of communica-

- tions, information technology and mass communications. <http://eais.rkn.gov.ru/docs/Order1022.pdf> (access date: 31/05/2016).
26. Ratinov A.R. Psikhologiya lichnosti prestupnika. Tsennostno-normativnyy podkhod [Psychology offender. Value-normative approach]. *Personality of the offender as an object of psychological research*. M., 1979, pp. 3–33.
27. Rossiyskaya assotsiatsiya tsentrov izucheniya religii i sekt [Russian Association of Centers of studying religions and sects] / RACSRS. <http://www.anticekta.ru/> (access date: 31/05/2016).
28. Rozov N.S. Priroda prestupnosti i mekhanizmy kriminalizatsii obshchestva [The nature of crime and mechanisms of criminalization of society]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2006. №2, pp. 152–167.
29. Spravochnik: Naibolee izvestnye destruktivnye totalitarnye sekty i gruppy, obladayushchie znachitel'nyim chislom priznakov takovykh, a takzhe okkul'tnyye tseny i dvizheniya [Reference: The most well-known destructive totalitarian sects and groups that have a significant number of those signs and occult centers and traffic]. RACSRS. http://www.anticekta.ru/?page_id=8538 (access date: 05/31/2016).
30. Stepantseva O.A. *Subkul'tura geymerov v kontekste informatsionnogo obshchestva*. [The subculture of gamers in the context of the information society]. Abstract ... cand. cult.sc. SPb., 2007. 27 p.
31. *Federal'nyy zakon ot 25.07.2002 № 114 – FZ (red. ot 23.11. 2015) «O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti»* [The Federal Law of 25.07.2002 number 114 – FL (Ed. from 23.11 in 2015), «On Countering Extremist Activity»]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (access date: 31/05/2016).
32. *Federal'nyy spisok ekstremistskikh materialov* [The Federal List of Extremist Materials]. The Ministry of Justice. <http://minjust.ru/extremist-materials> (access date: 05/31/2016).
33. Shepel Y.V. *Igrovaya zavisimost' kak sotsiokul'turnoe yavlenie v sovremennom obshchestve*. [Compulsive gambling as a sociocultural phenomenon in modern society]. Abstract ... cand. social. sc. M., 2007. 28 p.

34. *Ekspertnyy sovet po provedeniyu gosudarstvennoy religiovedcheskoj ekspertizy pri glavnom upravlenii ministerstva yustitsii* [Expert Council for Conducting State Religious Expertise at the headquarters of the Ministry of Justice]. The Ministry of Justice. <http://to78.minjust.ru/ekspertnoe-zaklyuchenie-po-rezultatam-provedeniya-gosudarstvennoy-religiovedcheskoj-ekspertizy-v> (Access date: 05/31/2016).
35. EPICENTER: Moscow. DOTA 2. <http://www.epicenter.gg/> (access date: 31.05.2016).
36. Yakovlev A.M. *Teoriya kriminologii i sotsial'naya praktika*. [The theory of criminology and social practices]. M.: «Nauka», 1985. 247 p.
37. STEAM. <http://store.steampowered.com/> (access date: 31.05.2016).

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Кузина Наталья Владимировна, руководитель отдела аспирантуры, магистратуры и дополнительного профессионального образования, доцент, кандидат филологических наук, клинический психолог, фармацевт
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева»
ул. Космонавтов, 2, г. Москва, 129366, Российская Федерация
nvkuzina@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kuzina Natalia Vladimirovna, Head of Post-Graduate, Graduate and Additional Professional Education, Assistant Professor, Candidate of Philological Sciences, Clinical Psychologist, Pharmacist
FSRI «Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage»
2, Kosmonavtov Str., Moscow, 129366, Russian Federation
nvkuzina@mail.ru
SPIN-code: 2069-8510
ORCID: 0000-0001-9094-7182

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICS

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-4-30-45

УДК 311.2

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В МАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ: МОЖНО ЛИ РАЗБУДИТЬ «МОЛЧАЛИВОЕ БОЛЬШИНСТВО»?

Бронзино Л.Ю., Шаталина С.А.

Исследование общественного мнения сталкивается с рядом трудностей, анализ которых представлен в статье. Эти сложности носят междисциплинарный характер – каждая из дисциплин, рассматривающая общественное мнение как предмет своего изучения, формулирует и собственный круг проблем, обозначенных в статье как онтологические, методологические и политологические. Субъектом общественного мнения в массовом обществе является социальная масса, потому оно включает в себя все негативные характеристики последней. Анализируя данные проблемы, авторы приходят к выводу о манипулятивном характере общественного мнения и ставят задачу изучения механизма таких манипуляций на конкретном примере. Реакция российского общественного мнения на принятие «Закона Димы Яковлева» служит иллюстрацией, с одной стороны, манипулятивной природы общественного мнения, с другой – выступает как аргумент за то, что манипуляции, несмотря на свою онтологическую порочность, могут оказывать положительное влияние на мнение и поведение людей.

Цель – выявление специфики манипулирования общественным мнением в эпоху массового общества.

Метод или методология проведения работы: в статье использовался метод контент-анализа.

Результаты: получены данные, позволяющие выявить технологии манипуляции общественным мнением на конкретном примере.

Область применения результатов: полученные результаты могут применяться средствами массовой информации.

Ключевые слова: общественное мнение; «молчаливое большинство», массовое общество; манипуляция общественным мнением; отношение к усыновлению.

PUBLIC OPINION IN MASS SOCIETY: IS IT POSSIBLE TO WAKE UP THE SILENT MAJORITY?

Bronzino L.Y., Shatalina S.A.

Public opinion researchers face some problems, analyzed in the article. These problems are interdisciplinary, because every science studying public opinion outlines its specific difficulties, named in the article “ontological”, “methodological” and the “problems of political science”. The public opinions’ carrier in mass-society is mass, that why public opinion in this type of society is carrying all its negative characteristics. The analysis of these problems leads to the conclusion that public opinion has a manipulating character; so the authors are aiming to study the manipulations on a specific example. On the one hand, Russian public opinion reaction to the enactment of “The Dima Yakovlev law” illustrates the manipulating nature of public opinion. On the other it gives arguments for positive influence on masses’ attitudes and behavior.

Purpose is a definition of specific features of public opinion in mass-society. Content-analysis as methodology is used in article.

Results: the data illustrating the manipulative character of public opinion in mass-society are received.

Practical implications. The results can be useful for the mass-media makers and analytics.

Keywords: *public opinion; 'Silent Majorities', mass-society; public opinion manipulations; attitude to adoption.*

«Свобода подобна горному воздуху. Для слабых она непереносима»
[1, с. 694].

«Свободомыслие, свободная любовь, свободная торговля – в бокал каждой из этих «свобод» влито довольно много воды. К тому же воды несвежей» [1, с. 695].

**«Общественное мнение всегда самосуд,
а самосуд всегда развлечение. Даже если вместо пистолета
прибегают к газетной статье»** [1, с. 666].

Рассуждениям о порочности массы и массового сознания более полувека. Описанный Г. Маркузе «одномерный человек» [8], способный лишь воспроизводить навязанные ему примитивные суждения и утративший восприятие себя как уникальной личности и «довольный собственной неотличимостью» [11] массовый человек Х. Ортеги-и-Гассета – наиболее известные персонажи длительной истории сетований на стандартизацию и дегуманизацию социальности, столь характерные для социальной мысли XX века. Казалось, что апокалипсические заклинания Ж. Бодрийера поставили в этом вопросе точку: масса представляет собой «соединенные пустотой индивидуальные частицы, обрывки социального и распространяемые средствами информации импульсы: непроницаемая туманность, возрастающая плотность которой поглощает все окрестные потоки энергии и световые пучки, чтобы рухнуть в конце концов под собственной тяжестью. Черная дыра, куда проваливается социальное» [2]. Восставшая масса поглотила саму социальность, сделав дальнейшие рассуждения бессмысленными.

Появление интернета и почти всеобщая «подключенность» к социальным сетям по идее должна была способствовать появлению нового инди-

вида – информированного и заинтересованного. Г. Рейнгольд изобретает забавный термин «умная толпа»: обзаведясь возможностью общаться, не прибегая к посредству институций, до того контролировавших практически все способы взаимодействия между индивидами, люди начнут организовываться самостоятельно, идентифицироваться в новом социальном (хотя и виртуальном) пространстве и сформируют свою волю, создав новую социальность [12]. Эта воля может воплотиться в общественное мнение иного типа – основанное на знании, а не мнениях, а потому способное судить о происходящем без предубеждений и предрассудков. Неограниченность доступа к информации должна была привести к осуществлению старой просвещенческой мечты – построению цивилизации знания, гарантировавшего справедливость созданного на ее основе общества и, если не однозначное счастье для всех, то условия, в которых это счастье становится потенциально доступным.

Однако счастливые предчувствия не сбылись, а мрачные предсказания исполнились. Столь долгожданная радость всемирного общения и неограниченный доступ к информационным ресурсам вроде налицо, но в комплекте с ними мы получили ни с чем не сравнимые возможности этими свободно взаимодействующими индивидами управлять. Технологическое совершенство обернулось провалом в гуманитарной области: Т. Адорно и М. Хоркхаймер [16] об этом предупреждали, связав с базовым противоречием между человеком и «машиной» как отражением коллизии природного и рационального, являющейся, в свою очередь, атрибутивной чертой построенной человечеством «индустрии культуры». Технологии остались антигуманными по сути, будучи не в состоянии преодолеть собственную античеловеческую природу.

Понятие общественного мнения, хотя и появилось для того, чтобы была возможность учесть мнение всего населения (или хотя бы какой-то его части), постоянно вызывало немало сомнений. Как может возникать единое мнение у всех относительно того, что и среди профессионалов не имеет однозначной оценки? А тогда, когда его главным субъектом стала

масса, стало окончательно ясно: большинство скорее будет интересоваться подробностями жизни «звезды», нежели серьезными социально-политическими вопросами, а если такой интерес возникнет, не станет прилагать усилий, чтобы достичь объективного и обоснованного суждения. Общественное мнение в массовом обществе само напрашивается на то, чтобы стать жертвой манипуляции: «есть, с одной стороны, мнения сформированные, мобилизованные и группы давления, мобилизованные вокруг системы в явном виде сформулированных интересов; и с другой стороны, – предрасположенности, которые по определению не есть мнение, если под этим понимать... то, что может быть сформулировано в виде высказывания с некой претензией на связность» [4].

**«Научная истина подчинена
тем же законам распространения, что и идеология.
Научное суждение – это как папская булла о регулировании
деторождения, которая обращает в веру
только уже обращенных» [4].**

Научная (или, во всяком случае, наукообразная) интерпретация общественного мнения связана с формированием апробированного инструментария для его изучения. С тех пор, как Дж. Гэллуп научился предсказывать результаты выборов с помощью специально разработанных методов, социологический подход к исследованию обществ приобрел технологический аспект: чем более изощренная методика используется для исследования, тем более надежны результаты и адекватно отражено мнение «народа». Онтологическая проблема отодвигается на задний план – *кто* думает, и можно ли это считать результатом *раздумий* – уже неважно, главное, зафиксировать сложившееся положение дел. В социологии восторжествовал «методологический детерминизм».

Привыкшие со времен Декарта во всем сомневаться французы ставят под вопрос сами технологии. П. Шампань детально анализирует технические проблемы проведения опросов, указывая на противоречивость их ге-

незиса и методологическую специфику, которая по определению включает в себя установки исследователей, так или иначе транслируемые респондентами [4]. П. Бурдьё, воспроизводя логику знаменитой «спирали молчания», провоцирует новый этап дискуссии о «предрасположенности» людей высказываться определенным образом, осложняющейся лоббированием интересов отдельных групп, которые выдаются за «общие интересы», а их мнение, соответственно, за общее мнение [4]. Технологический аспект смешивается с онтологическим, а эмпирическая верифицируемость, которую выдавали за научную гарантию легитимности общественного мнения, теряет преимущества. Инструментально понята научность остается признаком технологической рациональности, никак не нивелируя давно замеченные пороки «молчаливого большинства». Последнему лишь комфортнее под покровом науки, легитимирующей его высокой целью поиска истины. В итоге «благодаря технологическим средствам, которые нужны для осуществления свободы мнения в современном обществе, экономическая власть проникает в политику и оккупирует ее за счет своего могущества» [14] – тот, кто владеет инструментом измерения, владеет миром.

«Существование общественного мнения оправдывается хотя бы удовольствием попирать общественное мнение» [1, с. 666].

Общественное мнение можно создать, и чем профессиональнее создатели, тем в большей степени масса уверена, что она сама сознательно сформировала представление о важном событии. Исключительно циничен политологический подход к сложившейся ситуации с общественным мнением: вместо того, чтобы сетовать на онтологическую порочность мнения масс, как это делают философы, или недостатки инструментария, не позволяющие ухватить реальное мнение, чем занимаются социологи, политологи каталогизируют способы манипуляции и с охотой их применяют.

Манипулирование общественным мнением в такой ситуации не исключение, а норма, проявление которой можно обнаружить повсеместно. Возьмем, например, нашумевший закон «О мерах воздействия на лиц, причаст-

ных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» – так называемый «Закон Димы Яковлева», содержащий, помимо прочего, запрет гражданам США усыновлять российских детей. Несмотря на то, что в законе вето наложено на массу важных аспектов, пристальное внимание СМИ обратили только на то, что гражданам США запрещено усыновлять российских детей: судя по количеству самых разнообразных статей и опросов общественного мнения в течение нескольких лет после принятия закона [5; 6; 10; 13], в глазах общественного мнения аспект иностранного усыновления остается преобладающим.

Раз манипулирования нельзя избежать, есть смысл задуматься, может ли оно иметь позитивную направленность. Проблема сиротства вовсе не находилась в центре общественного внимания, имея, тем не менее, отрицательные коннотации разного рода – от представлений об опасности беспризорников до убеждения в неспособности выпускников интернатных учреждений к нормальной общественной жизни. Широта обсуждения Закона в СМИ спровоцировала всплеск интереса к усыновлению, который сказался на статистике. Несмотря на то, что доля детей, усыновленных иностранными гражданами, уменьшилась в два раза, общее количество усыновленных детей после принятия закона больше, чем до его принятия (данные Интернет-проекта Министерства образования и науки РФ [15]: в 2012 году под опеку было передано 58,8 тысяч детей, в 2013 году – 62,9 тысяч детей, в 2014 году столько же – 62,9 тысяч детей). Статистика возврата детей также несет позитивную динамику: [15] количество возвращенных детей в 2013 году уменьшилось по сравнению с 2009 (в 2009 году было возвращено около 9,7% детей, а в 2013 – 9,1%. Разница небольшая, но это тот случай, когда за каждой долей процента стоит детская жизнь). Цифры свидетельствуют об определенном сдвиге в массовом сознании, вызванном смещением акцентов и спровоцированный средствами массовой информации.

Подогреваемый СМИ интерес к проблеме сиротства, как представляется, оказал положительное влияние на поведение потенциальных российских усыновителей. Есть ли возможность проследить механизм этого влияния?

Для этого определим, какое отношение к принятому закону и иностранному усыновлению характерно для различных изданий, проведя небольшое разведывательное исследование. Проанализируем содержание 13 статей из интернета, которые соответствовали определенным параметрам: они принадлежали официальным интернет-изданиям, опирались на достоверные источники, не были анонимными и относились непосредственно к теме сиротства или к обсуждению «Закона Димы Яковлева». Они были изданы в разные годы – от самого подписания акта до наших дней, и содержат в себе информацию о том, как изменялось общественное мнение с течением времени. В них имеются интервью с экспертами в данной области, описание отдельных случаев установления опеки, иногда присутствует подробная статистика.

В результате анализа текстов были выявлены некоторые закономерности описания закона, его последствий, его сторонников и противников. Все статьи можно условно поделить на «пророссийские» и «проамериканские». Это выражается в одобрении или неодобрении «закона Димы Яковлева», отношении к иностранному усыновлению в целом, круге цитируемых лиц и приводимых аргументов, а также в определениях, даваемых американской стороне. Количество первых («пророссийских») статей заметно выше, из 13 рассмотренных статей 9 имели явный «пророссийский» курс, 3 оказались «проамериканскими», а одну статью можно назвать нейтральной.

Арсенал задействованных в статьях методов манипуляции широк, но поддается описанию. Удалось обнаружить следующие приемы: «Определение», «Блестящая всеобщность», «Рекомендация», «Перенос», «Подмена», «Свои ребята», «Смещение акцентов» и «Забалтывание» [7]. Кратко их можно охарактеризовать так: «Определение» – соотношение объектов с нужными манипулятору характеристиками (как положительными, так и отрицательными), которые из-за их частого повторения становятся само собой разумеющимися для людей. Например, в российских СМИ о гомосексуализме принято говорить как о психическом отклонении, что несет в себе отрицательную характеристику и, таким образом, создается впечатление того, что это что-то неправильное и неестественное. «Блестящая все-

общность» – применение манипуляторами выражений, убеждающих в том, что абсолютное большинство («подавляющее большинство», «общественное мнение») поддерживает эту же самую точку зрения. Нередко в газетах, журналах, на телевидении мелькают выражения «Больше половины россиян...», «Почти две трети населения...», «Восемьдесят процентов браков...», а дальше срабатывает «спираль молчания» [9]: конформистом быть проще и спокойнее. «Рекомендация» – представление нужного тезиса или мысли популярной личностью (известным ученым, журналистом, писателем, артистом, спортсменом и т.п.). Этот прием нередко используется в рекламе («звезды рекомендуют»), но также часто эксплуатируется и политиками. «Перенос» – уловка, с помощью которой нужное лицо «получает» авторитет, принадлежащий другому, посредством переноса и сравнения определенных качеств. Здесь объект искусственно привязывается к чему-либо, что однозначно приравнивается общественным сознанием к положительному или, наоборот, отрицательному. «Подмена» – применение положительных эпитетов и определений для того, чтобы вызвать негативное или позитивное отношение: о событии судят не по событиям, которые реально происходят, а по тому, как их называют и какую оценку им дают дикторы новостей или редакторы газет. «Свои ребята» – создание впечатления близости с определенным лицом или общественной группой. Сюда входят такие лексические пары как «простые граждане», «обычные люди», рабочие разных сфер, с которыми сознательно или несознательно ассоциируют себя люди. «Смещение акцентов» – иллюстрацией этой уловки может послужить советский анекдот о комментарии к соревнованию американского и советского бегунов. Победил американец. Советские комментаторы: «Наш спортсмен прибежал вторым, американский спортсмен – предпоследним». Прием «забалтывания» используется для отвлечения внимания от по-настоящему важных проблем в пользу какой-то сенсационной, «желтой» новости.

Прием «определение» встречается в анализируемых статьях о Законе чаще всего. Во-первых, абсолютно во всех статьях хотя бы раз употреблялось словосочетание «погибший мальчик», что само по себе несет в себе

определенную характеристику. Далее различалось только количество упоминаний и наличие или отсутствие подробностей смерти («зверское преступление», «запер на солнцепеке», «от инсульта умер двухлетний Дима Яковлев»). В большинстве случаев отрицательные характеристики приписывались всему, что связано с Америкой и американскими усыновителями. В «проамериканских» статьях, нужные эпитеты соотносились с запретами на усыновления, делался упор на невозможность обретения детьми новой семьи в Америке («закон Димы Яковлева обрек на проживание в детдомах неисчислимое число детей-сирот по всей стране», «лишил надежды на семью и несколько сотен сирот, которые уже были знакомы со своими будущими усыновителями-гражданами США»).

Ощущение близости с определенным лицом создавалось чаще в «проамериканских» статьях, когда речь заходила о людях, которые успели познакомиться с российскими детьми, но из-за закона полностью пройти процедуру усыновления не успели. Трогательная статья о письмах президенту была направлена как раз на то, чтобы читатели ощутили близость с этими людьми, которые пишут о любви и привязанности, чувствах, которые испытывают большинство. Преодоление стереотипа о том, что раз они американцы, а значит, совсем не такие, как мы – цель использования этого приема в данном контексте. В «пророссийских» же статьях мелькали данные о том, что определенное количество россиян готово усыновить детей, что также говорит о попытке привлечь читателя к теме, почувствовать себя частью общности.

Статьи имели разную степень эмоциональности, выраженную в количестве употребляемых эпитетов, использовании просторечий (например, встречалась фразы вроде «сетует Александр Ржаненков» или «Семь детей «зависли»), общей направленностью (статья ТАСС о судьбах детей, усыновленных иностранцами). Тема убийства детей и сиротства является однозначно сенситивной как для российского, так и любого другого общества, поэтому, каким бы стилем не были написаны статьи – формальным или публицистическим – таких словосочетаний как «нарушение прав человека», «память об убитом мальчике», «запрет усыновления» избежать не

удалось ни одной статье. Это можно назвать одним из способов манипулирования, поскольку сам предмет рассуждения наталкивает читателей на определенные мысли по поводу происшествия, дело журналистов только в том, чтобы направить эту мысль в нужное русло. Будут россияне поддерживать закон или нет, какого будет их отношение к иностранному усыновлению и проблеме сиротства в России, найдут ли они в себе силы и желание стать приемным родителем – все это зависит во многом от того, каким образом им будет подана информация. Эмоциональное воздействие – верный путь, по которому пошли как «пророссийские», так и некоторые «проамериканские» статьи. В первых «давили» на то, как с российскими детьми зверски обращались иностранные усыновители и на то, как в некоторых случаях они оставались безнаказанными. В одной статье речь зашла о так называемых «американских биржах», торгующими детьми. Все это, естественно, вызывает сильный отклик в сердцах читателей. Благодаря статьям создается ощущение, что в Америке усыновленным детям небезопасно, ведь известно множество случаев насилия.

Статьи отличаются не только эмоциональностью, но и аргументацией. Некоторые журналисты описывали конкретные случаи с детьми, некоторые приводили цифры, другие – мнения экспертов в обозначенной области. Во всех статьях, в которых упомянут Павел Астахов, омбудсмен по делам несовершеннолетних, прослеживается четкий пророссийский курс. В этих статьях часто встречались слова «американцы оказались неготовыми к усыновлению», «дети были не нужны новым родителям», «они должны оставаться в родной стране», «ребенок был избит приемной матерью» и другие. В целом, аргументация скорее ценностная, эмоциональная, хотя сам Астахов нередко приводил некоторые цифры, касающиеся смертности сирот в Америке, говорил о количестве нелегально переправленных за границу детей. Эмоциональную аргументацию использовали не только в «пророссийских» статьях. В статье о письмах американских семей и челябинского мальчика к Президенту России В.В. Путину также используются подобные приемы. В этих статьях оперируют такими понятиями

как «любовь», «доверие», «разлука», что создает ощущение близости с читателем, заставляет переживать потерю и сочувствовать семьям, которым не удалось воссоединиться с приемными и успешными полубитыми детьми. Среди рациональных аргументов – статистика детей, процесс усыновления которых «заморозился» после принятия закона, мысль о том, что дети потеряли реальный шанс обрести счастье, пускай и за границей. Используются тезисы о том, что велик процент усыновления из категории «сложных» детей — зрелого возраста или детей-инвалидов (на самом деле, только 6–7% усыновленных за границу детей являются инвалидами, однако, по сравнению с российскими 2–3% они выигрывают).

Отношение к иностранному усыновлению – еще один параметр, по которому резко отличались анализируемые стороны. Поддержка усыновления иностранными гражданами высказывалась только в «проамериканских» статьях, в них говорили о перспективах детей, которых правительство их лишает. Это парировалось статистикой, приведенной в «пророссийских» статьях: несмотря на то, что процент иностранных усыновителей упал в два раза, в целом детей меньше усыновлять не стали, что говорит о восполнении образовавшегося пробела гражданами России. Еще один аргумент в пользу усыновления за границу – это развитая медицина и готовность помогать детям, которые тяжело больны. В России дети-инвалиды и имеющие генетические заболевания почти лишены возможности усыновления во многом потому, что лечение в пределах нашей страны нередко оказывается либо слишком дорогим, либо вообще невозможным. За границей такие дети действительно имеют шанс на выздоровление и счастливую семью. По утверждениям экспертов «пророссийской» стороны, в Думе стоит вопрос об увеличении социальных выплат гражданам, усыновившим больных детей. Статья о Михаиле Прохорове и Алле Пугачевой, которые образовали благотворительный фонд, говорит о том, что проблемой таких детей занимается не только государство. Но привлечение звезд политики и эстрады – тоже способ воздействия, этот прием позволяет перенести авторитет популярных людей на другие сферы, тем самым привлекая внимание

к социальной проблеме. Рассматриваемый материал дает возможность выявить разнообразные явные и скрытые приемы манипулирования. Главная цель – привлечение внимания к социально важной проблеме сиротства, а также обращение внимания на ситуацию с усыновленными в США.

Количество детей, находящихся в интернатных учреждениях в России, столь велико, что составляет серьезную проблему, которую точно не решить исключительно с помощью СМИ – каким бы изощренными ни были используемые ими способы манипуляции. И все же в массовом сознании до начала самой по себе сомнительной истории с принятием «Закона Димы Яковлева» проблема усыновления как бы вовсе не существовала. Периодически возникали отдельные публикации, но широкого резонанса они не вызывали, массовое сознание оставалось глухо к проблемам сирот. И хотя результаты представленного эмпирического исследования (оно носило предварительный и пилотный характер) нельзя считать однозначным доказательством манипуляций в СМИ и изменений отношения россиян к проблеме сиротства и усыновления, ее акцентирование нельзя не признать актуальным. Принятие Закона и поднятый вокруг него шум пришлось кстати, хотя бы потому, что оказали воздействие на массовое сознание россиян, заставив задуматься о реально существующей социальной проблеме.

Пьер Бурдьё прав: общественное мнение не существует. Однако анализ манипулирования с иных позиций может дать относительно более радужную перспективу, чем предсказали теоретики общественного мнения и критики массового общества. Если уж манипулирования нельзя избежать, то его следует использовать во благо. Осталось немного – просто установить, что оно собой представляет.

Список литературы

1. Акутагава Рюноскэ. Малое собрание сочинений. СПб., 2010.
2. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.

3. Бронзино Л.Ю., Курмелева Е.М. Интеллектуал в зеркале эпохи (полемические заметки) // *European Social Science Journal*. 2012. № 12–1 (28). С. 22–31.
4. Бурдые П. Общественное мнение не существует // Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
5. Гибель Максима Кузьмина и проблема иностранного усыновления // ВЦИОМ. Официальный сайт. Пресс-выпуск №2250. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113729>
6. «Закон Димы Яковлева»: год спустя // ВЦИОМ. Официальный сайт. Пресс-выпуск № 2506. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114699>
7. Кара-Мурза С.Г., Смирнов С.В. Манипуляция сознанием-2. М., 2009.
8. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1994.
9. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.
10. Общественное мнение об усыновлении и «законе Димы Яковлева» // Левада-Центр. Официальный сайт. Пресс-выпуски. 03.02.2014. URL: <http://www.lewada.ru/03-02-2014/obshchestvennoe-mnenie-ob-usynovlenii-i-zakone-dimy-yakovleva>
11. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // *Вопросы философии*. 1989. №4. С. 155–169.
12. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006.
13. Россия и Запад: друзья? враги? // ВЦИОМ. Официальный сайт. Пресс-выпуск № 2761. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115130>
14. Урбинати Н. Искаженная демократия. Мнение, истина и народ. URL: <http://postnauka.ru/longreads/56311>
15. Усыновление в России. Интернет-проект Министерства образования и науки РФ. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/>
16. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., СПб., 1997.
17. Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра. М., 1997.

References

1. Akutagava Runoske. *Maloe sobranie sochineniy* [Small Works]. SPb, 2010.
2. Baudrillard J. *V teni molchalivogo bolshinstva. Konez socialnogo* [In the Shadow of the Silent Majorities]. Ekaterinburg, 2000. <http://anthropology.ru/ru/text/bodriyar-zh/v-teni-molchalivogo-bolshinstva#v-teni-molchalivogo-bolshinstva>
3. Bronzino L.Y., Kurmeleva E.M. Intellectual v zerkale epohi (polemicheskie zametki) [Intellectual in the mirror of an epoch (polemical notes)]. *European Social Science Journal*. 2012. № 12-1 (28), pp. 22–31.
4. Bourdieu P. Obshchestvennoe mnenie ne sushchestvuet [L'opinion publique n'existe pas]. Bourdieu P. *Sociologiya Politici*. M.: Socio-Logos, 1993.
5. *Gibel Maksima Kuzmina I problema inostrannogo usinovleniya* [Maxim Kuzmin's death and a problem of international adoption]. VCIOM. Official site. Press release №2250. <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=113729>
6. «*Zakon Dimi Yakovleva*»: god spustya [Dima Yakovlev's law: a year after]. VCIOM. Official site. Press release № 2506. <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114699>
7. Kara-Murza S.G., Smirnov S.V. *Manipulyaziya soznaniem-2* [Manipulation of consciousness-2]. M., 2009.
8. Marcuse H. *Odnomerniy chelovek. Issledovaniye ideologii razvitogo industrialnogo obshchestva* [One-Dimensional Man]. M., 1994.
9. Noelle-Neumann E. *Obshchestvennoe mnenie. Otkritie spirali milchaniya* [Public opinion. The spiral of silence' opening]. M., 1996.
10. *Obshchestvennoe mnenie ob usinovlenii I "Zakone Dimi Yakovleva"* [Public opinion about adoption and "Dima Yakovlev's Law"]. Levada-Centre. Official site. Press release 03.02.2014. <http://www.levada.ru/03-02-2014/obshchestvennoe-mnenie-ob-usinovlenii-i-zakone-dimi-yakovleva>
11. Ortega y Gasset J. Vosstanie mass [La rebelión de las masas]. *Voprosi filosofii*. 1989. N4, pp. 155–169.
12. *Rheingold H. Umnaya tolpa* [Smart mob: a new social revolution]. M., 2006.
13. *Rossiya i Zapad: druz'ya? vragi?* [Russia and the West: Friends? enemies?]. VCIOM. Official site. Press release №2250. № 2761. <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115130>

14. Urbinati N. *Iskazhennaya demokratiya. Mneniye, istina I narod* [Democracy Disfigured: Opinion, Truth, and the People]. <http://postnauka.ru/longreads/56311>
15. *Usinovleniye v Rossii. Internet-Proekt Mionisterstva obrazovaniya I nauki RF* [Adoption in Russia. Internet project of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation]. <http://www.usynovite.ru/statistics/>
16. Horkheimer M., Adorno T. W. *Dialectica Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenti* [Dialectic of Enlightenment]. М., SPb., 1997.
17. Champagne P. *Delat mneniye: novaya politicheskaya igra* [Faire l'opinion: le nouveau jeu politique]. М., 1997.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Бронзино Любовь Юрьевна, доктор социологических наук, доцент

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, 117198, Российская Федерация

lbronzino@gmail.com

Шаталина София Александровна

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, 117198, Российская Федерация

ftremolo@ya.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Bronzino Lyubov Yurevna, Doctor of Social Sciences, Associate Professor

Peoples' Friendship University of Russia

6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation

lbronzino@gmail.com

Shatalina Sofia Aleksandrovna

Peoples' Friendship University of Russia

6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation

ftremolo@ya.ru

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-4-46-61

УДК 32.019.51

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАДИКАЛИЗМА – ОТ «РЕВОЛЮЦИОННОГО КАРНАВАЛА» К РЕЛИГИОЗНОМУ ТЕРРОРИЗМУ

Морозов И.Л.

В статье рассматривается современный процесс изменения форм и методов сопротивления сложившейся системе глобального управления. Автор указывает на упадок традиционного антиглобализма леворадикального интернационального толка, выразителем которого был субкоманданте Маркос. На смену традиционному антиглобализму приходит религиозный экстремизм, сторонники радикального исламизма сумели создать квазигосударство «Исламский Халифат» и развернули террористическую войну против цивилизации Запада. Автор выступает против любых форм военного вторжения в регион Ближнего и Среднего Востока, призывает сосредоточиться на укреплении национальных границ государств Европы и Северной Америки.

Ключевые слова: *глобализация; антиглобалисты; терроризм; экстремизм; религия; ИГИЛ.*

TRANSFORMATION OF POLITICAL RADICALISM – FROM THE “REVOLUTIONARY CARNIVAL” TO RELIGIOUS TERRORISM

Morozov I.L.

The article discusses the current process of change in forms and methods of resistance to the current system of global governance. The author points to the

decline of traditional leftist anti-globalization wing of the international, the mouthpiece of which was subcomandante Marcos. The traditional anti-globalization comes religious extremism, supporters of radical Islam has managed to create a quasi-state "Islamic Caliphate" and launched a terrorist war against Western civilization. The author argues against any form of military intervention in the Middle East, calls for focus on strengthening the national borders of the States of Europe and North America.

Keywords: globalization; anti-globalization; terrorism; extremism; religion; ISIL.

Глобализация в вестернизированном варианте состоялась как очередное перераспределение в планетарном масштабе материальных и духовных ресурсов в пользу стран Запада, а так же выстраивание американоцентрических статусных иерархий в международной системе. De facto вестернизация выступила в качестве стратегической линии Западной цивилизации, направленной на освоение «высвободившихся» ресурсов земного шара после падения СССР и его геополитических сателлитов. Данная стратегия была обусловлена стремлением избежать прогнозируемой Римским клубом ловушки «пределов роста», основанной на прогрессирующем убывании ресурсного обеспечения реального сектора экономики (материальное производство) при ускорении темпов роста не просто человеческой популяции на планете, а именно того сегмента, который принято обозначать как «золотой миллиард», «общество потребления». Автор знаменитого доклада Римского клуба Д. Меддоуз на основании выполненного математического анализа отмечает: «Плохая новость состоит в том, что многие важнейшие источники истощаются и деградируют, а большинство стоков уже переполнено... Хорошая новость заключается в том, что существующие темпы использования ресурсов вовсе не являются необходимыми для поддержания достойного уровня жизни всех людей на планете» [5, с. 38]. Получается, что человечество в современном формате своего существования расходует планетарные ресурсы нераци-

онально, однако признаков того, что удастся ввести эффективное самоограничение, пока не наблюдается.

Современный глобальный политический процесс актуализировал вопрос не только дальнейшего сохранения западной военно-политической гегемонии, но и самого выживания Запада в цивилизационном смысле [12, с. 685–719], хотя к рубежу XXI века Запад подошел как минимум с тремя победами стратегического значения в противостоянии со своими конкурентами:

– Запад сохранил собственную сплоченность, устранив угрозу внутренних религиозных (католики vs протестанты) и политических (фашистские государственные режимы с агрессивной внешней политикой) войн, повысив экономическую, культурно-информационную и финансовую взаимозависимость всех ключевых политий Нового и Старого света, оформленную в систему устойчивых межгосударственных и надгосударственных организаций (НАТО, ЕС, НАФТА и т.д.);

– благодаря новым информационно-пропагандистским [10, с. 327–746; 7, с. 553–556] и экономическим технологиям ведения войны, Запад сумел «взломать» межцивилизационный защитный барьер в виде советского ядерного паритета, гарантировавший безопасность основных антагонистов времен «холодной войны», обесценив смысл ядерного оружия, что позволило деконструировать советский международный блок и устранить его с политической карты мира как альтернативный проект развития человечества;

– Запад одержал победу в конкуренции идеологий [3, 136–204], в результате которой закрепил за собой право переводить все конкурирующие идеолого-политические константы в категорию политического экстремизма, подлежащего искоренению в том числе и превентивными репрессивными методами, обеспечил себе прямой доступ к политическому сознанию социальных страт незападных государств в целях его модификации методом внедрения суррогатной квазикультуры («поп-арт»), искаженного восприятия национальной истории, литературы, искусства.

Осевой конструкцией эпохи постиндустриала является информация, а стратегическими точками опоры – каналы передачи информации, кор-

порации по ее генерации, интеллектуальные центры («фабрики мысли»), обеспечивающие идеологическое обеспечение процессов глобализации. Именно в информационной сфере будет решен исход борьбы между системой глобального подавления и субъектами локальной свободы. Вооруженная борьба со стороны мятежников может оцениваться лишь как тактика, и то быстро теряющая какое-либо значение в плане эффективности и невольно «подыгрывающая» замыслам оппонента.

Семантические казусы, уничтожающие привычный человеческому сознанию смысловой конструкт, выступили основным видом оружия глобалистов, занятых подменой «неудобных» понятий и смысловых трактовок в восприятии целых народов. Наряду с внедрением «новояза», расщепляющего рационалистическое мировосприятие, осуществляется целенаправленная примитивизация национальных языков, повсеместно навязывается стандарт английского языка, как языка «мировой науки», «мировой политики», «мировой культуры», «социального общения». К примеру, язык российских СМИ сейчас заметно более упрощен и вульгарен в сравнении советским периодом, зато российских ученых даже в провинциальных вузах различные нормативы сейчас понуждают к регулярным публикациям на английском языке в зарубежных изданиях.

Повсеместно культивируется религиозное мировосприятие (критика которого запрещена в России законодательно [13]), вытесняющее рационально-критический, околonaучный стиль мышления, на формирование которого некогда была направлена, например, советская школа. Соответственно, повысились возможности применения манипулятивных информационных технологий управления политическим поведением как отдельного гражданина, так и социальных страт.

В глобальной информационной войне, ведущейся между проводниками глобализации и национальными политиями, особое значение имеют два символических кода, апеллирующих к исторической памяти народов:

– борьба с фашизмом, под которой сейчас нередко обнаруживается замаскированный вектор противостояния глобализировавшихся элит (действи-

ющих под политическим и экономическим управлением международных финансовых институтов) и народной (национальной) самоорганизации;

– борьба с международным терроризмом, которая зачастую маскирует смысл противостояния мировой финансово-политической элиты с народами традиционалистского жизненного уклада, чей привычный мир был разрушен экспансией со стороны Запада.

Например, именно цепь военных операций вооруженных сил Западных стран на территории Ближнего и Среднего Востока в конце XX – начале XXI вв. привела к разрушению государственности Афганистана, Ливии, Сирии, Ирака, обрушила экономическую систему и социальную инфраструктуру данного региона и породила ответную волну беженцев, несущих с собой на территорию Европы и США в том числе и террористическую опасность. Но оправдывались эти военные операции благими намерениями – освобождением восточных народов от местных фашиствующих диктаторов (С. Хусейн, М. Каддафи и др.).

Сакральная этимология этих идеологем, позволяющих любого противника западных ценностей «безошибочно» отнести к категории сторонников фашизма или терроризма, не только старательно поддерживается мировыми СМИ, но и защищается от попыток рационального осмысления с помощью прямого запрета на дискуссии.

Глобализация пробудила к сопротивлению силы противодействия ей, имеющие самый разный генезис. Причем на первом этапе сопротивления преобладал квазилевацкий проект, одним из идеологов и кумиров которого стал мексиканский мятежник, известный как субкоманданте Маркос. Главного противника антиглобалисты первой волны видели в господстве транснациональных корпораций, главное зло – в неравномерном распределении производимых на планете благ, главный метод борьбы – «революционный карнавал», отрицающий (или как минимум избегающий) насилие, рассматривающий борьбу с противником как увлекательную и веселую игру, которая во благо общего дела стирает поведенческие границы между богатыми и бедными, между европейской профессурой и

мексиканскими крестьянами, между безработной молодежью бразильского Сан-Паулу и отпрысками «золотых семейств» российской Москвы.

Разработка семантики глобального сопротивления этого периода, своеобразного нового революционного языка современного мирового «подполья» – одна из ключевых задач, которую пытались решить антиглобалисты различных идеологических направлений 90-х годов XX века, но безуспешно. В координатах информационного бытия виртуализированного современного общества не работают как идеологемы классического марксизма, так и более поздние интеллектуальные разработки западноевропейских «новых левых» времен молодежных бунтов 60-х годов XX века, а эпатажные представители ультралевого культурного андеграунда, будь то российская рок-группа «Электрические партизаны» или арт-группа «Война», несмотря на свои акции квазиреволюционного информационного перформанса, не смогли эффективно воздействовать на смысловые образы целевых аудиторий, проиграв государственной пропаганде. Именно информационная составляющая позволила государственным органам надежно удерживать под контролем политическую ситуацию в стране, изолировать и маргинализировать точки активизации «карнавального» сопротивления политическому режиму, обесмыслить в массовом восприятии эпатажные выходки молодых бунтарей-хипстеров.

Применительно к российской действительности левый проект «карнавальной революции» утратил привлекательность с момента прихода к власти В.В. Путина и трансформации российской политики в сторону патриотизма и построения «общества потребления». В западных странах шел аналогичный процесс угасания ультралевого тренда в движении антиглобалистов, в развивающихся странах интерес к его идеологемам падал. Обозначив, в конкуренции за умы бунтарей лидер левого антиглобализма субкоманданте Маркос проиграл лидеру аль-Каиды Усаме бен Ладену [6].

Процесс упадка влияния ультралевых в антиглобалистском движении (финальной точкой можно назвать смерть президента Венесуэлы Уго Чавеса в 2013 году и последующий кризис всего боливарианского проекта в

странах Латинской Америки) совпал с процессом активизации радикальных исламистов, отправной точкой которого можно обозначить террористический акт в США 11 сентября 2001 года, а апогеем 28 июня 2014 года – дата самопровозглашения всемирного «Исламского халифата», отказавшегося от более раннего самоназвания «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Абу бакр аль-Багдади, провозглашая новую квазиполитическую структуру, заявил: «Вперед, мусульмане, за свою страну. Да, ведь это ваша страна. Вперед, потому что Сирия не принадлежит сирийцам, а Ирак не принадлежит иракцам» [2, с. 23]. Социальная масса нового террористического движения формировалась постепенно под воздействием как негативных региональных процессов, так и глобальных. А.Н. Харьбин отмечает в данной связи: «...сформировалась кадровая база, достаточная не только для подпитки террористических организаций, но и формирования полноценных внесударственных террористических «армий», способных захватывать и контролировать географическую территорию, имеющих свое экономическое обеспечение и объединенных догмами исламизма» [14, с. 62].

Западный мир столкнулся с новой тактикой террористических атак: теракты на территории западных стран в большинстве случаев не готовятся заранее, не координируются из командного центра. Террористические находят непредсказуемых исполнителей, проникнувших в Европу или США под видом мигрантов, беженцев, а в ряде случаев даже уже состоявшихся как граждане этих стран во втором-третьем поколении. Бессилие органов правопорядка основывается на непредсказуемости момента, когда тот или иной человек вдруг проникнется радикальной исламистской идеологией и устроит акт агрессии, используя подручные средства, от легально купленного стрелкового оружия (теракт в г. Орландо 12 июня 2016 года), до грузовика (теракт в Ницце 15 июля 2016 года). Это не совершенно похоже на ту модель террористической угрозы, к которой готовились западные спецслужбы в предшествующий период [8].

Бессилие Запада выражается не столько в неэффективности соответствующих спецслужб, сколько в экзистенциальной неготовности к воз-

никшей угрозе. 12 июня 2016 года в США сын выходцев из Афганистана Омар Матин, выросший в Америке и внезапно дистанционно присягнувший на верность «Исламскому государству», расстрелял г. Орlando около 50 человек. Американские лоялистские СМИ отреагировали на этот случай стандартно – постарались представить событие как бытовое насилие, а присяга на верность «Исламскому государству», совершенная О. Матином накануне бойни, трактуется в СМИ как лицемерная и призванная замаскировать истинные мотивы чисто психологического свойства.

Однако трактовать аналогичные события в таком смысловом ключе становится все труднее. Уже после теракта братьев Царнаевых в г. Бостоне 15 апреля 2013 года гражданское общество США стало задаваться вопросом, почему так поступают люди, которым Америка дала больше, чем могла бы дать их собственная родина? Комментируя происшествие в г. Орlando и политкорректную реакцию президента США Барака Обамы, республиканец-ультраконсерватор Дональд Трамп заявил: *«Наше руководство слабо и неэффективно, мы должны быть тверже... В своем выступлении сегодня президент Обама позорно отказался даже сказать слова радикальный ислам. Только по этой причине он должен уйти в отставку. Мы должны защитить всех американцев из всех слоев общества и всех вероисповеданий от радикального исламского терроризма, которому нет места в открытом и толерантном обществе»* [9].

Опасность Дональда Трампа для правящей элиты в том, что впервые не маргинал, а успешный бизнесмен и политик, опирающийся на американский средний класс, рискнул открыто призывать общество пересмотреть официальную политическую позицию в отношении ислама и по итогам пересмотра принять практические меры, как минимум до предела затруднив доступ на территорию США мигрантам из исламских стран.

Общепринятая в США и странах Евросоюза точка зрения на исламистские террористические акты заключается в том, что ислам есть глубоко мирная религия, которую лишь отдельные отщепенцы из числа сумасшедших, политических аферистов и откровенных бандитов пытаются

использовать для оправдания своих преступных действий. И поэтому не следует придавать большого значения исламским лозунгам из уст таких людей. Такая позиция близка не только американской и европейской, но и российской политической элите.

Когда террористка-смертница Наида Асиялова совершила 21 октября 2013 года теракт в переполненном людьми волгоградском автобусе, вместо фокусировки внимания на ее религиозных убеждениях в СМИ стали распространять информацию, что женщина была поражена неизлечимой болезнью, мучилась от болей в костях и охотно искала способ уйти из жизни [15]. 29 февраля 2016 года Гульчехра Бабакулова бродила по улицам Москвы, потрясая головой убитого ею четырехлетнего российского ребенка, выкрикивала исламистские лозунги – но российское правосудие не решилось классифицировать событие как террористический акт, сочтя женщину невменяемой, а ведущие российские СМИ сочли целесообразным свести в медийном пространстве обсуждение данной трагедии к минимуму, получив в этом одобрение представителей администрации Президента РФ[4].

В российской научной и публицистической традиции по понятным причинам утвердились смысловые обороты, задача которых не допустить в политическом сознании граждан ассоциацию таких понятийных категорий, как ислам и радикализм. Можно и нужно критически воспринимать позицию американского популиста Дональда Трампа, вбросившего в мировое медийное пространство идеологему «радикальный ислам», однако дискуссии относительно права на существование и смысловое содержание данного термина в ближайшем будущем уже не избежать. Стандартная медийная смысловая формула о противостоянии традиционного ислама и отщепенческих салафистских течений уже не дает исчерпывающего объяснения современным процессам как минимум с методологической точки зрения: масштабы современного терроризма таковы, что его уже не выдать за действия одиночек или отдельных маргинальных групп. Радикализм как флуктуация традиционного ислама – это один масштаб, радикализм как развивающийся на наших глазах альтернативный тренд в исламе, постепенно разрушающий традиционный ислам – это другой масштаб.

Есть аргументы в пользу второй трактовки. Это нарастающая частота и эффективность исламистских террористических актов на всех континентах. Это тот факт, что исламские радикалы выстроили относительно устойчивое квазигосударство «Исламский Халифат» (ИГ/ИГИЛ), с которым сражается коалиция ведущих мировых держав с привлечением самой современной военной техники и технологий Запада, вооруженных ресурсов живой силы Ирана, Ирака, Сирии. Война против «Исламского Государства» идет несколько лет, но победа коалиции все еще под вопросом.

Политической науке в ближайшем будущем предстоит дать ответ на два принципиальных вопроса, от решения которых будет зависеть тот или иной тип построения системы антитеррористической безопасности России и других стран:

- 1) Происходит ли в современном исламе нераспознанный или недооцененный западной наукой опасный процесс массового перерождения из религии в политическую идеологию мобилизующего экспансионистского типа на религиозной основе, или не происходит?
- 2) Существует ли выдвинутый С. Хантингтоном феномен «войны цивилизаций» или не существует?

В зависимости от ответа на эти вопросы придется оценивать процессы, происходящие как во внешнем мире, так и в национальных республиках Российской Федерации, социальная ситуация в которых будет ухудшаться по мере развития экономического кризиса [1, с. 2–8]. Современные террористические движения отличаются непредсказуемостью своей эволюции – возникновение очага насилия и его расширение до угрожающих политическому режиму размеров происходит весьма быстро. Еще в 2012 году один из руководящих сотрудников Службы безопасности Украины отмечал: «Результаты проведенных украинскими специалистами исследований показывают, что терроризм как социальный феномен и способ насильственного достижения целей обнаруживает себя в Украине в формах, характерных для латентного этапа его развития. Кроме того, Украина не принадлежит к так называемой зоне риска возникновения терроризма и объективных

причин для его распространения в нашем государстве нет» [16, с. 17]. И уже через два года после этих слов Украина оказалась охвачена террором, а политические убийства общественных деятелей (Олесь Бузина, Павел Шеремет, Олег Калашников) стали частью повседневности.

Идеологическая позиция политических элит США, Европы и России построена на глобалистском мировосприятии, ориентированном на спекулятивный транснациональный капитал, «инвестиционные пузыри», игру на разнице курсов валют, «оказание услуг», гипертрофированное развитие «индустрии развлечений» и т.д., объективно подводит к отрицательному ответу на оба из поставленных выше вопросов. Так как в случае положительного ответа глобализацию как проект придется закрывать, возвращаясь к системе мировой экономики как кооперации национальных автономных экономик, что в корне поменяет состав финансовой, а затем и политической элиты. Поэтому можно ожидать продолжение линии на максимально долгое удержание status quo – открытые финансовые границы, непротиводействие наплыву мигрантов, призывы к собственному населению сдержанно реагировать на постоянные террористические акты, подавление любых признаков «национализма» в политическом сознании.

Достойной сожаления представляется настойчивость, с которой ключевые страны Запада и Россия стремятся силовым путем модерировать современный политический процесс на Ближнем Востоке, что оборачивается жертвами в том числе и среди гражданского, мирного населения США, Европы и России. Как отмечает Кеннет Поллак (Институт Брукингса): «Возможно, самым большим преимуществом невмешательства Соединенных Штатов в дела Ближнего Востока станет снижение террористической угрозы. Террористы из региона атакуют американцев в основном потому, что недовольны их политикой на Ближнем Востоке. Точно так же они совершают теракты во Франции и Великобритании, поскольку эти страны – твердые союзники Соединенных Штатов (и бывшие колониальные империи), и начали атаковать Россию после ее вмешательства в дела Сирии» [11, с. 47]. Продолжая мысль американского политолога отметим, что в российской

политической публицистике «не принято» сопоставлять две весьма близкие и характерные даты. 30 сентября 2015 года Совет Федерации РФ в ответ на запрос Президента фактически открыл военную операцию в Сирии. 31 октября 2015 года в воздушном пространстве Египта в результате террористического акта исламистов оборвались жизни более двухсот россиян-туристов. В один день Россия понесла потери среди гражданских лиц намного большие, чем последующие официальные потери среди российских военных, принимающих участие в сирийской войне.

Применительно к России не вызывает сомнения тот факт, что за последние два десятилетия:

- роль ислама как регулятора социально-политических отношений в национальных республиках России, для которых ислам является традиционной религией, качественно выросла;
- в данных республиках развивается радикальная ветвь ислама, и несмотря на усилия местных и федеральных властей, пресечь этот процесс пока не удается;
- обозначилась тенденция массовой миграции исламского населения из традиционно исламских регионов России в традиционно славяно-православные и соответственно, идет процесс размывания традиционного ядра русской цивилизации в том числе и в демографической его части.

В качестве практических рекомендаций по противодействию террористической угрозе, автору статьи представляется следующий комплекс мер: России следует ввести жесткий визовый режим со всеми странами без исключения; введение запрета на двойное гражданство; выявленные нелегальные мигранты подлежат безусловной и быстрой депортации; упорядочить предоставление российского гражданства иностранным гражданам в сторону усиления проверки претендентов; ввести правовую норму лишения предоставленного ранее российского гражданства мигранту, уличенному в экстремистской деятельности, под определение которой подпадает в том числе и активное общение с носителями экстремистских идеологий как в ходе физического контакта, так и в социальных сетях.

Эпоха глобализации постепенно заканчивается своим логическим кровавым финалом. Потому лидерам государств следует приступить к укреплению национальных систем обеспечения безопасности на территории собственных стран вместо попыток модерирования политического процесса в глобальном масштабе.

Список литературы

1. Бельских И.Е. Кризис региональной экономики 2015–2017 гг. в России: поиск альтернатив развития // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 26. С. 2–9.
2. Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: Армия террора. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 346 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипулирование сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 832 с.
4. Куда подевалась «кровавая няня»? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.7kanal.co.il/News/News.aspx/183113> (дата обращения 23.07.2016).
5. Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. М.: ИКП «Академкнига», 2007. 342 с.
6. Мексика: лидер сапатистов заявил, что покидает движение. ВВС русская служба. Публикация от 26 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2014/05/140525_rn_marcos_zapatista_rebels_stepping_down.shtml (дата обращения 20.07.2016).
7. Мещеряков И.В. Государственная информационная политика как элемент системы национальной безопасности // Молодой ученый. 2016. № 1. С. 553–556.
8. Мид У. Власть, террор, мир и война. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 208 с.
9. Орландо – трамплин для Трампа? Радио Свобода. Опубликовано 14 июня 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/transcript/27797490.html> (дата обращения 23.07.2016).
10. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 450 с.
11. Поллак К. Борьба или бегство. Выбор Америки на Ближнем Востоке // Россия в глобальной политике. 2016. № 3. С. 36–51.

12. Уткин А.И. Подъем и падение Запада. М.: АСТ, 2008. 761 с.
13. Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан». Новая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2013/06/30/zashita-site-dok.html> (дата обращения 21.07.2016).
14. Харыбин А.Н. Террористические акты как тактика Исламского Государства и последствия для российской внешней политики // Наука Красноярья. 2016. № 1 (24). С. 61–70.
15. 30-летняя Наида Асиялова была смертельно больна и ей нечего было терять. Комсомольская правда – Волгоград [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.volgograd.kp.ru/daily/26148.5/3037585/> (дата обращения 23.07.2016).
16. Міщенко К. Тероризм як соціальний феномен та спосіб насильницького досягнення цілей // Запобігання радикалізації і тероризму: міжнародний досвід і національний вимір : зб. мат-лів «круглого столу» / За ред. М.Г. Гуцало. Київ : Національний інститут стратегічних досліджень, 2012. 104 с.

References

1. Bel'skikh I.E. Krizis regional'noy ekonomiki 2015–2017 gg. v Rossii: poisk al'ternativ razvitiya [The regional economic crisis 2015-2017 in Russia: search of alternatives] *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. 2014. no 26, pp. 2–9.
2. Vays M., Khasan Kh. *Islamskoe gosudarstvo: Armiya terror* [Islamic state: Army of terror]. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ., 2016. 346 p.
3. Kara-Murza S.G. *Manipulirovanie soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow: EKSMO-Press Publ., 2001. 832 p.
4. *Kuda podevalas' «krovavaya nyanya»?* [Where are the “bloody nanny”?]. <http://www.7kanal.co.il/News/News.aspx/183113>
5. Medouz D., Randers Y., Medouz D. *Predely rosta. 30 let spustya* [The limits to growth. 30 years later]. Moscow: IKP «Akademkniga» Publ., 2007. 342 p.

6. *Meksika: lider sapatistov zayavil, chto pokidaet dvizhenie* [Mexico: Zapatista leader said that he was leaving the movement]. BBC. http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2014/05/140525_rm_marcos_zapatista_rebels_stepping_down.shtml
7. Meshcheryakov I.V. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika kak element sistemy natsional'noy bezopasnosti [State information policy as an element of national security system]. *Molodoy uchenyy*. 2016. no 1, pp. 553–556.
8. Mid U. *Vlast', terror, mir i voyna* [Power, terror, peace and war]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2006. 208 p.
9. *Orlando - trampin dlya Trampa?* [Orlando – a springboard for Trump?]. Radio Svoboda. <http://www.svoboda.org/content/transcript/27797490.html>
10. Panarin A.S. *Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke* [Strategic instability in the twenty-first century]. Moscow: Eksmo Publ., 2004. 450 p.
11. Pollak K. Bor'ba ili begstvo. Vyor Ameriki na Blizhnem Vostoke [Fight or flight. The choice of America in the Middle East]. *Rossiya v global'noy politike*. 2016. no 3, pp. 36–51.
12. Utkin A.I. *Pod'em i padenie Zapada* [The rise and fall of the West]. Moscow: AST Publ., 2008. 761 p.
13. Federal'nyy zakon ot 29 iyunya 2013 g. № 136-FZ “O vnesenii izmeneniy v stat'yu 148 Ugolovnogogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v tselyakh protivodeystviya oskorbleniyu religioznykh ubezhdeniy i chuvstv grazhdan” [Federal law of 29 June 2013 No. 136-FZ “On amendments to article 148 of the Criminal code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation in order to counter the insult of religious beliefs and feelings of citizens”]. *Novaya gazeta*. <https://rg.ru/2013/06/30/zashita-site-dok.html>
14. Kharybin A.N. Terroristicheskie akty kak taktika Islamskogo Gosudarstva i posledstviya dlya rossiyskoy vneshney politiki [Terrorist acts as a tactic of the Islamic State and the consequences for Russian foreign policy]. *Nauka Krasnoyarskaya*. 2016. no 1 (24), pp. 61–70.
15. 30-letnyaya Naida Asiyalova byla smertel'no bol'na i ey nechego bylo teryat' [30-year-old Naida Asiyalova was terminally ill and she had nothing to

lose]. *Komsomol'skaya pravda – Volgograd*. <http://www.volgograd.kp.ru/daily/26148.5/3037585/>

16. Mishchenko K. Terorizm yak sotsial'niy fenomen ta sposib nasil'nits'kogo dosyagnennya tsiley [Terrorism as a social phenomenon and the way the violent the achievement of the objectives]. *Zapobigannya radikalizatsii i terorizmu: mizhnarodniy dosvid i natsional'niy vimir: zb. mat-liv «kruglogo stolu»*. Za red. M. G. Gutsalo [Preventing radicalization and terrorism: international experience and national dimension]. Kiev: Natsional'niy institut strategichnikh doslidzhen' Publ., 2012. 104 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Морозов Илья Леонидович, доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала РАНХиГС, профессор кафедры политологии ВолГУ *Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Волгоградский государственный университет*
ул. Гагарина, 8, г. Волгоград, 400131, Российская Федерация; просп. Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская Федерация
politkon@mail.ru
SPIN-код: 1505-1622

DATA ABOUT THE AUTHOR

Morozov Ilya Leonidovich, Doctor of Political Sciences, Ph.D., Professor in the Department of Government and Politics, Professor in the Department of Politics
Volgograd Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Volgograd State University
8, Gagarin Str., Volgograd, 400131, Russian Federation; 100, Universitetsky Ave., Volgograd, 400062, Russian Federation
politkon@mail.ru
SPIN-код: 1505-1622

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-4-62-78

УДК 321.01 + 323.2

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ

Руденкина А.И.

В данной статье мы анализируем результаты авторского исследования, проведенного в декабре 2015 года в семнадцати городах Свердловской области, в том числе и Екатеринбурге. Цель нашей работы состояла в определении протестного потенциала населения в Свердловской области в преддверии выборов в Государственную Думу в сентябре 2016 года. Это особенно важно, учитывая тот факт, что в предыдущем электоральном цикле именно после выборов в Госдуму начались одни из самых массовых протестных акций в современной России. Анализ тематик связанных с протестным потенциалом и уровнем доверия к власти, показал, что вероятность политических протестов после выборов в сентябре 2016 года крайне низка. При этом важно отметить, что основную ответственность за проблемы, существующие на территориях, где проживают респонденты, возлагают на местные власти. И если протесты все же произойдут, то они будут связаны с неудовлетворенностью местными властями, а не представителями федеральной власти и цель возможных протестов будь сводиться не к смене власти как таковой, а к тому, чтобы власть их услышала и совершила ряд действий по улучшению сложившейся ситуации на местах.

Цель – определение протестного потенциала населения в Свердловской области.

Метод или методология проведения работы: социологический опрос населения, базирующийся на раздаточном анкетировании по месту работы или проживания респондентов. Отбор респондентов осуществ-

влялся на основе квотной выборки, сегментированной по полу, возрасту и размерам населенных пунктов. Всего в опросе приняли участие 1036 человек, проживающих в 17 населенных пунктах Свердловской области, в том числе и в Екатеринбурге.

Результаты: в ходе анализа социологических данных мы выяснили, что вероятность политических протестов в Свердловской области после выборов в сентябре 2016 года крайне низка.

Область применения результатов: полученные результаты целесообразно применять для анализа социально-политической ситуации в регионе любыми заинтересованными структурами.

Ключевые слова: протест; протестный потенциал; уровень доверия к власти; Свердловская область; социологический опрос.

PROTEST POTENTIAL IN THE SVERDLOVSK REGION: RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY

Rudenkina A.I.

This article is devoted to the analysis of the author's research, conducted in December 2015 in the cities of Sverdlovsk region in Russia (including Yekaterinburg). The analysis deals with topics of protest potential and level of trust for the authorities in the region and demonstrates that the probability of actions of political protests after the parliament elections in 2016 is quite low. At the same time the research shows, that people usually blame local authorities in the problems that exist in areas where they live. That is why if the protests still take place, they will be connected to the activities the local authorities, and will not be associated with the President of Russia or other representatives of the federal authorities.

The goal – the definition of the protest potential of the population in the Sverdlovsk region.

Method or methodology of work: a sociological survey of the population, based on a questionnaire handout at the place of work or residence of the re-

spondents. The selection of respondents was based on quota sampling, segmented by gender, age and size of settlements. In total, the survey took part 1,036 residents in 17 towns of the Sverdlovsk region, including in Yekaterinburg.

Results: The analysis of sociological data, we found that the likelihood of political protests in the Sverdlovsk region after the elections in September 2016 is extremely low.

Application of results: the results are useful for the analysis of the socio-political situation in the region by any interested parties.

Keywords: *protest; protest potential; the level of trust to the authorities; Sverdlovsk region; sociological survey.*

В сентябре 2016 года пройдут очередные выборы в Государственную Думу Российской Федерации. Проведены они будут по новым правилам в сравнении с выборами в Думу 2011 года. Правила проведения выборов были изменены в связи с массовыми протестами 2011–2012 гг., которые произошли после выборов в Государственную Думу РФ в декабре 2011 года. Изначально протесты начались из-за сообщений о нарушениях в ходе избирательной кампании и в день самих выборов. В связи с этим нам представляется важным понять, имеется ли в настоящее время вероятность повторения протестных событий 2011 года в связи с предстоящими в сентябре 2016 года выборами, или нет.

За 9 месяцев 2011 года, согласно данным Московской Хельсинкской группы [1], в России было зафиксировано 702 публичные акции, в которых участвовало 97043 человек. Во время публичных акций были задержаны 1417 граждан. Одной из главных тенденций того периода можно назвать увеличение несогласованных митингов [2]. При этом, ни один из опросов, проведенных в 2011 году, до декабрьских выборов, не показал большой протестный потенциал общества, но протесты всё же произошли. Социологи ВЦИОМ, фонда «Общественное мнение» (ФОМ) и «Левада-центра» отмечали невысокий протестный потенциал россиян [5]. В исследовании ВЦИОМа даже говорилось о том, что индекс общественного протестного потенциала существенно понизил свое значение, с 39 в апреле до 31 пун-

кта в октябре [3]. До первых протестов в Москве (5-6 декабря 2011) люди действительно не были настроены на то, чтобы выходить на митинги, но сам факт этих протестов и использование различных интернет-мессенджеров для организации протестных акций способствовали тому, что многие граждане вышли на улицы. Интересным явился тот факт, что в пик к протестным и оппозиционным митингам начались провластные митинги «В защиту человека труда», центром которых явился Екатеринбург [6]. На подобных митингах высказывалась поддержка конституционному строю страны, политической партии «Единая Россия» и Президенту РФ В.В. Путину.

С конца 2011 года – начала 2012 в Российской Федерации произошел ряд изменений, направленных на то, чтобы подобные протесты стали менее вероятными: изменили закон о политических партиях [7], постановили, что во время выборов на федеральном уровне на всех избирательных участках будут работать камеры видеонаблюдения с онлайн трансляцией в интернет [4], а также приняли поправки в закон об НКО, вводящие термин «иностранный агент» и запрещающие таким НКО работать в сфере политической деятельности [8]. Всё это и многочисленные изменения на международной арене (смена власти на Украине, участие военно-космических сил России в конфликте в Сирии и др.) и в самой России (присоединение Крыма, экономический кризис в связи с экономическими санкциями и др.) способствовали изменению восприятия гражданами политической обстановки и того, что с этим связано. Тем не менее нам важно понимать, возможны ли протесты на территории Российской Федерации в 2016-м году, учитывая новый электро-ральный цикл. С этой целью нами было проведено собственное социологическое исследование в конце 2015 года, одной из задач которого стало выявление протестного потенциала и уровня доверия к основным институтам власти в России. Методом исследования был выбран опрос, базирующийся на раздаточном анкетировании по месту работы или проживания респондентов. Отбор респондентов осуществлялся на основе квотной выборки, сегментированной по полу, возрасту и размерам населенных пунктов. Всего в опросе приняли участие 1036 человек, проживающих в 17 населенных пунктах Свердловской области, в том числе и в Екатеринбурге.

Результаты проведенного анализа показывают, что потенциал для политического протеста на обследованных территориях в настоящий момент довольно слаб. Этот параметр мы оценивали с помощью техники логического квадрата, прося опрошенных ответить, насколько, по их ощущениям в их населенном пункте сейчас возможны акции протеста и готовы ли они сами принять участие в подобных акциях, если таковые случатся. Комбинируя ответы на эти вопросы, мы смогли выделить подгруппы тех, кто считает, что в их населенном пункте возможны акции протеста, и хочет сам принять в них участие; тех, кто считает, что акции протеста вероятны, но сам в них участвовать не готов; тех, кто хотел бы поучаствовать в акциях политического протеста, но не считает, что подобные акции сейчас возможны; а также тех, кто считает, что подобных акций не будет, и сам в подобных акциях участвовать не хочет. Результаты ответов людей на соответствующие вопросы позволяют констатировать несколько примечательных выводов (См. Диаграмма 1).

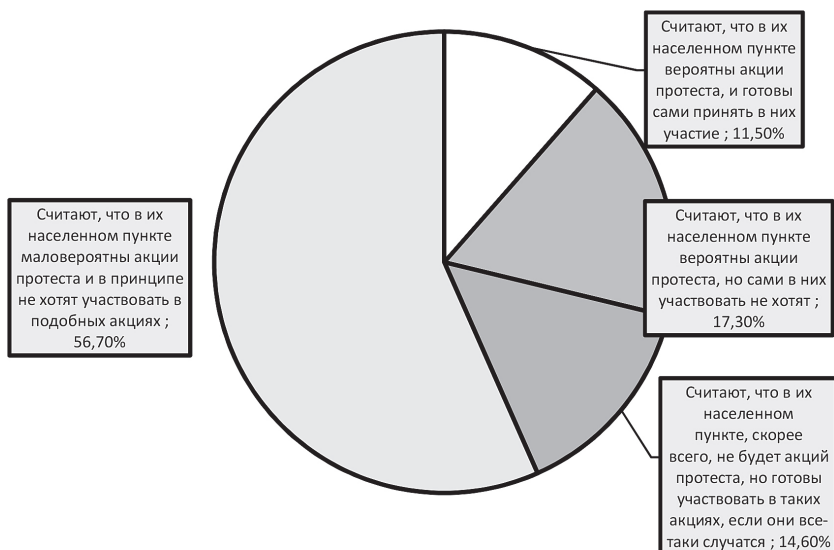

Диаграмма 1. Сводный протестный потенциал опрошенных респондентов

Общая вероятность проведения акций политического протеста на обследованных территориях может быть оценена как относительно низкая. Более половины опрошенных полагают, что в их населенном пункте не будет акций протеста, а если бы они и были, то они лично не хотели бы принимать в них участия. Также интересным является и то, что 17,3% отмечают, что подобные акции возможны, но сами в них участвовать не хотят. Это может свидетельствовать о том, что опрошенные видят то, чем могут быть недовольны граждане в их населенном пункте и из-за чего могут случиться протестные акции. Доля тех респондентов, которые считают акции протеста возможными и хотят сами принять в них участие, оказывается достаточно небольшой и не превышает 11%. В совокупности эти показатели свидетельствуют о том, что общая ориентация опрошенных граждан на участие в акциях протеста минимальна. Здесь также стоит добавить, что сама по себе цифра в 11% считающих акции протеста вероятными и заявляющих о желании лично в них участвовать, во-первых, не нова (этот показатель совпадает с теми данными, которые обычно получают по таким вопросам ВЦИОМ и Левада-центр), а во-вторых, сугубо декларативна: она фиксирует количество людей, говорящих о своем желании пойти на акции протеста, но не гарантирует, что все эти люди действительно выйдут на митинг, если он и правда случится. Однако выявились сильные расхождения в иной доле – проценте тех людей, которые считают акции протеста вероятными и говорят о своем желании лично в них участвовать. Таких людей аномально мало в Екатеринбурге (8,5%) и других населенных пунктах, что заставляет вспомнить, что именно здесь началось движение «В защиту человека труда», которое проводило митинги в поддержку действующей власти в 2012 году и высказывалось против оппозиционных действий. Таким образом, повторяемся, если говорить о выборке в целом, то общий протестный потенциал населения обследованных территорий предстает относительно низким.

Еще один важный показатель, который может говорить и об общем настроении людей, и об их удовлетворенности жизнью, и даже частично о протестном потенциале, – это степень доверия людей к действующим институтам власти. В своем исследовании мы остановились на анализе отношения жителей обследуемых территорий к четырем институтам власти – Президенту РФ, Председателю Правительства РФ, Губернатору Свердловской области и главе своего населенного пункта (который, разумеется, в каждом городе был своим). Мы просили опрошенных оценить свое отношение к каждому из этих представителей власти, предлагая варианты ответа «Одобряю», «Не одобряю», «Мне безразлично, что он делает» и «Ничего не знаю о его деятельности». Последние два варианта предлагались опрошенным не только для того, чтобы определить долю равнодушных людей, но и для того, чтобы произвести оценку тех, кто не особенно следит за деятельностью соответствующих политиков, но в целом не испытывает к ним принципиальной неприязни. Результаты проведенного обследования демонстрируют, что на исследуемых территориях сложилось неоднородное отношение к каждому из соответствующих политиков, причем модальность отношения людей к центральной, федеральной власти и местным чиновникам везде различается довольно существенно.

Наиболее простой в данном контексте предстает картина с отношением людей к Президенту РФ – В.В. Путину (*См. Диаграмма 2*). Отношение к нему колеблется на разных территориях, и нельзя сказать, что везде его действия воспринимаются одинаково. Тем не менее, почти ни на одной из обследованных территорий доля людей, одобряющих политику Президента, не оказывается ниже 60% – лишь в Малышевском этот показатель опустился до 58,1%. На некоторых территориях показатели поддержки Президента и вовсе достигают крайне высоких значений – в Асбесте, Сухом Логу, Камышловле и Слободо-Туринском районе доля сторонников Президента достигает 80% и более.

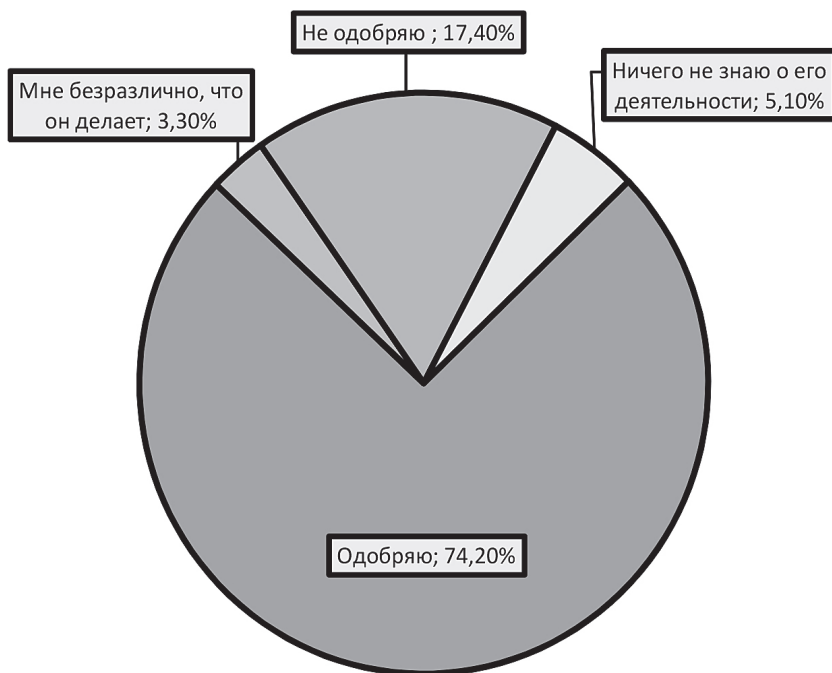

Диаграмма 2. Одобрение опрошенными деятельности Президента РФ

Эти цифры свидетельствуют о том, что, несмотря на достаточно явную дифференциацию отношения к Президенту РФ в разных населенных пунктах, уровень его поддержки на изученных территориях продолжает оставаться весьма высоким. Вероятно, жесткая внешнеполитическая риторика, резонансные и резкие заявления В.В. Путина в прессе, а также распространенное у россиян восприятие нынешнего президента РФ как в первую очередь политика, нормализовавшего экономическое состояние страны после сложных 1990-х гг., влияют на восприятие людьми. Несмотря на наличие вполне явной оппозиционной прослойки общества, большинством людей В.В. Путин продолжает восприниматься как своего рода символ надежды и нормализации социально-экономической жизни. Нынешний рейтинг Президента РФ на обследованных территориях высок, и даже в тех городах, в

которых накопились какие-то реальные проблемы, жители скорее адресуют свои претензии иным представителям власти, но не Президенту РФ.

Сложнее выглядит отношение опрошенных людей к Председателю Правительства РФ – Д.А. Медведеву (См. *Диаграмма 3*). Общий уровень одобрения его деятельности выглядит существенно слабее, чем у Президента: в отдельных населенных пунктах его деятельность одобряет не более 30% опрошенных, а в Байкалово этот показатель и вовсе падает до 13%. Тем не менее, интересно, что в целом по совокупности опрошенных доля людей, осуждающих его деятельность, фактически совпадает с долей людей, которые не одобряют политику Президента РФ – доли составляют, соответственно, 18,4% для Д.А. Медведева и 17,4% для В.В. Путина (различие не выходит за рамки статистической погрешности). Это говорит о том, что доля людей, имеющих именно претензии к Федеральным властям, на обследованных территориях относительно ограничена и едва ли превышает 20%. Отношение людей к деятельности Председателя Правительства РФ сопровождается гораздо более высокими долями тех людей, которые либо ничего не знают о его деятельности (24,5% против 3,3% у Президента РФ), либо безразличны к его делам (соответственно, 16,9% против 5,1%). То есть по большому счету у значительного количества жителей обследованных территорий отсутствует явное и осознанное отношение к фигуре Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева. Рискнем предположить, что люди просто не понимают, каков истинный статус Д.А. Медведева в политической жизни Российской Федерации, и не видят конкретных дел, по которым могут судить о его деятельности. С этой точки зрения объясняется и повышенный рейтинг одобрения деятельности Д.А. Медведева в Асбестовском ГО (в 2015 г. он лоббировал поставки российского асбеста в Тайланд, и городские газеты активно информировали население о ходе этих важных для города переговоров) и Ирбитском районе (где очень сильны позиции возглавляемой им партии «Единая Россия»). На остальных же территориях скорее видно непонимание того, что именно представляет собой деятельность Председателя Правительства РФ, поэтому и одобрение его довольно слабо.

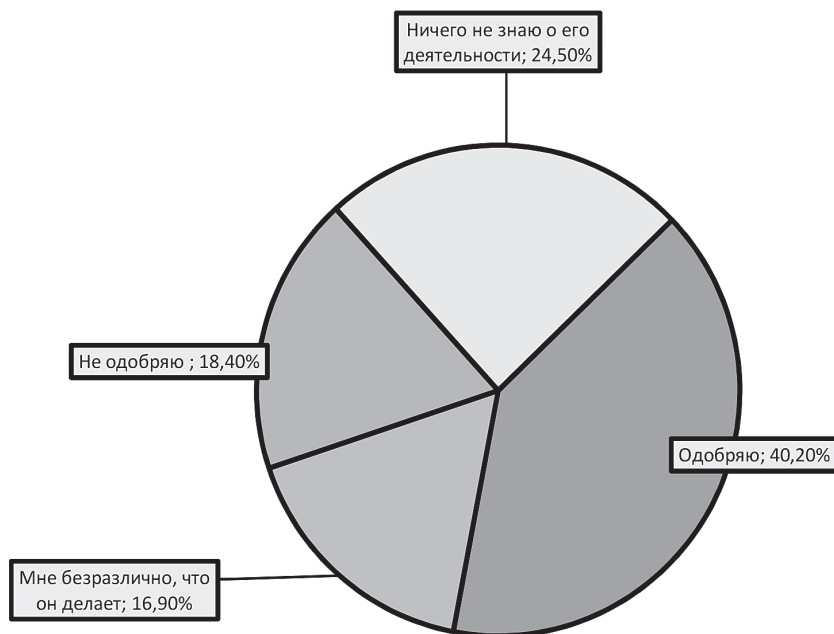

Диаграмма 3. Одобрение опрошенными деятельности Председателю Правительства РФ

Похожим предстает и отношение опрошенных к Губернатору Свердловской области Е.В. Куйвашеву (См. *Диаграмма 4*). Доля людей, одобряющих его деятельность, не многим ниже, чем доля людей, одобряющих деятельность Председателя Правительства РФ: соответственно, 33,4% и 40,2%. Доля же людей, не одобряющих его деятельность, и вовсе такая же: соответственно, 18,1% и 18,4%. Принципиально сопоставимы и доли тех людей, которые ничего не знают о его деятельности или не испытывают к ней никакого отношения. По сути это свидетельствует о том, что Губернатор Свердловской области по своему статусу и делам для большинства опрошенных – точно такая же загадочная фигура, какой предстает в их видении Председатель Правительства РФ.

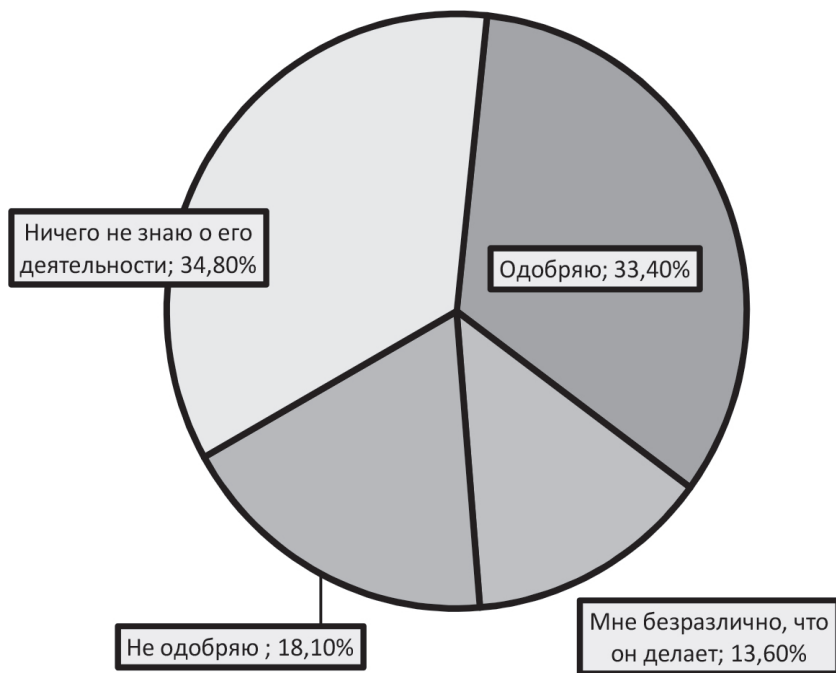

Диаграмма 4. Одобрение респондентами деятельности Губернатора Свердловской области

Отношение к Губернатору Свердловской области на обследованных территориях неоднородно, но нигде доля людей, негативно оценивающих его деятельность, не превышает уровня в 21% – даже в Байкалово, где уровень одобрения деятельности Губернатора составляет аномально низкие 3,3%, основное количество опрошенных демонстрирует не осуждение его действий (так ответили только 20,0%), а скорее отсутствие хоть какой-то информированности (53,3%). С этих же позиций можно объяснить и повышенные доли одобряющих деятельность Губернатора в таких населенных пунктах, как Асбест (44,4%), Ирбитский район (48,1%), Камышловский район (42,6%). На этих территориях Губернатор регулярно бывал в периоды, непо-

средственно предшествовавшие опросу, и говорил о решениях важных для людей проблем: способствовал получению крупных заказов Ирбитским молочным заводом, неоднократно упоминался с СМИ в контексте ликвидации последствий урагана в Асбесте, инициировал более интенсивную газификацию Камышловского района. Поэтому в этих территориях мы и наблюдаем повышенный уровень одобрения деятельности Губернатора: граждане видят конкретные положительные результаты его работы. На остальных же территориях деятельность Губернатора, по всей видимости, или менее известна, или не вызвала такого эмоционального отклика людей, поэтому доминантой отношения к нему в основном и становится амбивалентность, чуть ли не равнодушие.

Отношение к руководителям конкретных населенных пунктов на всех обследованных территориях предстает принципиально иным (*См. Диаграмма 5*). Едва ли не в каждом случае отношение опрошенных к местной власти существенно хуже, чем к Президенту, Председателю Правительства и Губернатору: доля одобряющих работу местных властей мало где превышает 28% – пожалуй, тут встречаются только два ярких исключения: Ирбитский район (44,4%) и Слободо-Туринский район (50,0%). Здесь же оказывается повышенной в сравнении с другими представителями власти и доля людей, не одобряющих деятельность руководителя своего населенного пункта – в среднем до 35,9% (у всех остальных, напомним, этот показатель был ниже 20%). Есть территории, где доля не одобряющих работу местной власти достигает 45–46%: Малышевский, Рефтинский, Талицкий ГО. Примечательно и то, что почти нигде опрошенные не высказывали равнодушных позиций в отношении местных властей: за исключением Байкалово, нигде доля равнодушных не превысила 15%, а средний показатель и во все оказался на уровне 9%. Это говорит о том, что в экзистенциальном смысле деятельность именно местных властей представляется для опрошенных гораздо более значимой, чем деятельность Федеральной

или даже региональной власти. Те проблемы, которые опрошенные видят в своем городе, и которые они явно ощущают в качестве значимых, серьезных для себя, они в основном адресуют именно местной, городской власти.

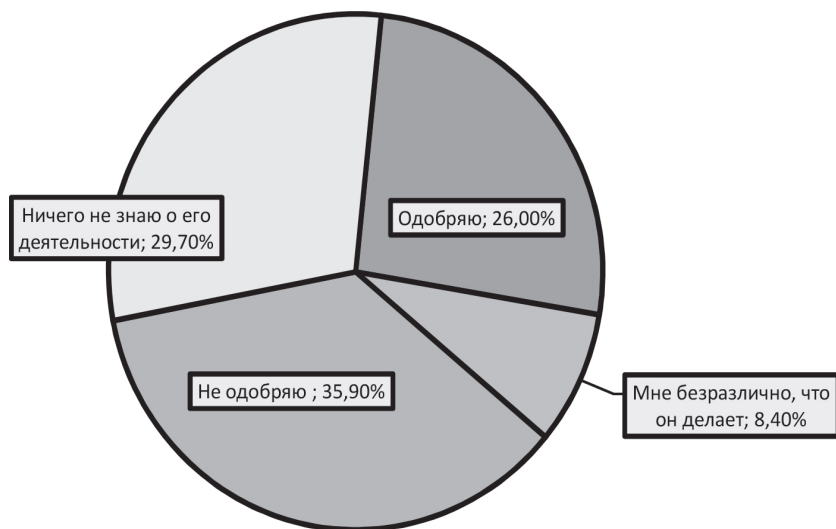

Диаграмма 5. Одобрение респондентами деятельности главы своего населенного пункта

Если обобщить полученные результаты, то становится возможным говорить о нескольких принципиальных тенденциях, которые характеризуют отношение большинства жителей обследованных территорий к представителям власти. Во-первых, для большинства опрошенных людей политическое пространство России, скорее всего, сегментировано: в нем существуют Президент (который отвечает за общий вектор развития государства и его международную политику), Председатель Правительства и Губернатор области (точная направленность работы которых большинству опрошенных по большому счету не ясна), а также местная власть (которая фактически отвечает

за состояние многообразных проблем на конкретных территориях). Во-вторых, уровень претензий и недовольства большинства опрошенных в отношении федеральной и региональной власти разительно отличается от уровня недовольства местными властями. Осуждение общей ситуации в российском обществе характерно меньшинству опрошенных – об этом говорит то, что доля осуждающих политику Президента, Председателя Правительства и Губернатора осуждается лишь явным меньшинством: не более 19–20%. Однако состояние конкретных проблем на местах волнует людей существенно сильнее, поэтому уровень претензий к местным властям и оказывается повышенным. При этом в данном случае прослеживается и еще одна примечательная черта: многие жители обследованных территорий, судя по этим результатам, отошли от ранее характерной российской политической ментальности традиции связывать локальные проблемы с политикой федеральных властей.

Анализируя два таких показателя, как «протестный потенциал» и «уровень доверия к власти» мы можем отметить, что вероятность массовых протестов по итогам выборов 2016 года – минимальна. Доверие к основным институтам власти у населения достаточно высоко, при этом желание выходить на митинги практически отсутствует. Важно, что основная масса претензий у населения имеется к представителям местной власти (главе населенного пункта, в котором они проживают), что может свидетельствовать о вероятности каких-либо акций протеста, связанных именно с их деятельностью. Следовательно, для того, чтобы быть услышанными граждане могут использовать риторику более «высокого уровня», апеллируя к фигуре губернатора или президента, но лишь для того, чтобы беспокоящие их проблемы были решены, а не с целью смены власти как таковой. Мы полагаем, что протестный потенциал в Свердловской области низок и останется таким, не смотря на проведение выборов в сентябре 2016 года и их возможные результаты.

Список литературы

1. Еженедельные обзоры Московской Хельсинкской группы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mhg.ru/projects/arch/10464738> (дата обращения: 10.07.2016).
2. Зайцев Д.Г., Карастелев В.Е. Протестное движение в России 2011–2012 годов: проблема субъектности. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/2012/12/16/1300983484/%D0%97%D0%B0%D0%B9%D1%86%D0%B5%D0%B2_%20%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2_%20%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8..pdf (дата обращения: 10.07.2016).
3. Протестная активность россиян: за неделю до выборов. Пресс-выпуск №1894. 28.11.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112101> (дата обращения: 10.07.2016).
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. N 2438-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/01/24/vybury-site-dok.html> (дата обращения: 10.07.2016).
5. Социологи не заметили протестный настрой россиян. 23.12.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=112252>. (дата обращения: 10.07.2016).
6. Уральские рабочие создали движение «В защиту человека труда». [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2012/02/02/labour/> (дата обращения: 10.07.2016).
7. Федеральный закон О политических партиях [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901792270> (дата обращения: 10.07.2016).
8. Федеральный закон Российской Федерации от 20 июля 2012 г. N 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». [Электронный

ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/07/23/nko-dok.html>. (дата обращения: 10.07.2016).

References

1. *Ezhenedel'nye obzory Moskovskoy Khel'sinskoy gruppy* [Weekly surveys of the Moscow Helsinki Group] available at: <http://www.mhg.ru/projects/arch/10464738> (accessed: 10.07.2016).
2. Zaytsev D.G., Karastelev V.E. *Protestnoe dvizhenie v Rossii 2011-2012 godov: problema sub"ektivnosti* [The protest movement in Russia in 2011-2012: the problem of subjectivity] available at: http://www.hse.ru/data/2012/12/16/1300983484/%D0%97%D0%B0%D0%B9%D1%86%D0%B5%D0%B2_%20%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2_%20%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B4%D0%B2%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8.pdf (accessed: 10.07.2016).
3. *Protestnaya aktivnost' rossiyan: za nedelyu do vyborov. Press-vypusk №1894. 28.11.2011*. [Protest activity of Russians: a week before the election. Press release # 1894. 28.11.2011] available at: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112101> (accessed: 10.07.2016).
4. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 30 dekabrya 2011 g. N 2438-r*: [The order of the Russian Federation of December 30, 2011 N 2438-r.] available at: <http://www.rg.ru/2012/01/24/vybory-site-dok.html> (accessed: 10.07.2016).
5. *Sotsiologi ne zametili protestnyy nastroy rossiyan. 23.12.2011*[Sociologists have not noticed protest mood of the Russians. 23.12.2011] available at: : <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=112252> (accessed: 10.07.2016).
6. *Ural'skie rabochie sozdali dvizhenie «V zashchitu cheloveka truda»* [Ural workers have created a movement “in defense of labour rights”] available at: <https://lenta.ru/news/2012/02/02/labour/> (accessed: 10.07.2016).

7. *Federal'nyy zakon O politicheskikh partiyaх* [Federal Law of Political Parties] available at: <http://docs.cntd.ru/document/901792270> (accessed: 10.07.2016).
8. *Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 20 iyulya 2012 g. N 121-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti regulirovaniya deyatel'nosti nekommercheskikh organizatsiy, vypolnyayushchikh funktsii inostrannogo agenta»* [Federal Law of the Russian Federation dated 20 July 2012 N 121-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in terms of regulating the activities of noncommercial organizations performing the functions of a foreign agent»] available at: <http://www.rg.ru/2012/07/23/nko-dok.html>. (accessed: 10.07.2016).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Руденкина Алена Игоревна, аспирант кафедры государственного управления и политических технологий

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Уральский институт управления
ул. 8 Марта, 66, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620144,
Российская Федерация
alena.rudenkina@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Rudenkina Alena Igorevna, PhD Student of the Department of Public Administration and Political Technologies

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Urals Institute of Administration
8, Marta St., 66, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620144, Russian Federation
alena.rudenkina@gmail.com
SPIN-code: 2795-5316*

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-4-79-89

УДК 321

КЛАССОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Рябкова С.А.

Статья посвящена обсуждению эволюции классовой структуры постиндустриального общества и сопряженных с этим процессом последствий. При подготовке публикации автор обращался как к различным методам общенаучного характера, так и применял методологический инструментарий политологии, истории, философии. Основными методами исследования выступили логико-исторический, сравнительный, футурологический, аксиологический и ценностно-нормативный подходы.

В исследованиях отечественных и зарубежных ученых, посвященных изучению отличительных особенностей и признаков постиндустриального общества, фиксируется тенденция возрастания роли науки и знания, которые становятся важнейшими источниками роста на новом этапе общественного развития. Одновременно эти два главных стратегических ресурса являются основой для формирования нового класса – «класса интеллектуалов», становление которого связано с резкой поляризацией общества, возникновением новых линий классового противостояния, основанных на интеллектуальных и социальных факторах. В статье анализируется процесс изучения этой проблемы в научном дискурсе во второй половине XX века и основные выводы, вытекающие из обобщений, присутствующих в научных исследованиях. Рассматриваются ключевые критерии, определяющие принадлежность человека к элите постиндустриального общества на современном этапе общественного развития. Анализируется эволюция воззрений на сущность

«класса интеллектуалов» и причины, детерминирующие его особую роль в современном обществе. Выявляются противоречия, порождающие классовый конфликт между новой элитой и другими социальными слоями. Итогом исследования является вывод о том, что формирующееся постиндустриальное общество, эволюционирующее в направлении жестко поляризованной классовой структуры, не способно преодолеть антагонистический характер и не может рассматриваться как общество равенства.

Ключевые слова: *постиндустриальное общество; класс интеллектуалов; интеллектуальная элита; классовая структура.*

CLASS TRANSFORMATION IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY: CAUSES AND CONSEQUENCES

Ryabkova S.A.

The Article is devoted to the discussion of evolution of the class structure of postindustrial society and the consequences associated with this process. In the course of preparation of this publication the author used various methods of general scientific nature, as well as applied the methodological tools of political science, history and philosophy. Logical-historical, comparative, futuristic, axiological and axiological-normative approaches were the main methods of the study.

In the researches of domestic and foreign scientists devoted to the study of distinctive features and characteristics of postindustrial society, the trend of increasing role of science and knowledge being an important source of growth at the new stage of social development is fixed. Simultaneously, these two main strategic resources (science and knowledge) are the basis for the formation of a new class — «class of intellectuals», the creation of which is associated with the sharp social polarization, the emergence of new lines of class confrontation based on intellectual and social factors. The process of

studying of this problem in the scientific discourse and the main conclusions arising from the generalizations which are present in scientific research are analysed in this article. Key criteria determining a person who belongs to the elite of post-industrial society at the present stage of social development are considered in this article. Evolution of views on the essence of the «class of intellectuals» and the causes determining its special role in the modern society are analysed in this article. Contradictions, generating class conflict between the new elite and the other social strata are also revealed in this article. The result of this study is the conclusion that the emerging post-industrial society, evolving in the direction of severely polarized class structure, is not able to overcome its antagonistic character and cannot be considered as the society of equality.

Keywords: *post-industrial society; class of intellectuals; intellectual elite; class structure.*

Формирующее постиндустриальное общество меняет многие форматы нашей жизни. Одна из наиболее существенных по своей значимости трансформаций обусловлена изменением классовой структуры общества, возникновением новых общественных страт. Чем вызваны столь радикальные подвижки? Прежде всего, изменением роли информации и знания, которые в условиях постиндустриального общества становятся важнейшими ресурсами развития общества. Об этой тенденции в своих исследованиях писали Д. Белл [2], П. Друкер [5] и другие ученые. Контроль над этими ресурсами, возможность полноценно распоряжаться ими становятся основой причисления людей к «правлящему классу посткапиталистического общества» [10, р. 301], «классу интеллектуалов» [6], т.е. к новой элите – той социальной группе, которая доминирует в постиндустриальном мире, обеспечивая динамизм и успешность его развития.

Проблема изменяющейся классовой структуры общества и возникающие в связи с этим противоречия со второй половины XX века являются одной из тем, наиболее востребованных к изучению и обсуждению в на-

учном дискурсе. Сопоставление разнообразных позиций, присутствующих как в зарубежных, так и отечественных исследованиях, позволяет зафиксировать и проанализировать следующие важные для понимания происходящих процессов аспекты.

Первый из них касается «принципиальной смены качеств, определяющих принадлежность к элите» [7, с. 69] на современном этапе общественного развития. Раньше в перечне таких критериев назывались знатность происхождения, богатство и другие параметры, позволяющие реализовать стремление человека к властно-управленческой деятельности. Теперь «основную роль играют не имущественные или наследственные качества» [18, р. 6], «...не социальный статус служит условием принадлежности человека к элите постиндустриального общества; напротив, сам он формирует в себе качества, делающие его представителем высшей социальной страты» [6, с. 74].

О каких качествах идет речь? Ф. Фукуяма утверждает, что элитный статус человека в постиндустриальном обществе «определяется уровнем его образования...» [13, р. 116]. А. Турен акцентирует внимание на «научной компетентности» [17, р. 65]. Дж. К. Гэлбрейт отмечает, что новая социальная страта включает тех, «кто привносит знания, талант и опыт в процесс группового принятия решений» [14, р. 86]. З. Бжезинский считает, что новая элита должна обладать «знаниями и информацией» [9, р. 9]. П. Друкер уверен, что власть и контроль перейдут к тому, кто владеет знанием, информацией и эффективными технологиями их использования [5]. Ф. Махлуп в перечень «статусных» критериев включает ориентированность человека на оперирование информацией и знаниями, высокую мобильность, стремление к деятельности, открывающей поле для самореализации и самовыражения [15].

Аналогичных взглядов придерживаются и отечественные исследователи этой проблемы, среди которых можно выделить О.В. Гаман-Голутвину [3; 4], А.П. Кочеткова [8], В.Л. Иноземцева [6], Г.К. Ашина [1] и др. Так, например, В.Л. Иноземцев, именуя новую элиту «классом интеллек-

туалов», среди существенных ее характеристик также называет «высокие стандарты образования», «исключительную мобильность» и др. [6, с. 69–71].

Принадлежность человека к новой элите в современных условиях определяется, прежде всего, уровнем его образования, способностью обладать и распоряжаться информацией и знаниями, навыками и умениями, позволяющими более полноценно раскрыть творческий потенциал личности, самореализоваться, воплотить результаты своей деятельности. Эти новые требования к элите «привязаны» к новейшим вызовам времени. И, как отмечает П.Л. Карабущенко, если «элите не удастся справиться с ответом на вызовы своего времени, то она станет достоянием политической истории» [7, с. 69].

Второй важный аспект. Осуществленный в научном дискурсе анализ ключевых критериев принадлежности индивида к господствующей элите постиндустриального общества позволил, с одной стороны, скорректировать определение нового класса, с другой – осознать его особую роль в современном мире. В конце 50-х гг. XX века, когда исследования классовой структуры постиндустриального общества только начинались, Р. Дарендорф к «правлящему классу посткапиталистического общества» причислял представителей управленческой элиты и государственной бюрократии [10, р. 301]. Позднее, как отмечает В.Л. Иноземцев, «класс интеллектуалов» стали определять как «социальную общность людей, воплощающих в себе знания и информацию» [6, с. 68]. При этом, характеризуя значимость и влияние новой элиты, А. Турен называет «класс интеллектуалов» «доминирующей группой современного общества» [17, р. 70], М. Янг обозначает ее роль словом «меритократия» [19], а П. Друкер фиксирует, что «класс интеллектуалов... обладает основными властью и влиянием» [11, р. 98–99].

Третий аспект. Ряд исследователей, размышляя над особенностями формирующейся классовой структуры постиндустриализма, уловили назревающий конфликт между новой элитой и остальной частью общества.

Так, например, А. Турен считает «класс интеллектуалов» субъектом подавления остальных социальных слоев и групп [17, р. 70]. М. Янг пишет о возможном конфликте как самой большой опасности XXI столетия [19]. Г. Маркузе также обращает внимание «на возникающее противостояние больших социальных страт» [16, р. 53]. П. Друкер указывает на противоречие между этими социальными группами как на наиболее опасное в формирующемся обществе [12, р. 205–206].

Почему «класс интеллектуалов» будет занимать особое положение в постиндустриальном обществе? Дело в том, что представители новой элиты обладают качествами, не детерминированными внешними социальными факторами. Как уже было сказано выше, основой причисления человека к высшей социальной страте и обладания им властными полномочиями становятся его способности к креативной, т.е. творческой, созидательной, новаторской деятельности, к усвоению, обработке и продуцированию информации и знаний. И здесь необходимо сказать об особенностях информации как источника и ресурса власти, отличающих ее от природных ресурсов, труда, капитала и т.д. С одной стороны, информация – это очень демократичный ресурс, о чем свидетельствуют ее доступность (отсутствие монополии на получение и использование), легкотиражируемость, неубываемость в процессе использования, самовозрастание в процессе потребления и другие свойства. В то же время информация – это редкий и дорогой ресурс благодаря уникальности процесса ее производства и использования, главным субъектом которого выступает человек. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов факторы, ограничивающие возможность приобщения человека к этому ресурсу, главным из которых является его интеллект как форма существования и систематизации результатов познавательной деятельности. К тому же способность продуцировать новые знания и информацию не приобретается одномоментно и не подлежит кардинальной корреляции. Поэтому «класс интеллектуалов» может стать достаточно узкой и устойчивой общественной группой, занимающей исключительное положение в обществе.

Насколько серьезными могут быть противоречия при взаимодействии этого класса с другими социальными слоями? Исследователи сходятся во мнении о том, что конфликты могут отличаться особой остротой, поскольку возникающее интеллектуальное расслоение провоцирует резкую поляризацию общественных групп. «Класс интеллектуалов» в силу того, что информация и знания становятся ключевым ресурсом развития общества, а наука – непосредственной производительной силой, начинает играть ключевые роли в социальном прогрессе. Ведь именно представители этого класса в значительной степени обеспечивают процветание общества, одновременно распоряжаясь существенной (и постепенно все более возрастающей!) частью общественного достояния. Другая часть социума, составляющая его большинство, участие которой в общественном производстве было прежде необходимым условием социального прогресса, в силу указанных выше объективных причин постепенно утрачивает свою значимость в общественной жизни. Поэтому формирующееся постиндустриальное общество вряд ли может стать обществом эгалитаристским.

Парадокс складывающейся ситуации заключается в том, что доминирование одной социальной группы («класса интеллектуалов») по отношению к другим выглядит вполне корректным и оправданным. Ведь оно достигается не эксплуатацией или другими неприглядными (противозаконными) действиями, а является результатом интеллектуальной деятельности его представителей, реализации ими своих возможностей и прав на развитие и совершенствование собственной личности в форматах, не препятствующих самореализации и развитию других людей. Однако это обстоятельство не сглаживает остроты возникающего противоречия, а еще больше подчеркивает ее. Формирование современного классового конфликта как результата неравного распределения человеческих возможностей «придает ему напряженность, превосходящую остроту любой предшествующей формы классового противостояния» [6, с. 72].

Итак, становление постиндустриального общества, являющееся объективным и безальтернативным процессом развития человечества,

сопряжено как с позитивными последствиями, так и с новыми рисками. Один из них связан с изменением основ классовой организации общества, обретением классовой структурой принципиально нового измерения. Основной классовый конфликт постиндустриального общества носит интеллектуальный и социальный характер. Он возникает между классом людей, обладающих наиболее значимым ресурсом, определяющим в условиях постиндустриализма благосостояние общества, и низшим классом, объединяющим тех, кто не вошел в круг новой элиты. В результате переход к постиндустриальному обществу может стать периодом серьезной нестабильности в развитии цивилизации.

Список литературы

1. Ашин Г.К. Смена элит // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 40–50.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [Пер. с англ.] М.: Academia, 1999. 783 с.
3. Гаман-Голутвина О.В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт. Часть I // *Полис. Политические исследования*. 2008. № 6. С. 67–85.
4. Гаман-Голутвина О.В. Трансформация роли элит и этики госслужбы в условиях глобализации // *Вестник Российской ассоциации политической науки*. 2000. № 2. С. 8–10.
5. Друкер П. Посткапиталистическое общество // *Новая постиндустриальная волна на западе: Антология* [Под ред. В.Л. Иноземцева]. М.: Academia, 1999. 215 с.
6. Иноземцев В.Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // *Социс. Социологические исследования*. 2000. № 6. С. 67–77.
7. Карабущенко П.Л. Элиты, неэлиты и псевдоэлиты современной демократии // *Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия: Сб. статей* [Под ред. Я.А. Пляйса]. М.: РОССПЭН, 2010. С. 69–78.

8. Кочетков А.П. Власть и элиты в глобальном информационном обществе // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 8–20.
9. Brzezinski Zh. *Between Two Ages: America's Role In The Technetronic Era*. N.Y.: The Viking Press, Inc, 1970. 355 p.
10. Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1959. 336 p.
11. Drucker P.F. *Landmarks of Tomorrow*. New Brunswick (US) – London, 1996. 264 p.
12. Drucker P.F. *Managing in a time of great change*. Oxford; N.Y.: Butterworth-Heinemann, 1995 . 317 p.
13. Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. N.Y.: Free Press, 1992. 418 p.
14. Galbraith J. K. *The New Industrial State*. 2nd ed. London, N.Y.: Penguin, 1991. 427 p.
15. Machlup F. *Knowledge: Us Creation, Distribution and Economic Significance*. N.Y.: Princeton Univ. Press, 1984. 224 p.
16. Marcuse H. *One-Dimensional Man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. Routledge, 2002. 336 p.
17. Touraine A. *The Post-Industrial society. Tomorrow's social history: Classes, conflicts and culture in the programmed society*. N.Y.: Random house, 1971. 244 p.
18. Wright Mills C. *The Power Elite*. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1956. 423 p.
19. Young M. *The Rise of the Meritocracy, 1870-2033*. Harmondsworth: Penguin Books, 1958. 192 p.

References

1. Ashin G.K. Smena elit [The change of elites]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1995. no. 1, pp. 40–50.
2. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [Future post-industrial society. Experience of social forecasting]. Moscow: Academia, 1999. 783 p.
3. Gaman-Golutvina O.V. Protsessy sovremennogo elitogeneza: mirovoy i

- otechestvennyy opyt. Chast' I [The processes of modern elitogenez: world and domestic experience. Part I]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2008, no. 6, pp. 67–85.
4. Gaman-Golutvina O.V. Transformatsiya roli elit i etiki gossluzhby v usloviyakh globalizatsii [Transformation of the role of elites and of civil service ethics in the context of globalization]. *Vestnik Rossiyskoy assotsiatsii politicheskoy nauki*, 2000, no. 2, pp. 8–10.
 5. Drucker P. Postkapitalisticheskoe obshchestvo [Post-capitalist society]. *Novaya postindustrial'naya volna na zapade: Antologiya* [New post-industrial wave in the West: an anthology]. Moscow: Academia, 1999. 215 p.
 6. Inozemtsev V.L. «Klass intellektualov» v postindustrial'nom obshchestve [«Class of intellectuals» in post-industrial society]. *Sotsis. Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2000, no. 2, pp. 67–77.
 7. Karabushenko P.L. Elity, neelity i psevdoelity sovremennoy demokratii [Elite, neelity and pseudo-elite of modern democracy]. *Demokratiya. Vlast'. Elity: Demokratiya vs elitokratiya* [Democracy. Power. Elites: Democracy vs elitokratiya]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 69–78.
 8. Kochetkov A.P. Vlast' i elity v global'nom informatsionnom obshchestve [Power and elites in a global information society]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2011, no. 5, pp. 8–20.
 9. Brzezinski Zh. Between Two Ages: America's Role In The Technetronic Era. N.Y.: The Viking Press, Inc, 1970. 355 p.
 10. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford Univ. Press, 1959. 336 p.
 11. Drucker P.F. Landmarks of Tomorrow. New Brunswick (US) – London, 1996. 264 p.
 12. Drucker P.F. Managing in a time of great change. Oxford; N.Y.: Butterworth-Heinemann, 1995. 317 p.
 13. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1992. 418 p.
 14. Galbraith J.K. The New Industrial State. 2nd ed. London, N.Y.: Penguin, 1991. 427 p.

15. Machlup F. Knowledge: Us Creation, Distribution and Economic Significance. N.Y.: Princeton Univ. Press, 1984. 224 p.
16. Marcuse H. One-Dimensional Man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. Routledge, 2002. 336 p.
17. Touraine A. The Post-Industrial society. Tomorrow's social history: Classes, conflicts and culture in the programmed society. N.Y.: Random house, 1971. 244 p.
18. Wright Mills C. The Power Elite. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1956. 423 p.
19. Young M. The Rise of the Meritocracy, 1870-2033. Harmondsworth: Penguin Books, 1958. 192 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Рябкова Светлана Александровна, доцент кафедры государственного и муниципального управления университета «Дубна», кандидат политических наук

Государственный университет «Дубна»

ул. Университетская, 19, г. Дубна, Московская область, 141980,

Российская Федерация

rsa1988@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ryabkova Svetlana, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management of the University «Dubna», Candidate of Political Sciences

State University «Dubna»

19, Universitetskaya Str., Dubna, Moscow Region, 141980, Russian

Federation

rsa1988@yandex.ru

SPIN-code: 6743-8554

ORCID: 0000-0003-4597-0011

ResearcherID: J-3555-2015

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-4-90-103

УДК 327

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СЕМЮЭЛЯ ХАНТИНГТОНА И ФРЕНСИСА ФУКУЯМЫ – КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Харыбин А.Н.

В статье проводится анализ двух наиболее известных и важных концепций современной геополитики и футурологии: «Конец истории» Ф. Фукуямы и «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона. Приводится краткий обзор основных положений данных концепций, указываются их сильные и слабые стороны, предпосылки создания и причины популярности в современной научной среде, отмечается соотношение геополитических зон (Хартленд, Римленд, Внешний полумесяц, удаленные континенты, Море, Суша, Берег) и территорий цивилизаций С. Хантингтона. Вместе с тем на основе классической геополитики концепция «Столкновения цивилизаций» подвергается критическому анализу, приведены аргументы в пользу изменения границ и территорий занимаемых цивилизациями, выдвинут тезис, что Европа не является частью Западной цивилизации. В конце статьи даны практические рекомендации для российской политики в геополитическом противостоянии: укрепление ценностей православия и поддержка Евразийства и евразийских интеграционных процессов.

Ключевые слова: США; Столкновение цивилизаций; Россия; Запад; Страна; Геополитика; Православие; Суша; Море; Европа

THE GEOPOLITICAL CONCEPTION OF SAMUELE HUNTINGTON AND FRANCIS FUKUYAMA – A CRITICAL ANALYSIS

Kharybin A.N.

The article presents the analysis of the two most prominent and important concepts of modern geopolitics: “the End of history” Fukuyama and “the

Clash of civilizations” of Samuel Huntington. A brief overview of the main provisions of these concepts, identifies their strengths and weaknesses, background and reasons for the popularity in the modern scientific environment, the ratio in the geopolitical zones (the heartland, the Rimland, External Crescent remote continents, Sea, Land, Coast) and areas of civilizations of Huntington. However, on the basis of classical geopolitical concept of the “Clash of civilizations” is subjected to critical analysis, the arguments in favour of changing borders and territories occupied by civilizations, put forward the thesis that Europe is not part of Western civilization. At the end of the article the practical recommendations for Russian policy in the geopolitical confrontation: the strengthening of the values of Orthodoxy and the support of Eurasianism and Eurasian integration processes

Keywords: *USA; Clash of civilizations; Russia; West; Country; Geopolitics; Orthodoxy; Land; Sea; Europe*

Концепции С. Хантингтона, Ф. Фукуямы являются современным переосмыслением классических геополитических идей А. Мэхана, Х. Маккиндера, Н. Спайкмена. Особый интерес представляют взгляды данных геополитиков на Россию, так как в той или иной степени влияют на формирование внешнеполитического курса США и других стран Запада.

В 1989 году, когда Советский Союз еще существовал, но утратил значение как глобальный оппонент США и капитализма, малоизвестный тогда ученый Фрэнсис Фукуяма публикует свою знаменитую статью «Конец истории», в которой он пишет, что история закончена, демократия, рыночная экономика и либерализм победили, они смогли побороть сначала фашизм, а потом и коммунизм [17, с. 1]. Остается еще национализм и исламизм, но жизнеспособных альтернатив не осталось, и в будущем не появятся. Америка является образцом для всех, а остальные страны можно оценивать по уровню их соответствия США (отсюда современная система разнообразных рейтингов), которые должны помогать другим странам, двигаться в правильном направлении. У Ф. Фу-

куямы православие не упоминается, а Россия выступает в роли пройденной альтернативы либерализма – марксизма-ленинизма, ее роль как чего-то уникального закончена, дальше потеря идентичности, вливание в цивилизацию Запада.

Данная теория исторически несостоятельна [8, с. 63], у нее нет ни одного сторонника из числа ведущих политологов мира, но при этом теория приобрела популярность благодаря тому, что многие известные специалисты стараются ее опровергнуть в своих публикациях. С момента выхода статьи Ф. Фукуямы был период, когда почти в любом произведении, посвященном международным отношениям, геополитике и прогнозированию можно найти опровержение данной теории, поскольку каждый исследователь считал «хорошим тоном» ее упомянуть в негативном ключе. Сам Ф. Фукуяма в дальнейшем скорректировал свои взгляды, но их суть осталась прежней [16]. В этой связи можно вспомнить схожую футурологическую ошибку А. Тойнби, указывающего, что в XIX веке для «Стран Моря» история уже заканчивалась [22].

Сформулируем основные причины создания и неоправданно высокой популярности концепции Ф. Фукуямы:

- победа в противостоянии советско-американском противостоянии, исторически сравнимом по масштабам с греко-персидскими войнами или противостоянием Карфагена и Рима;
- необходимость идеологической легимитизации достигнутой Западом победы;
- теоретическое обоснование американской исключительности, богоизбранности, мессианской ответственности за весь мир;
- необходимость разработки геополитической модели нового, однополярного мира.

В результате, несмотря на отвержение данной концепции, мир фактически существует по ее модели: все страны мира оцениваются в сравнении с США, Запад получил монопольное право решать, какие страны являются добром и злом (уместно вспомнить знаменитую «Ось зла» как

метафору языка американской дипломатии времен Дж. Буша младшего) и вмешиваться в их внутренние дела для «защиты прав человека». Все страны, даже позиционирующие себя как антагонистов Соединенных Штатов, в итоге живут в американской системе мира: используя доллары как валюту, вкладываясь в экономику США, отправляя детей национальной элиты обучаться на Запад и т.д. Значит ли это, что Ф. Фукуяма прав и мир будет и дальше двигаться в направлении Запада? Нет. Схожая ситуация была во времена Римской Империи после победы в Пунической войне, но вечное господство Рима не обеспечила. То же будет и США, но это вовсе не значит, что в среднесрочной перспективе у мира сменится лидер или создастся многополярный мир.

В 1994 публикуется исследование С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Суть теории: универсального мира не существует, различия не будут уменьшаться, а только увеличиваться, вместо идеологического противостояния в XX веке, в XXI столетии главную роль будут играть межкультурные конфликты [21, с. 167]. Вестернизация прекратится, Запад начал терять свое могущество [18, с. 514] (и действительно в некоторых регионах мира акторы минимизировали влияние США [9, с. 25–26]).

При этом территории, которые занимают цивилизации, соответствуют классической геополитической картине мира:

- Запад – Море;
- Православие – Суша;
- Исламская, Индийская, Будистская и Японская - Римланд;
- Африканская – удаленный континент;
- Латинская цивилизация – Запад или удаленный континент (мнения разных специалистов расходятся, при этом выделение латинской цивилизации в отдельную есть наиболее спорный момент концепции С. Хантингтона).

По С. Хантингтону Россия – «разорванная страна», при этом в отличие от других разорванных стран она является стержневой в своей

цивилизации, и если будет сделан выбор в пользу Запада, православная цивилизация прекратит свое существование. В этом ключевое отличие России от других цивилизаций, если остальные в XXI веке динамично развиваются, то православная может прекратить свое существование и стать частью Западной. Однако данный тезис представляется ошибочным. Православная цивилизация не исчерпала свой потенциал, С. Хантингтон писал свою работу в момент пика кризиса русской цивилизации, с этого момента мы можем констатировать с одной стороны сокращение территории православия, а с другой консолидацию цивилизации. При этом тенденция на выдавливание православия с юга была остановлена, конфликты с исламом были заморожены.

Исходя из теории классической геополитики и реалий современной мировой политической системы, полезно внести две поправки в территории занимаемые цивилизациями:

1. Методологически объединить Латиноамериканскую и Западную цивилизацию. Между ними нет значимых отличий, как результат нет оснований полагать, что это две различные цивилизации.

2. Изменить традиционную оценку места Европы. Если в классической геополитике Европа это Римленд, то у Хантингтона, она входит в Запад. Однако Европа не является единой, и если Великобритания и США – безусловно страны одной цивилизации, то цивилизационное родство США с другими европейскими странами является спорным. С позиций географии Европа никоим образом не может быть приравнена к Западу [7]. В результате более уместно считать Европу не частью Западной цивилизации, а классическим Берегом, который был завоеван Морем сначала во Второй Мировой войне, а затем в Холодной.

Важным моментом так же является определение границ православной цивилизации. По Ф. Фукуяме: граница цивилизации совпадает с границей социалистического блока. По С. Хантингтону граница проходит по линии распространения православия. Обе эти точки зрения представляются ограниченными. Русская православная церковь (РПЦ) имеет до-

вольно натянутые отношения с другими православными церквями, что проявилось в частности в проблеме вокруг организации Вселенского собора в 2016 году. Более уместно при определении границ России использовать теорию Генриха фон Лохаузена указывающего, что граница между Европой (Берегом) и Россией (Сушей) проходит по самому узкому месту между Балтийским и Черным морем [3, с. 64]. Линия идет от Калининграда через границу Польши и Белоруссии, дальше через территорию Западной Украины, фактически повторяя Советско-польскую границу 1939 года, дальше по границе Молдавии и Приднестровья и относит к Суши Одессу. Эта линия соотносится с территорией исторически входившей в зону влияния России, а так же с границей распространения бука [26, с. 58–60; 22].

С. Хантингтон предлагает США руководствоваться «стратегией анаконды» А. Мэхана и сохранять американское могущество как можно дольше. Он указывает, что главными конфликтами XXI столетия будут:

- Запада и Ислама, который и идет последние 15 лет, при этом, если сначала война шла на территории Ислама и Запад фактически не встречал сопротивления, то за последний год основное противостояние переместилось в Европу;
- Ислама и Православия – после подавления сепаратистов на Северном Кавказе в первые годы XXI века, южный рубеж России можно признать относительно стабильным, в отличие от стран Запада, у Ислама с Россией имеется долгий опыт мирного сосуществования и взаимообогащения духовными традициями;
- Китая и Запада, можно вспомнить З. Бжезинского (преувеличение китайской угрозы) [2, с. 119], А. Дугина (Китай как страна союзник Моря и противник Суши) [6, с. 205]. Маловероятным является, что в этом конфликте Россия подержит Запад.

В целом с необходимыми поправками, «Столкновение цивилизаций» объективно объясняет современную международную политическую систему и дает наиболее вероятный прогноз ее развития. При этом Хан-

тингтон не предлагает новых вариантов укрепления американского влияния, используя стандартные методы.

Какие выводы должна сделать Россия из концепций Ф. Фукуямы и С. Хантингтона?

1) Западная демократия – не универсальная модель мироустройства, к которой необходимо стремиться, надо учитывать специфику цивилизационного развития России [11, с. 208]. Как альтернативу вестернизации можно развивать проект Евразия [1, с. 16]. Неограниченный прием западных социально-политических ценностей и стандартов приведет Россию не только к потере своей цивилизационной идентичности, но и к вымиранию значительной части коренного населения [4, с. 120], при этом сам Хантингтон указывает, что западные ценности имеют самый низкий статус в мире за пределами США [25].

2) Противостояние России и Западных стран вызвано объективными законами геополитики, не зависит от российских действий в отношении современной Украины, противостояние все равно перешло бы в открытую фазу. Давление на Россию осуществляется в канве общей стратегии за передел глобальной политической и геоэкономической карты мира и потому носит объективный характер, что обуславливает невозможность нейтрализации данного давления методом дипломатических переговоров или тактических уступок [12, с. 130]. При этом роль США прослеживается в территориальных конфликтах по всему периметру границ России [19, с. 482].

3) Европа в геополитическом измерении является не Западом («Морем»), а «Берегом». Если с момента создания однополярного мира страны Европы действовали в фарватере внешней политики США, то последние события (теракты в Париже и Брюсселе, миграционный кризис) ведут к тому, что праворадикальные и националистические партии будут играть все большую роль в политической жизни [10, с.38]. Успех данных партий может привести к расколу в Европе, отказу части стран от союза с США, переориентации на Россию. Особенно важными в этой связи представляются итоги выборов президента Франции 2017 года.

4) Россия должна укрепить свое влияние на юге с целью противодействия геополитическому выдавливанию из «Римленда» и сокращению российского влияния в южных исламских странах, а так же налаживать отношения с мусульманскими странами.

5) Поддержка православия. Система ценностей, созданная православным христианством, принципы его рациональной деятельности, отношения к человеку, особенно к труду, могут стать основой реальной модернизации и дать положительный импульс инновационному развитию [5, с. 66].

Несмотря на то, что православие как религия не оказывает ключевое влияние на российское общество, в целом можно констатировать, православные ценности востребованы: скромность, коллективность, миролюбие, интернационализм, чувство справедливости, преобладание духовного над материальным и т.д., и лишь в последние 50 лет началась серьезная экспансия западных ценностей в российский социум. При этом внешняя политика Российской империи шла в русле православной идеи: стремление к воссоединению Второго и Третьего Рима, обеспечению независимости всех православных народов от иноземного гнета, построению мирового Царства Божия на земле и др. Даже СССР, проводя внутри страны антирелигиозную политику, во внешней политике активно использовал Русскую Православную Церковь и ее идеи:

- 29 мая 1946 года Совет Министров СССР принял постановление 1132-460/СС, в котором предлагалось разрешить проведение в Москве Вселенского предсоборного совещания с участием глав всех Автокефальных Православных Церквей для обсуждения вопроса о выработке общей линии по борьбе с Ватиканом;
- 7 февраля 1948 года Совет по делам религий при Совете Министров СССР отправляет отчет о своей работе за предыдущий год в ЦК КПСС, и там значится пункт подготовки созыва в 1948 году Вселенского Собора для решения вопроса о присвоении Московской Патриархии титула Вселенской;

- сразу после окончания Второй мировой войны Патриарх Алексей I получает 200 тысяч долларов США для оказания помощи Антиохийской Церкви [14].

Так же следует отметить, что создание социалистических режимов в Восточной Европе шло одновременно с попытками укрепления там духовного влияния РПЦ [20].

Ключевой особенностью российского православия является мирный симбиоз с другими традиционными религиями. Это обуславливается тремя основными факторами:

- 1) Россия как геополитический наследник Персидской империи, а затем империи Чингисхана исторически была вынуждена лояльно относиться к другим религиям;
- 2) В целом миролюбивый характер православной политической риторики в сравнении с другими религиями;
- 3) Отсутствие религиозных войн в истории России.

Все это позволяет сделать вывод, что православная идея не исчерпала себя, и может быть востребована как вектор восстановления цивилизационной идентичности России в условиях современной глобальной турбулентности и нарастающей террористической угрозы [15, с. 32–40].

Список литературы

1. Агеева В.Д. Российская мягкая сила: между «русским миром» и Евразией // Наука Красноярья. 2016. № 1 (24). С. 8–24.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы / Пер. с англ. О. Ю. Уральской. Междунар. отношения, 1998. 255 с.
3. Генрих Йордис фон Лохаузен Верхом за Россию. Беседы в седле Издательство Леопольд Штокер Ферлаг Грац, Штутгарт, 1998. 166 с.
4. Горбатко В.А. Демографический аспект возможных последствий принятия Россией «западных ценностей» // Курорты. Сервис. Туризм. 2016. № 1 (30). С. 115–121.

5. Данакари Р.А. Этноконфессиональные отношения в современном обществе: диалектика взаимодействия // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. 2015. № 3. С. 60–67.
6. Дугин А. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. 928 с.
7. Европа не есть Запад: интересы, ценности и идентичность в европейской традиции - Перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=289332> (дата обращения 05.06.2016).
8. Косарев В.М. «Конец истории» и аксиологический детерминизм // Вестник АГТУ. 2005. №5 С. 38–65.
9. Леонова О.Г. БРИКС – внеамериканская зона взаимодействия // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2015. № 1 (300). С. 25–33.
10. Матвеевская А.С. Современные тенденции миграционной политики Европейского Союза // Наука Красноярья. 2015. № 6 (23). С. 29–39.
11. Медведева Г.А. Россия: особенности цивилизации и выбор модели общественного развития в условиях глобализации современного мира // Система ценностей современного общества. 2016. № 44. С. 201–209.
12. Морозов И.Л. Безопасность политических коммуникаций в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1. С. 127–131.
13. Почему изолируют Россию – геополитика Вопросик [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://voprosik.net/pochemu-izoliruyut-rossiyu-geopolitika/> (дата обращения 05.06.2016).
14. Сталин и Церковь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2013/09/07/stalin_i_cerkov (дата обращения 05.06.2016).
15. Суслонов П.Е., Исаев А.А., Кислов А.Г. и др. Антропология деструктивности / Коллект. монография. Издательство: Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Екатеринбург, 2012. 214 с.
16. Фукуяма против Хантингтона: сбывшийся прогноз и украинский конфликт [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://slon.ru/russia/fukuyama_

- protiv_khantingtona_sbyvshiysya_prognoz_i_ukrainskiy_konflikt-1163609.xhtml (дата обращения 05.06.2016).
17. Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–155.
 18. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
 19. Харыбин А.Н. Геополитика современности и судьба России // Россия в современном мире: взгляд социолога. Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2015. С. 481–483.
 20. Чумаченко Т.А. «Союз церквей социалистического лагеря»: Совет по делам РПЦ и эволюция взаимоотношений Московской патриархии с православными церквями стран «Народной демократии» в 1948–1953 гг. // Вестник РУДН. История России. 2008. №1 (11). С. 67–81.
 21. Яшкова Т.А. Современные цивилизационные войны // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2016. № 1 (23). С. 165–167.
 22. Arnold J. Toynbee, A Study of History (London: Oxford University Press, 12 vols., 1934–1961), VII, 7–17; Civilization on Trial: Essays (New York: Oxford University Press, 1948), 17–18; Study of History, IX, 421–422.
 23. Авгупа kayini [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bilgi-bilgi.com/avgupa_kayini (дата обращения 07.06.2016).
 24. Huntington Movement Goals by SPHuntington on DeviantArt [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sphuntington.deviantart.com/art/Huntington-Movement-Goals-200656367> (дата обращения 05.06.2016).
 25. Huntington S.Ph. The clash of civilizations? // Foreign affairs. 1993. V.72. № 3.
 26. Mallory J.P., Douglas Q. Adams. Encyclopedia of Indo-European Culture. London: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997.

References

1. Ageeva V.D. Rossiyskaya myagkaya sila: mezhdru «russkim mirom» i Evraziye [Russian soft power: between the “Russian world” and Eurasia]. *Krasnoyarsk Science*. № 1, 2016. (24), pp. 8–24.
2. Bzhezinskiy Z. *Velikaya shakhmatnaya doska: Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy* [The Grand Chessboard: American Primacy and Its

- Geostrategic Imperatives] / Trans. from English. O. Ural. Intern. relationship, 1998. 255 p.
3. *Genrikh Yordis fon Lokhauzen Verkhom za Rossiyu. Besedy v sedle Izdatel'stvo Leopold Shtoker Ferlag Grats* [Heinrich von Lohausen Hjordis Horse riding for Russia. Conversations in the saddle Publisher Leopold Stocker Verlag Graz], Stuttgart, 1998. 166 p.
 4. Gorbat'ko V.A. Demograficheskiy aspekt vozmozhnykh posledstviy prinyatiya Rossiey «zapadnykh tsennostey» [Demographic aspect of the possible consequences of the adoption of Russian “Western values”]. *Kurorty. Servis. Turizm* [Resorts. Service. Tourism]. № 1, 2016. (30), pp. 115–121.
 5. Danakari R.A. Etnokonfessional'nye otnosheniya v sovremennom obshchestve: dialektika vzaimodeystviya [Ethno-confessional relations in modern society: the dialectic interaction]. *Nauchnyy vestnik Volgogradskogo filiala RANHiGS. Seriya: Politologiya i sotsiologiya* [Scientific Bulletin of the Volgograd branch RANHiGS. Series: Political science and sociology]. 2015. № 3, pp. 60–67.
 6. Dugin A. *Osnovy geopolitiki* [Basics of geopolitics]. M.: Arctogaia Centre, 2000. 928 p.
 7. Evropa ne est' Zapad: interesy, tsennosti i identichnost' v evropeyskoy traditsii – Perspektivy [Europe is not the West: the interests, values and identity in the European tradition – Prospects]. <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=289332>
 8. Kosarev V.M. «Konets istorii» i aksiologicheskiy determinizm [“End of History” and axiological determinism]. *Vestnik AGTU*. 2005. №5, pp. 38–65.
 9. Leonova O.G. BRIKS – vneamerikanskaya zona vzaimodeystviya [BRICS – vneamerikanskaya interaction zone]. *Observer*. 2015. №1 (300), pp. 25–33.
 10. Matveevskaya A.S. *Covremennye tendentsii migratsionnoy politiki Evropeyskogo Soyuza* [Modern trends in the European Union's migration policy]. *Krasnoyarsk Science*. 2015. № 6 (23), pp. 29–39.
 11. Medvedeva G.A. Rossiya: osobennosti tsivilizatsii i vybor modeli obshchestvennogo razvitiya v usloviyakh globalizatsii sovremennogo mira [Russia: features of civilization and the choice of models of social development in a global-

- ized modern world]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [The value system of modern society]. 2016. № 44, pp. 201–209.
12. Morozov I.L. Bezopasnost' politicheskikh kommunikatsiy v sovremennoy Rossii [Safety political communications in modern Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International relationships]. 2013. № 1, pp. 127–131.
 13. *Pochemu izoliruyut Rossiyu – geopolitika Voprosik* [Why isolate Russia – Geopolitics Voprosik]. <http://voprosik.net/pochemu-izoliruyut-rossiyu-geopolitika/>
 14. Stalin i Tserkov' [Stalin and the Church]. http://ruskline.ru/analitika/2013/09/07/stalin_i_cerkov
 15. Suslonov P.E., Isaev A.A., Kislov A.G. et al. Antropologiya destruktivnosti [Anthropology destructiveness]. Publisher: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg, 2012. 214 p.
 16. Fukuyama protiv Khantingtona: sbyvshiysya prognoz i ukrainskiy konflikt [Fukuyama versus Huntington: the forecast come true and Ukrainian conflict]. https://slon.ru/russia/fukuyama_protiv_khantingtona_sbyvshiysya_prognoz_i_ukrainskiy_konflikt-1163609.xhtml
 17. Fukuyama F. Konets istorii [The End of History]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 1990. № 3, pp. 134–155.
 18. Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. M.: OOO “Izdatelstvo AST”, 2003, 603 p.
 19. Kharybin A. N. Geopolitika sovremennosti i sud'ba Rossii [Geopolitics of modernity and the fate of Russia]. *Rossiya v sovremennom mire: vzglyad sotsiologa. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Russia in the modern world: a view of the sociologist. Proceedings of the conference]. St. Petersburg, 2015, pp. 481–483.
 20. Chumachenko T.A. «Soyuz tserkvey sotsialisticheskogo lagerya»: Sovet po delam RPTs i evolyutsiya vzaimootnosheniy Moskovskoy patriarkhii s

- pravoslavnymi tserkvyami stran «Narodnoy demokrati» v 1948-1953 gg. [“Union socialist churches”: for ROC Affairs Council and the evolution of relations between the Moscow Patriarchate and Orthodox churches “People’s Democracy” countries in 1948-1953]. *Vestnik RUDN. Istoriya Rossii*. 2008. №1 (11), pp. 67–81.
21. Yashkova T.A. Sovremennye tsivilizionnye voyny [Modern war tsivilizionnye]. *Sovremennaya nauka: aktual’nye problemy i puti ikh resheniya* [Modern science: current problems and solutions]. № 1, 2016. (23), pp. 165–167.
22. Arnold J. Toynbee, A Study of History (London: Oxford University Press, 12 vols, 1934-1961.), VII, 7-17; Civilization on Trial: Essays (New York: Oxford University Press, 1948), 17-18; Study of History, IX, 421-422.
23. *Avrupa kayini*. http://bilgi-bilgi.com/avrupa_kayini
24. Huntington Movement Goals by SPHuntington on DeviantArt. <http://sphuntington.deviantart.com/art/Huntington-Movement-Goals-200656367>
25. Huntington S.Ph. The clash of civilizations? *Foreign affairs*. 1993. V.72. No. 3.
26. Mallory J.P., Douglas Q. Adams. Encyclopedia of Indo-European Culture. London: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Харыбин Александр Николаевич, аспирант

Волгоградский филиал РАНХиГС

ул. Гагарина, 8, г. Волгоград, 400131, Российская Федерация

xahaleksandr@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kharybin Aleksandr Nikolaevich, Graduate Student

Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Gagarin St., 8, Volgograd, 400131, Russian Federation

xahaleksandr@mail.ru

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-4-104-121

УДК 327.7

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Ягья В.С., Сбойчакова А.В.

Возрастающая роль Арктического региона в мировой политике на современном этапе, порождает новые вызовы его безопасности, среди которых трансграничная угроза деградации окружающей среды и экологических катастроф. На основе проведенного анализа авторы дают рекомендации относительно вектора направления политики России в Арктическом регионе, направленной на нивелирование экологических вызовов.

Авторами проведена работа по оценке места и роли охраны окружающей среды Арктического региона в государственных программных документах, систематизированы основные внутренние проекты по сохранению флоры и фауны, исследована деятельность международных организаций в регионе.

В результате исследования авторы приходят к выводам о том, что основную экологическую опасность представляют добывающая деятельность и логистика. В краткосрочной перспективе добыча углеводородов в Арктике экологически опасна и нерентабельна, но в будущем, если зависимость России от сырья не исчезнет, остро встанет вопрос о совершенствовании технологий получения сырья. Для предупреждения возникновения такой ситуации политика России должна быть направлена на приобретение новых технологий, позволяющих возобновить безопасную для природы добычу углеводородов, и способствовать финансовой поддержке национальных проектов по сохранению природной среды в Арктике. В связи с этим, приоритет охраны природы региона

в концептуальных документах должен стоять на первом месте, а политика должна быть направлена на поиск финансирования, в том числе у заинтересованных внерегиональных партнеров.

Цель: разработать возможные пути политического решения проблемы экологического загрязнения российских арктических территорий.

Методы проведения работы: контент-анализ.

Результаты: на основе проведенного анализа даны рекомендации по формированию экологической политики РФ в Арктике

Область применения результатов: выработанные по итогам исследования рекомендации могут быть учтены при разработке основ экологической политики России на ее арктических территориях.

Ключевые слова: *Арктический регион; Российская Арктика; международное сотрудничество; политика России.*

POLITICAL ISSUES OF ENVIRONMENTAL SECURITY OF RUSSIAN ARCTIC

Yagya V.S., Sboychakova A.V.

The increasing role of the Arctic region in current world politics generates new challenges of environmental safety. There are cross-border threat of ecological degradation and environmental disasters. In this regard Russian governmental policy must be focused on decrease of environmental challenges. Analyzing role of environmental protection of the Arctic region in the state program documents internal projects on preserving flora and fauna, activities of the international organizations in the region are authors make recommendations concerning Russian politics in the Arctic territories.

Authors come to conclusions that extracting activities and logistics are mostly provide ecological danger. That's why hydrocarbon production in the Arctic as ecologically dangerous and unprofitable activity should be freeze in

the short term. However in future in case of saving Russia's dependence of raw materials, a necessity of technological enhancement of oil and gas extraction will emerge. To prevent possible economic stagnation Russian policy shall be directed to acquisition of the new technologies, which allow environmentally secure extraction. At the same time the state should promote financial support of national projects on saving environment in the Arctic. The priority of environment projects shall be on the first place in conceptual documents, and the policy shall be sent to search for financial support.

Purpose: Definition of the possible ways of political resolution the environmental problem of Russian Arctic territories.

Methodology: in article content analysis methods were used.

Results: on the basis of the carried-out analysis are made recommendations about emerging of environmental policy of the Russian Federation in the Arctic.

Practical implications: the recommendations can be considered in development of environmental policy of Russia in its Arctic territories.

Keywords: *Arctic region; Russian Arctic territories; international cooperation; policy of Russia.*

Арктический регион и арктические территории России в мировой политике

Второе десятилетие XXI века ознаменовалось пристальным вниманием мирового сообщества к Арктике. Регион логично вписывается в транснациональную среду глобальной политики, и проблемы взаимодействия стали предметом политического диалога между странами арктической зоны: Россией США, Канадой, Норвегией, Швецией, Данией, Исландией. Вместе с подключившейся к ним Финляндией в 1996 г. они образовали межправительственный Арктический совет (далее, АС), который должен был стать, наряду с Советом Баренцева / Евроарктического региона и другими многосторонними форматами своеобразным «центром» коллективного управления регионом. Наличие

ресурсной базы вызывает интерес со стороны внерегиональных акторов, прежде всего, стран, получивших статус наблюдателя в АС. Для укрепления позиций в Арктике в 2013 г. АС разработал руководство, имеющие целью предотвратить чрезмерное вмешательство в его деятельность, хотя, в целом, министры иностранных Карл Бильдт (мининдел Швеции) и Эспен Барт Эйде (мининдел Норвегии) приветствовали расширение состава АС за счет наблюдателей. Интерес к Арктике проявляют европейские страны, а также Корея, Сингапур, особо лоббировалось вступление Китая, стремившегося занять прочные позиции за счет бизнес-интересов [15]. Необходимо признать высокую степень заинтересованности Поднебесной в российской Арктике (использование Северного морского пути, добыча необходимых углеводородов). По словам Го, (одного из профессоров Океанического университета в Циндао сказанных в ходе 3-го российско-китайского круглого стола по Арктической тематике), от укрепления позиций в Арктике зависит национальная безопасность Китая. По мнению директора Центра экономики Севера и Арктики Совета по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН А. Пилясова, «вопрос китайского присутствия – это не вопрос нашего выбора, а вопрос нашего умения выгодно и эффективно этот безусловный факт нашего будущего использовать» [10]. Показательна в этом смысле позиция США, которые, несмотря на сложные отношения с Пекином, согласились на допуск Китая в АС в качестве наблюдателя.

Экологические последствия освоения Арктики – включая движение транспорта по Северному морскому пути (далее СМП), размещение военных баз на островах Северно-Ледовитого океана, добычу нефти на шельфе – воздействуют на природу далеко за пределами мест дислокации хозяйственных и военных объектов. Необходимо учесть факт постоянного проживания в арктическом регионе около 2,3 млн человек, среди которых важную роль играют национальные меньшинства, занимающиеся, как правило, традиционным хозяй-

ством. По данным исследовательского центра Нордреглио (Nordregio) в 2030 г. число жителей Арктики достигнет 4,3 млн чел [См. также 16]. Для них экологическая составляющая жизни и деятельности имеет огромное значение.

Большая часть Арктической зоны находится в пределах РФ, и Россия не изолируется от арктического сообщества, которое настаивает на необходимости разрешения экологических вопросов. В 2013 году принята программа Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020, за которой последовала Стратегия социально-экономического развития Арктики на период до 2020 г. Международное измерение политики России в Арктике предполагает сотрудничество на уровне АС, Совета Баренц-Евроарктического региона, Глобального экологического фонда и Программы ООН по окружающей среде [13]. На повестке дня – разработка современных технологий и формирование единых экологических стандартов.

Экологические проблемы Российской Арктики и методы борьбы с ними

На 3-м форуме «Арктика – территория диалога» в Салехарде в сентябре 2013 г. вновь было обращено внимание на важность международного сотрудничества в освоении Арктики и защите ее очень хрупкой и уязвимой природной среды от воздействия вредоносных выбросов вредных химикатов, парниковых газов, загрязнений. Ярким примером стремления к взаимному сотрудничеству в деле охраны окружающей среды служит «Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнения нефтью моря в Арктике», принятое АС в 2013 г., которое министр иностранных дел С.Лавров назвал «эффективным инструментом защиты окружающей среды в условиях активного освоения открывающихся арктических кладовых» [14]. Большой резонанс в обсуждении экологических проблем Арктики вызвала информация о создании в России государственной комиссии по раз-

витию полярных и приполярных районов во главе с вице-премьером Д. Рогозиным [2].

Еще в 2014 году, для достижения основных целей, обозначенных в стратегических документах РФ, указанных выше, Правительство РФ одобрило Государственную программу Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» [2], предусматривающую выделение на ликвидацию экологического ущерба прошлых лет 180 млрд руб., а 14 марта была учреждена Государственная комиссия по вопросам развития Арктики, руководителем (председателем) которой назначен вице-премьер российского правительства Д. Рогозин, а заместителями – соответствующие министры, а также первый заместитель главы МИДа. Одной из основных задач стала подготовка нормативной базы для управления регионом [2].

Созданию этой комиссии предшествовало прошедшее в Санкт-Петербурге совещание «Эффективное и безопасное освоение Арктики», где президент РФ еще раз отметил, что «почти треть территории России составляют районы Крайнего Севера, следовательно, РФ несет особую ответственность за сохранность Арктики» [1]. На этом же совещании, координатор программы по экологической политике нефтегазового сектора Всемирного фонда дикой природы А. Книжников предложил создать компенсационный фонд для устранения последствий нефтеразливов, инициатива эта прорабатывается.

Необходимо подчеркнуть, что наиболее серьезные экологические угрозы в арктических морях исходят от нефтяных разливов. Борьба с ними вписывается в зеленую экономику. В её рамках укладываются усилия России, США и Норвегии по инвентаризации загрязненных или так называемых горячих точек, представляющей приоритет экологического партнерства в рамках Арктического совета. США уже давно занимаются очисткой территории на Аляске, подобные работы ведут Норвегия, Канада и др. В России выявлено 200 таких горячих точек.

В русле природоохранной деятельности Россия устанавливает особые режимы природопользования. Так, право добывать нефть получили только компании, обладавшие современными технологиями и возможностью финансировать работу с учетом необходимости соблюдения стандартов. Комплексные экологические задачи решают арктические полярные центры министерства чрезвычайных ситуаций, чья роль заключается в эффективном мониторинге, аварийно-спасательных работах и т.п. [1]. Помимо этого, центры также осуществляют работу по оценке и поддержанию экологического здоровья животного мира Арктики. Однако, успеха в последнем можно добиться только путем международной кооперации всех заинтересованных сторон – арктических государства, стран-наблюдателей АС, различных природоохранных (и не только) структур, ведущих деятельность в регионе.

Необходима также совместная борьба с последствиями потепления климата. Несмотря на наличие территориально-разграничительных разногласий между циркумполярными странами [7], на необходимость международного партнерства в арктической зоне указывали многие политики, в том числе и президент РФ [9]. Выступая в Санкт-Петербурге, в штаб-квартире Русского географического общества в июне 2016 г, В.В. Путин особо подчеркнул необходимость тесного взаимодействия бизнеса и экономики [1]. Мировое сообщество уже предприняло ряд соответствующих шагов – в результате исполнения условий Киотского протокола на 1,5% сокращается потепление климата; на Лимской конференции 2014 г. подготовлен проект соглашения по изменению климата для использования на конференции в Париже в 2015 г. В результате последней также принята декларация, призывающая к декарбонизации мировой экономики с целью сокращения к 2030 г. потепления климата на 2%; 15-я сессия СБЕР, состоявшаяся в 2015 г., приняла важные документы по охране окружающей среды в районе СМП и др. Выступая на открытии конференции в Париже, президент РФ указал на перевыполнение Россией

обязательств по Киотскому протоколу и сокращении выбросов парниковых газов в объеме суммарного газового загрязнения атмосферы в мире, а также заверил, что «к 2030 году наша страна уменьшит вредные выбросы до 70% по сравнению с базовым 1990 годом» [12]. Разумеется, реализация подобного обещания благоприятно скажется и на окружающей среде Арктики.

Касательно уже существующих международных проектов по охране природы в Арктическом регионе, посол по особым поручениям МИД РФ В. Барбин, привел данные, что «из 80 реализованных по его [АС – авт.] эгидой практических проектов в Арктике ни один не был свернут из-за событий на Украине» [14]. Четыре из них направлены на сокращение выбросов черного углерода, загрязняющих Арктику и северные районы России. На эти мероприятия потратят 4,3 млн евро, что будет способствовать улучшению сжигания дизельного топлива, переходу на возобновляемые источники энергии, техническому перевооружению дизельных электростанций Мурманской области и Республики Карелия, сокращению выбросов ртути в атмосферу. Однако предстоит сделать еще немало по созданию международно-правовой и национально-юридической системы сохранения окружающей среды в Арктике [4]. Вот почему в аспекте Парижского соглашения, которое вступит в силу с 2020 г., России предстоит разработать планы адаптации к изменению климата в Арктике, которые позволили бы сгладить последствия пока неизбежного потепления и его экологических последствий [см. 12].

С целью нивелирования иных угроз безопасности Арктического регионе – вместе с Данией, Норвегией, Канадой и США, Россия высказывалась в пользу подписания договора о моратории на рыболовство в Центральной Арктике. В ходе беседе с консулом Норвегии, один из авторов статьи выяснил, что г-жа Э.Б. Эйланд склонна согласиться с тем, что основной источник антропогенного загрязнения углеводородами Баренцева моря – прибрежные поступления из развитых районов Европы и США.

В РФ реализуется масштабный проект по очистке Арктической зоны: уже полностью очищена Земля Александры, на острове Грэм-Белл в 2013 г. начались т.н. генеральные уборки, приступили к таким работам на островах Гофмана, Хейса, Рудольфа и Гукера, о. Белый, земле Франца-Иосифа. На очистку Арктики выделяются миллиарды рублей с тем, чтобы со временем Арктика стала «зелёной» [см. 19, 20].

Несомненным плюсом Целевой программы по развитию Арктики до 2020 стало включение в бюджет финансирования задач по очистке от отходов Земли Франца-Иосифа, которая стартовала еще до принятия программы.

Более масштабные и трансграничные экологические проблемы появились из-за антропогенного вмешательства в жизнь региона, особенно, навигации. В 2014 году, по данным Администрации Северного морского пути произошел прирост перевозки грузов по отношению к 2013 на 31,6% [9]. Северный морской путь безопасен от пиратства, он короче, чем обходной маршрут, а с таянием ледников и потеплением годовой температуры стали возможны более безопасные для экологии водные грузоперевозки, которые могли бы проходить с помощью атомаходов (а не дизель-электрических ледоколов, как раньше. Остается еще проблема захоронения радиоактивных и иных отходов и военных снарядов с советских времен. По данным Института проблем безопасного развития атомной энергетики РАН на 2013 год, в арктических морях затоплена более 700 ядерных объектов [3]. Эти захоронения в недалеком будущем могут нанести колоссальный экологический вред.

Несмотря на ряд запущенных проектов по очистке акватории СМП, средств федерального бюджета не хватает. Учитывая тот факт, что Пекин также проявляет большой интерес к перевозками (например, концерн морских грузоперевозок COSCO намерен запустить поставки из Азии в Европу через СМП [30]), возможно, что финансовое решение проблемы стоило бы искать в партнерстве с Китаем, который выделяет огромные средства на научно-исследовательскую деятельность в Арктике, и является постоянным наблюдателем в АС.

Россия первая из арктических государств начала нефтедобычу на территории региона, но нехватка современных технологий для извлечения полезных ископаемых и их глубинное положение накладывает огромную экологическую ответственность на добывающие компании. Неоднократно проходили акции протеста со стороны общественных природоохранных организаций (особенно ГРИНПИС), выдвигались обвинения в загрязнении и потенциальной опасности природных катастроф со стороны США.

Действительно, такие катастрофы как разливы нефти проще предотвратить, чем ликвидировать. На момент написания статьи, крупных разливов, произошедших по вине российских компаний не зафиксировано, но не стоит закрывать глаза на несовременность и износ оборудования. Падение цен на нефть до 50 долларов за баррель делает добычу в Арктике нерентабельной, что заметно не только в РФ. Авторы статьи склонны согласиться со словами главы Фонда энергетической безопасности России К.Симонова, что и РФ «нужно пересмотреть отношение к крайне затратным «стратегическим» проектам в Арктике ... от большинства из них следовало бы вообще отказаться» [см. 11]. Сведения о затратности добычи нефти в Арктике также поступали из Минприроды [см. 11]. В США Shell в связи с огромными затратами, уже приостановила добычу у берегов Аляски [5].

В РФ без реформирования нефтедобывающего сектора смысла разрабатывать месторождения в суровых погодных условиях нет, что заставляет крупные государственные нефтедобывающие компании пытаться заморозить проекты [11] на арктических месторождениях. Несмотря на негативные экономические последствия, это нивелирует угрозы экологических катастроф.

Проблема формирования режима и юридической базы управления Арктикой

Решение других экологических (да и любых политических) проблем циркумполярного региона во-многом зависит от функционирования еди-

ного режима управления Арктикой, формирование которого пока что остается в подвешенном состоянии.

Среди части юристов-международников бытует мнение, что, как сказала старший партнер юридической фирмы «S & K Вертикаль» Л. Дуйко, «Арктика – это некая «серая зона» в международно-правовых отношениях» [19]. Конечно, имеющаяся юридическая база недостаточна, но есть краеугольные документы в этой области, среди которых центральное место занимает Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., и Арктический Совет, при всех его несовершенствах, – площадка для международного диалога всех арктических государств и других заинтересованных сторон. Аналогичную точку зрения обосновала одному из авторов статьи посол Норвегии в Арктическом Совете Э.Б. Экланд в декабре 2015 г. Правоту слов В. Дуйко, вероятно, можно обнаружить при исследовании политико-географических проблем Арктики [20], особое место среди которых принадлежит спорам вокруг СМП [20, 23]. Эти противоречия, конечно же, препятствуют обеспечению экологической безопасности в Арктике. Тем не менее, в АС добиваются принятия хотя бы декларативных общих документов, как, например, «Рамочный план сотрудничества в сфере предупреждения загрязнения морских районов Арктики нефтью в результате нефтегазовой деятельности и судоходства», согласованный в апреле 2015 г., принятый, несмотря на разногласия по Украине [14].

Причины того, что формирование единых принципов управления и сотрудничества в Арктике протекает тяжело: политический и экономический кризис в мире, институциональный кризис многих акторов международных отношений в регионе (например, АС), расхождение интересов государств и др. Особенно остро стоит вышеупомянутый вопрос о территориальных спорах. На одни территории претендуют США, Россия, Дания, Канада, здесь грядет новый виток противоречий, поскольку Россия опять подала заявку в ООН о признании территорий хребтов Ломоносова и Менделеева продолжени-

ем ее арктического шельфа, и в ООН должны проработать ее в течение 2016 года [7].

Несмотря на политические разногласия РФ и западных партнеров, существует возможность вести диалог по конструктивным проектам даже в рамках нереформированного Арктического Совета. Вопросы устойчивого развития региона ввиду трансграничности проблем останутся актуальными. В 2015 году США, принимая председательство в АС, объявили, что в будущем 2 года сосредоточатся именно на этих аспектах. РФ стоило бы более тесно сотрудничать с АС в этих сферах, а также искать инвестиции на очистительную технику и технологии у постоянных членов АС.

При решении экологических проблем российской Арктики и всего региона следует учитывать наработки неарктических государств Европы и потенциальных партнеров из других регионов. Еще в 70-е годы прошлого столетия Япония (совместно с США, потом Швецией) запустили первые проекты по мониторингу экологической ситуации в регионе, в 90-е годы к ним присоединились другие европейские страны [18, с.146, см. также 22]. Европейские государства всегда хотели присутствовать в Арктике и когда постоянными членами АС стали только представители Арктической восьмерки, западные партнеры старались укрепить свои позиции, в том числе постоянно настаивая на включении ЕС (как политического целого) или отдельных стран в качестве наблюдателей.

Выводы

Невозможность разделения природной системы региона требует более взвешенной и продуманной экологической политики каждого из государств. Роль Арктики в глобальной экономике будет возрастать, следовательно, России необходимо продолжать финансово и кадрово поддерживать существующие национальные проекты по сохранению природной среды в Арктике, интенсифицировать двустороннее и многостороннее партнерство с государствами

При разработке стратегического планирования будущего региона, политические структуры должны иметь понимание, что вопрос приобретения экологически чистых и энергосберегающих технологий можно решить путем сотрудничества с внерегиональными акторами, заинтересованными в изучении Арктики. Однако, степень сотрудничества с ними должна быть строго регламентирована и оставаться в экономических или научно-исследовательских рамках

В политическом и экономическом плане, внедрение или разработка сберегающих экологию судов за счет инвестиций внерегиональных акторов не может принести выгоду в ближайшее время, но она необходима с точки зрения предотвращения природного загрязнения. В сфере экологии плюсы грамотного использования транспортных и судоходных средств сохранило бы флору и фауну региона, обеспечило чистоту водных ресурсов, безопасность коренных народов Арктической зоны РФ. В ближайшей перспективе частично решить проблему возможно за счет заморозки нерентабельной нефтедобычи, которая даст время на приобретение новых экологически безопасных технологий. В будущем это позволит России сформировать имидж государства, которое заботится о социально-экономическом и экологическом здоровье северных территорий, чем нивелирует опасения арктических партнеров [37] и обеспечит почву для результативного диалога.

Поскольку современные международные отношения динамично усложняются, и создание новых площадок для диалога становится все более сложным, основными сферами выработки всеобщих принципов взаимодействия государств Арктики может стать Арктический совет, который остается единственной международной природоохранной организацией, объединяющей все арктические страны. В этом плане РФ необходимо идти на компромиссы с партнерами для разработки новых правил функционирования АС, которые могли бы сделать его решения юридически обязывающими, решившими вопрос его правосубъектности и проблему возможности населения арктических территорий влиять на происходящие там процессы.

Многостороннее экологическое сотрудничество не исключает двусторонних договоренностей в природоохранной сфере. Созидательная совместная деятельность, несомненно, служит и национальным интересам России, являясь механизмом увеличения и закрепления присутствия Российской Федерации в Арктике и должна стоять на первом месте в концептуальных документах.

Список литературы

1. Арсеньев А. Владимир Путин прислушался к полярным мнениям // Коммерсантъ, 2014. № 97. С.2
2. Горяшко С. Арктика получает отдельный закон и новую госпрограмму // Независимая газета, 15.04.2015. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2709195> (дата обращения: 20.11.2015).
3. Забелло Е. Россию душат опасные отходы // Сайт новостного агентства РБК. 2013. URL: <http://www.rbc.ru/economics/26/04/2013/855808.shtml> (дата обращения: 23.11.2015).
4. ИПП финансирует четыре новых проекта в Арктике // Новости НЕФКО. С. 3.
5. Лейва М. Shell решила приостановить работы на шельфе у берегов Аляски // РБК. 2015. URL: <http://www.rbc.ru/business/28/09/2015/5608e9369a79475dbabd5d13> (дата обращения: 25.11.2015).
6. Макаренко Г. Добрались до Арктики: как Китай собирается освоить Северный морской путь // Сайт РБК. 2015. URL: <http://www.rbc.ru/economics/30/10/2015/563342ca9a794776d49eb0ee> (дата обращения: 25.11.2015).
7. Минприроды: рассмотрение заявки РФ на расширение шельфа в Арктике начнется в феврале-марте // ТАСС. 2015. URL: <http://tass.ru/politika/2404570> (дата обращения: 25.11.2015).
8. Мухин В. Индийские корабли нацелились на Арктику // Независимая газета. 28.04. 2014. URL: http://www.ng.ru/world/2014-04-28/1_india.html (дата обращения: 25.11.2015).
9. Перевозка грузов по Северному морскому пути увеличилась на 31,6% до 3,7 млн тонн в 2014 году// Сайт Морские вести России. 2015. URL: <http://www.morvesti.ru/detail.php?ID=31425> (дата обращения: 23.11.2015).

10. Пилясов А. Эпоха Арктики // Известия. 2013. № 237. С. 2.
11. Подобедова Л. «Газпром нефть» получила рекордную отсрочку по добыче нефти на шельфе// Материалы РБК. URL:<http://www.rbc.ru/business/15/11/2015/5645a9429a7947c868dcadf9>. 2015 (дата обращения: 25.11.2015).
12. Созаев-Гурьев Е. Проблемы климата и терроризма переплелись в Париже // Известия. URL: <http://izvestia.ru/news/597709> (дата обращения: 27.06.2016).
13. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. // Система Консультант.2013 URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142561/ (дата обращения: 27.06.2016).
14. Черненко Е. Россия приоткрыла Арктику //Коммерсантъ.16 мая 2013.
15. Ягья В.С. Харлампыева Н.К., Лагутина М.Л. Арктика – новый регион внешней политики Китая // Вестник Российского Университета Дружбы народов. 2015, т.15, № 1. С. 43–52.
16. Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages. TemaNord. 2014. 567 pp.
17. Bomsdorf C. Greenland Votes for a New Path // The Wall Street Journal. March 14, 2013.
18. Koivurova T. Limits and possibilities of the Arctic Council in a rapidly changing scene of Arctic governance // Polar Record, 2010, 46, pp. 146–156.
19. Myers H. Reviewed Work: Polar Politics: Creating International Environmental Regimes by Oran R. Young, Gail Osherenko // Canadian Journal of Political Science. Vol. 28, No. 2 (Jun., 1995), pp. 392–393.
20. Rivals for the Arctic seabed// Time. 2015, August 17, vol. 186, № 6. P. 7.
21. Strange S. Reviewed Work: Polar Politics: Creating International Environmental Regimes by O.R. Young, G. Osherenko. // The American Political Science Review. Vol. 89, No. 2 (Jun., 1995), pp. 540.
22. Wilson P. Society, steward or security actor? Three visions of the Arctic Council // Cooperation and Conflict 2016, Vol. 51(1), pp. 55–74.
23. Guyal E., Lasserrea F. Commercial shipping in the Arctic: new perspectives, challenges and regulations // Polar Record. Vol.52. № 3 (May 2016), pp. 294–304.

References

1. Arsen'ev A. Vladimir Putin prislushalsya k polyarnym mneniyam [Vladimir Putin listened to the opposite opinions]. *Kommersant*, 2014. no 97. P. 2.
2. Goryashko S. *Arktika poluchaet otdel'nyy zakon i novuyu gosprogrammuy* [Arctic receives a special law and a new government program]. <http://www.kommersant.ru/doc/2709195> (accessed: 20.11.2015).
3. Zabello E. *Rossiyyu dushat opasnye otkhody* [Russia suffered from hazardous waste] <http://www.rbc.ru/economics/26/04/2013/855808.shtml> (accessed: 23.11.2015).
4. IPP finansiruet chetyre novykh proekta v Arktike [The Arctic Council Project Support Instrument (PSI) funded four new projects in the Arctic]. *NEFCO news*. 2014, November. P. 3.
5. Leyva M. *Shell reshila priostanovit' raboty na shel'fe u beregov Alyaski* [Shell decided to freeze work on the Alaska continental shelf]. <http://www.rbc.ru/business/28/09/2015/5608e9369a79475dbabd5d13> (accessed: 25.11.2015).
6. Makarenko G. *Dobralis' do Arktiki: kak Kitay sobiraetsya osvoit' Severnyy morskoy put'* [Got to the Arctic: China is going to develop the Northern Sea Route] <http://www.rbc.ru/economics/30/10/2015/563342ca9a794776d49eb0ee> (accessed: 25.11.2015).
7. *Minprirody: rassmotrenie zayavki RF na rasshirenie shel'fa v Arktike nachnetsya v fevrale-marte* [Ministry of Natural Resources and Environment: Russian application concerning the Arctic shelf will be processed in February / March] <http://tass.ru/politika/2404570> (accessed: 25.11.2015).
8. Mukhin V. *Indiyskie korabli natselilis' na Arktiku* [Indian ships have the Arctic in their sights] http://www.ng.ru/world/2014-04-28/1_india.html (accessed: 25.11.2015).
9. *Perevozka gruzov po Severnomu morskoy puti uvelichilas' na 31,6% do 3,7 mln tonn v 2014 godu* [Cargo transportation by the Northern Sea Route has increased by 31.6% to 3.7 million tonnes in 2014] <http://www.morvesti.ru/detail.php?ID=31425> (accessed: 23.11.2015).

10. Pilyasov A. Epokha Arktiki [The Arctic era]. *Izvestiya*. 2013. no 237. P. 2.
11. Podobedova L. «Gazprom neft'» poluchila rekordnuyu otsrochku po dobyche nefti na shel'fe ['Gazprom Neft' received a record delay in the shelf oil extraction] <http://www.rbc.ru/business/15/11/2015/5645a9429a7947c868dcadf9>. 2015. (accessed: 25.11.2015).
12. Sozaev-Gur'ev E. *Problemy klimata i terrorizma pereplelis'v Parizhe* [Climate and terrorism hazards intertwined in Paris]. <http://izvestia.ru/news/597709> (accessed: 27. 06. 2016).
13. *Strategiya razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii i obespecheniya natsional'noy bezopasnosti na period do 2020 goda* [Strategy for Developing the Arctic Zone of the Russian Federation to 2020]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142561/ (accessed: 27.06.2016).
14. Chernenko E. Rossiya priotkryla Arktiku [Russia ajared the Arctic]. *Kommer-sant*. May, 16, 2013.
15. Yag'ya V.S. Kharlamp'eva N.K., Lagutina M.L. Arktika – novyy region vneshney politiki Kitaya [Arctic – a new region of China's foreign policy]. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby narodov*. 2015, t.15, № 1, pp. 43–52.
16. Arctic Human Development Report. Regional Processes and Global Linkages. TemaNord. 2014 – 567 pp.
17. Bomsdorf C. Greenland Votes for a New Path. *The Wall Street Journal*. March 14, 2013.
18. Koivurova T. Limits and possibilities of the Arctic Council in a rapidly changing scene of Arctic governance. *Polar Record*, 2010, 46, pp. 146–156.
19. Myers H. Reviewed Work: Polar Politics: Creating International Environmental Regimes by Oran R. Young, Gail Osherenko. *Canadian Journal of Political Science*. Vol. 28, No. 2 (Jun., 1995), pp. 392–393.
20. Rivals for the Arctic seabed. *Time*. 2015, August 17, vol. 186, № 6. P. 7.
21. Strange S. Reviewed Work: Polar Politics: Creating International Environmental Regimes by O.R. Young, G. Osherenko. *The American Political Science Review*. Vol. 89, No. 2 (Jun., 1995). P. 540.
22. Wilson Page. Society, steward or security actor? Three visions of the Arctic Council. *Cooperation and Conflict* 2016, Vol. 51(1), pp. 55–74.

23. Guyal E., Lasserrea F. Commercial shipping in the Arctic: new perspectives, challenges and regulations. *Polar Record*. Vol.52. № 3 (May 2016), pp. 294–304.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ягья Ватаняр Саидович, профессор кафедры мировой политики, доктор исторических наук

Санкт-Петербургский Государственный Университет

ул. Смольного, 1/3, г. Санкт-Петербург, 191060, Российская Федерация

kafedramp@bk.ru

Сбойчакова Анастасия Вячеславовна, аспирант кафедры мировой политики

Санкт-Петербургский Государственный Университет

ул. Смольного, 1/3, г. Санкт-Петербург, 191060, Российская Федерация

Sboichakova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Yagya Vatanyar Saidovich, Professor Department of World Politics, Doctor of History

Saint-Petersburg State University

1/3, Smol'nogo Str., Saint-Petersburg, 191060, Russian Federation

kafedramp@bk.ru

SPIN-code: 17955938

ORCID: 0000-0002-1149-2157

Researcher ID: N-9264-2013

Scopus Author ID: 6506194493

Sboychakova Anastasiia Vyacheslavovna, Postgraduate Student

Saint-Petersburg State University

1/3, Smol'nogo Str., Saint-Petersburg, 191060, Russian Federation

Sboichakova@mail.ru

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-4-122-138

УДК 338.24

МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КЛАСТЕРА В РЕГИОНЕ

Антипова О.В., Киселева О.В.

Современное профессиональное образование должно строиться на основе эффективного взаимодействия государства и бизнеса. Такой вариант сотрудничества создает реальные возможности гармонизации экономических интересов всех субъектов государственно-частного партнерства в сфере подготовки специалистов, которые отвечали бы актуальным, динамично меняющимся требованиям рынка. Государство более рационально использует ограниченные бюджетные средства, компании получают специалистов со сформированным набором необходимых им компетенций, минимизируют потери адаптационного периода, образовательные учреждения реализуют инновационные программы подготовки под конкретные потребности бизнеса. В статье обоснована необходимость создания научно-образовательных кластеров в регионе, как формы развития государственно-частного партнерства. Изучены возможности интеграции образования, науки и производства. Рассмотрены показатели, характеризующие работу территориального научно-образовательного кластера, на основе которых предложена модель оценки его эффективности. Полученные

результаты дают представление о степени продуктивности работы научно-образовательного кластера ПАО «Татнефть» по основным направлениям деятельности.

Цель – разработка методики уровня интеграции научно-образовательного кластера (на примере научно-образовательного кластера по подготовке кадров для ПАО «Татнефть»).

Метод или методология проведения работы: в статье использовались экономико-математические методы и статистические методы анализа.

Результаты: получены значения ряда показателей, характеризующих и подтверждающих практическую целесообразность реализации программ государственно-частного партнерства в сфере подготовки квалифицированных специалистов посредством создания научно-образовательного кластера на территории присутствия якорной компании.

Область применения результатов: полученные результаты служат практической основой для разработки государственной экономической политики в сфере подготовки кадров с учетом региональной специфики в кратко- и среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: *Государственно-частное партнерство; кластеризация; научно-образовательные кластеры; синергетический эффект; уровень интеграции.*

THE MODEL OF EVALUATION OF SCIENTIFIC-EDUCATIONAL CLUSTER IN THE REGION

Antipova O.V., Kiseleva O.V.

Modern professional education should be formed on the basis of efficient interaction of government and business. Such type of interaction creates real conditions of harmonization of economic interests of all the subjects of pub-

lic-private partnership in the field of training the specialists who would meet actual and sharply changing market requirements. The state uses more efficiently limited budget funds, the companies get specialists with the developed base of all necessary competences, minimize the lost of adaptation period, educational institutions realize innovative training programs aimed at certain business requirements. The need of creating of scientific-educational clusters in the region as the form of public-private partnership development is justified in the article. The possibilities of education, science and production integration have been studied. There have been studied the indicators characterizing the operation of the territorial scientific-educational cluster on their basis the model of its efficiency evaluation was suggested. The obtained results give us the idea of the efficiency level of the scientific-educational cluster by PSC «Tatneft» on principal fields of activity.

The purpose – development of a technique of level of integration of a scientific and educational cluster (on the example of a scientific and educational cluster on training for PJSC Tatneft).

The method and methodology of carrying out the work: economic-mathematical and statistical methods of analyses were used in the article.

Results: there were obtained a number of indicator values characterizing and confirming practical efficiency of realizing the programs of public-private partnership in the field of training qualified specialists by means of scientific-educational cluster creation on the territory of anchored company.

Fields of results' application: the obtained results are a practical basis for state economic policy development in the sphere of staff training with account of regional specificity in a short-term and mid-term perspective.

Keywords: *Public-private partnership; clustering; scientific-educational clusters; synergetic effect; integration level.*

Развитие технологии, логистики, транспорта, передача информации и движение финансовых потоков – их ускорение и удешевление привело к

тому, что основными факторами в удержание конкурентных преимуществ предприятия становятся не только инновации, но построение таких взаимосвязей, которые обеспечивают создание сетевых структур – кластеров.

Кластеры – агломерация компаний – производителей, поставщиков товаров и услуг, научно-исследовательских учреждений, правительственных агентов, и т.д. на конкретном экономическом пространстве являются показателями промышленной специализации данного региона или страны [9].

Одним из ключевых факторов успеха для развития кластеров является наличие рабочих связей и координации усилий между компанией, ВУЗом, учреждениями средне-специального образования в рамках сотрудничества при реализации совместных НИОКР и образовательных программ.

В современных условиях значимым фактором повышения уровня конкурентоспособности отечественной экономики становится тесное взаимодействие образовательных учреждений, предпринимательских структур и государства. В результате создания такого альянса, одной из форм проявления которого является государственно-частное партнерство (ГЧП), решаются не только институциональные, организационные и стратегические задачи, но и реализуются общественно значимые проекты в различных сферах деятельности. Это создает возможности более эффективного решения проблем не только аккумуляции, но и распределения ограниченных ресурсов на микро- и макроуровнях, а также адекватного распределения ответственности и коммерческих рисков между основными участниками рыночных отношений.

На рис. 1 представлена схема взаимодействия государства и бизнеса в рамках ГЧП [2, с. 3].

Такая форма сотрудничества дает возможность решить проблемы как в сосредоточение, обеспечение, так и распределение ресурсов на макро- и микроуровнях, а также распределение уровня ответственности и коммерческих рисков.

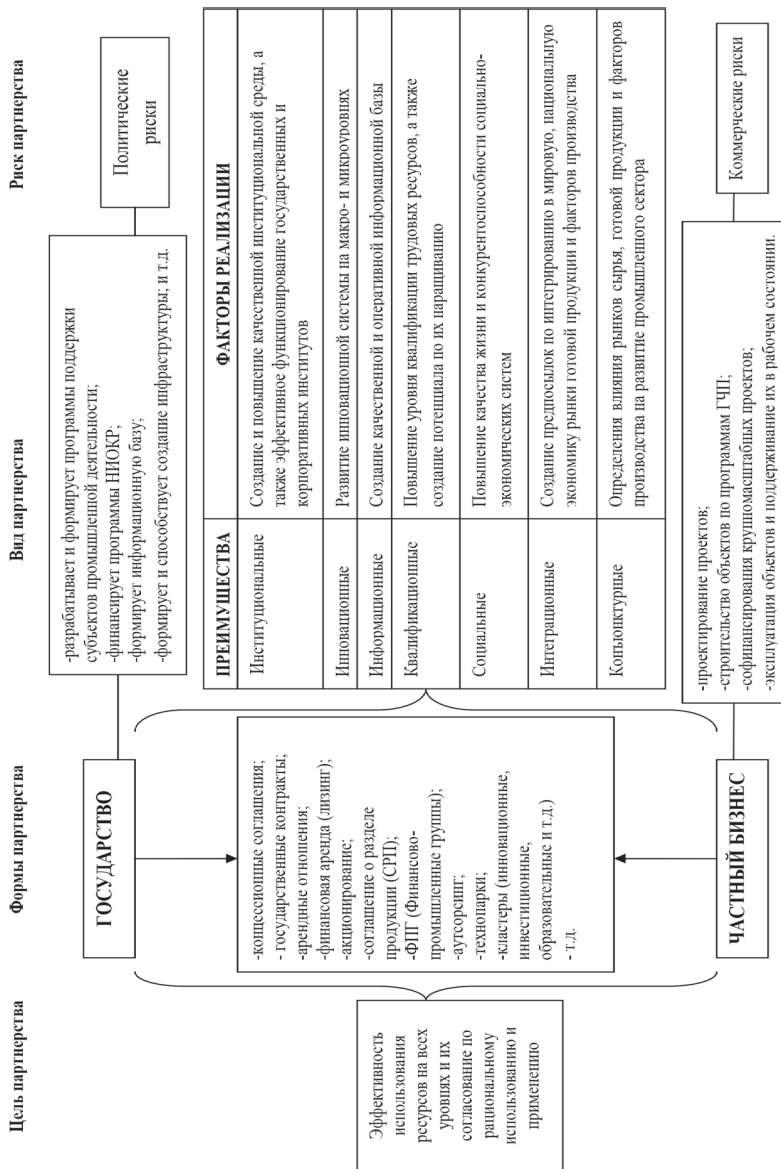

Рис. 1. Взаимодействие государства и бизнеса в ГЧП

Использование различных форм государственно-частного партнерства позволяет решить широкий спектр задач [13]:

- реализовать масштабные проекты с существенным операционным риском;
- привлечь крупные инвестиции, масштаб которых не всегда может быть обеспечен бюджетными возможностями государства;
- повысить эффективность комплексного развития отдельных территорий и регионов;
- повлиять на качество жизни населения и т.д.

Таким образом, государственно-частное партнерство – эффективный инструмент, обеспечивающий рост национальной экономики и способствующий ее комплексному развитию.

Одним из вариантов ГЧП в регионах является создание территориальных научно-образовательных кластеров, которые будут способствовать построению сотрудничества между учебными заведениями, научными организациями, бизнесом и государственной властью.

Территориальная близость образовательных учреждений высшего и средне-специального образования, научно-исследовательских организаций, хозяйствующих субъектов в лице крупных производственных объединений холдингового типа и муниципальных органов власти обеспечивает построение таких горизонтальных и вертикальных связей между ними, которые делают возможным создание научно-образовательного кластера нового типа, системообразующим элементом которого, является крупная компания этой территории. Именно ее интересы в удовлетворении потребностей в специалистах различного функционального назначения и будут реализованы посредством деятельности НОК с определяющей ролью бизнеса в нем.

Одним из пионерных регионов в направлении интеграции научно-образовательных и бизнес-структур является Татарстан. Всего в республике функционирует 8 научно-образовательных кластеров на базе крупных федеральных вузов, в том числе Казанского (Приволжского) государ-

ственного университета, Казанского национального исследовательского технологического университета и других, где им принадлежит определяющая роль. Одним из последних в 2013 году был создан НОК ПАО «Татнефть им. В.Д. Шашина», в котором такая же определяющая роль отведена крупному бизнесу, что принципиально отличает этот кластер от всех уже существующих.

В отраслевом профессионально-образовательном кластере регулирующая функция отводится Министерству экономики и промышленности РТ, которое, совместно с Министерством труда и занятости Республики Татарстан, проводит мониторинг республиканского рынка труда и определяет текущую и прогнозную (до 10 лет) потребность отрасли в кадрах. Специфическими чертами государственно-частного партнерства в кластере данного вида являются:

- взаимоотношения сторон должны носить партнерский, равноправный характер;
- стороны государственно-частного партнерства должны иметь общие цели и работать, в первую очередь, на реализацию государственного интереса, объединяя свои усилия;
- взаимоотношения сторон государственно-частного партнерства должны быть зафиксированы в официальных документах (договорах, контрактах и других);
- стороны государственно-частного партнерства должны распределять между собой расходы и риски, а также участвовать в использовании полученных результатов [12].

Научно-образовательный кластер создает дополнительные конкурентные преимущества для региона, его наличие опосредованно влияет на уровень жизни, так как в значительной степени определяет способность региональных предприятий и компаний повышать уровень производительности труда, управлять ею, фиксируя позитивную динамику.

Участники научно-образовательного кластера получают дополнительные конкурентные преимущества посредством того, что кластеры:

- повышают производительность как в образовательных структурах, в частности, в подготовке специалистов, так и на производственном предприятии, экономя время и финансовые ресурсы на их подготовку и последующую адаптацию;
- создают возможности для инновационного и производственного роста всех его участников, производя конкурентоспособный продукт, отвечающий потребностям рынка;
- стимулируют и облегчают формирование новых форм сотрудничества.

Совместно со специалистами ПАО «Татнефть», центра подготовки кадров (ЦПК) ПАО «Татнефть», Альметьевского государственного нефтяного института, Лениногорского нефтяного техникума, Альметьевского политехнического техникума были разработаны показатели, по которым оценивается результативность работы всех участников НОК и уровень их взаимодействия. Количественной оценкой определения эффективности работы научно-образовательного кластера ПАО «Татнефть» и уровня интегрированности его участников нами была предложена методика, в основе которой лежат четыре направления деятельности НОК, отражающие ключевые показатели и характеристики их основных параметров, они представлены в таблице 1:

- образовательная деятельность – показанная деятельностью ВПО и СПО по привлечению и последующей стажировке учащихся и студентов на предприятия, входящие в кластер, а также уровень взаимодействия образовательных программ с потребностями производственной структуры кластера;
- научно-исследовательская деятельность – демонстрирует интегрированность образовательной и производственной структуры, показывая общую картину относительно совместных научных проектов и финансирования научно-исследовательской базы образовательной структуры;
- финансово-экономическая деятельность – представляет уровень финансирования образовательных программ по подготовки специ-

алистов как со стороны якорной компании, так со стороны государства;

- трудоустройство – характеризуют отдачу относительно финансирования всей научно-образовательной системы кластеры через определения доли выпускников, задействованных в компании кластера и работающие по специальности.

Таблица 1.

**Показатели эффективности деятельности
научно-образовательного кластера**

№ п/п	Наименование показателя	Значение показателя
1	Образовательная деятельность	
1.1	Доля учащихся и студентов организаций кластера, обучающихся по образовательным программам, в реализации которых участвуют ведущие работодатели отрасли (включая организацию учебной и производственной практики, предоставление оборудования и материалов, участие в разработке образовательных программ и оценке результатов их освоения, проведении учебных занятий), в общей численности учащихся и студентов организаций кластера	1,00
1.2	Доля учащихся, студентов и слушателей организаций профессионального образования кластера, прошедших практику или стажировку на предприятиях, в общем числе учащихся, студентов и слушателей организаций профессионального образования кластера	1,00
1.3	Доля программ профессионального образования из общего числа специальных дисциплин, разработанных или доработанных и внедренных совместно с ведущими работодателями, по которым проводится обучение организациями профессионального образования кластера	0,90
1.4	Доля учащихся, студентов и слушателей организаций профессионального образования кластера, обучающиеся на условиях целевого соглашения с предприятием, в общем числе учащихся, студентов и слушателей организаций профессионального образования кластера	0,10

Окончание табл. 1.

2	Научно-исследовательская деятельность	
2.1	Доля педагогических и руководящих работников ВП, СП, НП, прошедших стажировку на предприятиях, в том числе за рубежом, в общем числе педагогических и руководящих работников НПО, СПО, ВПО	0,25
2.2	Доля педагогических и руководящих работников ВПО, СПО, НПО, прошедших повышение квалификации за счет предприятий кластера, в общем числе педагогических и руководящих работников НПО, СПО, ВПО	0,30
2.3	Доля выполненных НИР на договорной основе по заказу предприятий кластера из общего объема работ	0,60
2.4	Доля выполненных НИР из бюджетных источников финансирования	0,40
3	Финансово-экономическая деятельность	
3.1	Доля финансирования из бюджетных источников	0,80
3.2	Доля финансирования из внебюджетных источников	0,20
3.3	Доля финансирования за обучающихся на условиях целевого соглашения с предприятием, в общем числе учащихся, студентов и слушателей организаций профессионального образования кластера	0,04
3.4	Доля обучающихся по программам НПО, СПО и профессиональной подготовки на условиях софинансирования за счет средств работодателей отрасли, в общем числе обучающихся	0,20
4	Трудоустройство	
4.1.	Доля выпускников дневной (очной) формы обучения по основным образовательным программам профессионального образования государственных и негосударственных образовательных организаций СПО и ВПО кластера, трудоустроившихся по специальности не позднее завершения первого года после выпуска	0,90
4.2.	Доля мест в организациях профессионального образования кластера, обеспеченных соглашениями о трудоустройстве	1,00
4.3.	Доля выпускников дневной (очной) формы обучения по основным образовательным программам профессионального образования государственных и негосударственных образовательных организаций СПО и ВПО кластера, трудоустроившихся по специальности на предприятия кластера не позднее завершения первого года после выпуска	0,40
	Показатель интеграции кластера	0,55

Оценка степени интегрированности участников кластера определяется влиянием на этот процесс ряда показателей, приведенных в таблице, и может быть представлена моделью с определением значения доли каждого из них. Основная проблема комплексного анализа влияния различных групп показателей на текущие и конечные результаты работы кластера связана со сложностью определения точного количественного значения доли каждой из названных групп.

В настоящем исследовании использован метод экспертных оценок, позволяющий объединить в комплексный показатель параметры, имеющие различные единицы измерения, путем назначения балльных оценок экспертами и ранжировать их по степени влияния на результаты работы кластера.

В таблице 1 представлено значение показателей, которое является, на наш взгляд, оптимальным, и характеризует эффективность интегрированности производства и образования в рамках конкретного проекта ГЧП.

Показатели разделены на 4 группы, что дает возможность рассмотреть уровень реализации каждого из них в рамках ГЧП, определить сильные и слабые стороны взаимодействия между всеми участниками с целью дальнейшего его совершенствования, и разработать конкретные кластерные проекты и программы, позволяющие решать выявляемые проблемы.

Показателем, позволяющим оценить уровень интегрированности кластера, является коэффициент интеграции, показывающий степень структурного единства элементов научно-образовательного кластера, рассчитываемый по формуле:

$$\text{Уровень интеграции кластера} = \frac{\sum_{i=1}^n \text{Доля оцениваемого показателя}}{N \text{ (число показателей оценки)}} \quad (1)$$

Слишком высокая интегрированность отрицательно сказывается на жизнеспособности кластера – значительно больше, чем недостаточная, поэтому оптимальный показатель интеграции равен 0,5–0,6. На основе данных, приведенных в таблице 1, произведем оценку эффективности деятельности научно-образовательного кластера ПАО «Татнефть» в 2015 г.

Таблица 2.

**Оценка эффективности деятельности
научно-образовательного кластера ПАО «Татнефть» в 2015 г.**

Показатели	Показатели работы кластера	Оптимальные показатели работы
Образовательная деятельность	0,84	0,75
Финансово-экономическая деятельность	0,28	0,31
Научно-исследовательская деятельность	0,32	0,39
Трудоустройство	0,70	0,77
Итого (среднее значение)	0,53	0,55

На 2015 г. показатель уровня интегрированности кластера составляет 0,53. Используя данные таблицы 2, построим лепестковую диаграмму для визуализации полученного результата и установления интервалов применимости по нескольким параметрами. Диаграмма дает наглядное представление о том, какова степень совпадения исследуемых параметров эффективности работы кластера с оптимальными, эталонными значениями.

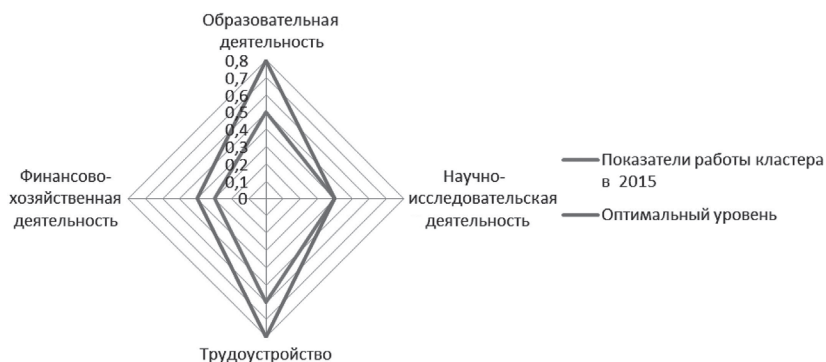

Рис. 1. Показатели работы научно-образовательного кластера по подготовке кадров для нефтегазового комплекса Республики Татарстан в 2015г.

Таким образом, построенная модель формирует представление не только о достаточно высоких промежуточных результатах работы научно-об-

разовательного кластера, но и задает вектор его перспективного развития, определяя сильные и слабые стороны взаимодействия участников ГЧП.

Анализируя деятельность нефтяного сектора в отечественной экономике, нельзя не отметить, что данная отрасль промышленности исполняет доминирующую роль в формировании и наполнении, как федерального бюджета, так и бюджетов регионов, что обеспечивает для них возможность реализации различных программ социально-экономического развития.

Очевидно, создание региональных научно-образовательных кластеров способствует более полному использованию ресурсного потенциала компании и региона, обеспечивает реализацию мероприятий по снижению затрат и повышению эффективности производственного процесса посредством целенаправленной подготовки кадров, что способствуют росту конкурентоспособности не только якорной компании кластера, но региона и страны в целом.

Список литературы

1. Антипова О.В., Киселева О.В. Формирование и развитие производственно-образовательных кластеров в регионе // Экономика и предпринимательство. 2016. №2-1(67-1). С. 402–405.
2. Антипова О.В., Киселева О.В. Формирование образовательных кластеров региона // Государственно-частное партнерство как фактор устойчивого развития экономики: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. М.: АТиСО, 2015. С. 1–6.
3. Антипова О.В. Преимущества создания региональных кластеров: Материалы научной сессии ученых Альметьевского государственного нефтяного института. 2015. № 2. Т. 1. С. 225–227.
4. Антипова О.В. Кластер как механизм создания конкурентных преимуществ страны и региона // Материалы научной сессии ученых Альметьевского государственного нефтяного института. 2014. № 2. Т. 1. С. 180–183.
5. Арасланова А.А. Интеграция высшего образования и производства // Ярославский педагогический вестник. 2014. №1. Том 2. С. 78–83.

6. Балашов А.И. Формирование инновационных фармацевтических кластеров в Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. №13. С. 29–35.
7. Баранова А.Ю. Формирование финансового механизма в научно-образовательном кластере // Проблемы современной экономики. 2014. №4(52). С. 371–375.
8. Касьянова В.Е. Научно-образовательный кластер как инструмент инновационного развития экономики региона // Вестник кубанского института международного предпринимательства и менеджмента. 2013. №2 (18). С. 73–76.
9. Кетелс К. Кластерное развитие – выбор победителей или всеобщее конкурентное равенство // Стратегия и конкурентоспособность. 2005. № 1. С. 90.
10. Кирьянов И.В. Моделирование высоко-интегрированных корпораций: от неоклассики к институционализму // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2014. №4. С. 171–187.
11. Киселева О.В. Научно-образовательный кластер как элемент образовательной инфраструктуры // Инновационное развитие общества в период модернизации: экономические, социальные, философские, политические, правовые закономерности и тенденции материалы Международной научно-практической конференции. 2014. С. 50–51.
12. Кнауэ В.В. Управление развитием государственно-частного партнерства: автореф. диссертации ... кандидата экономических наук: 08.00.05. Москва, 2008. 25 с.
13. Курбанов А.Х., Плотников В.А. Государственно-частное партнерство и аутсорсинг: сравнительный анализ структуры и характера отношений // В мире научных открытий. 2013. №4. С.33-47.
14. Лаптева С.В., Козлов А.В., Шемшурина С.А., Егоренков Д.А. Разработка механизмов государственно-частного партнерства образовательного учреждения с предприятиями нефтегазовой отрасли // Школа будущего. 2014. №6. С. 27–31.
15. Миндлин Ю.Б. Кластеры: анализ экономико-организационной природы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2015. №3–4. С. 31–34.

16. Овсиенко Л.В., Зимина И.В., Клинцова Н.Н., Мюллер Ф. Сетевое взаимодействие в рамках социального партнерства, реализуемого научно-образовательным кластером // Высшее образование в России. 2013. №12. С. 55–59.
17. Петрук Г.В. Клещева Н.А. Партнерство как эффективный инструмент подготовки специалистов для регионального рынка труда // Политика и общество. 2015. №9. С. 1222–1230.
18. Тихомирова Н.В., Феклистов И.Ф. Особенности управления ресурсным потенциалом научно-образовательного кластера в условиях рыночной экономики // Проблемы современной экономики. 2013. №2 (46). С. 296–298.

References

1. Antipova O.V., Kiseleva O.V. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2016. №2-1(67-1), pp. 402–405.
2. Antipova O. V., Kiselyov O. V. Formirovanie obrazovatel'nykh klasterov regiona [Forming of educational clusters of the region]. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo kak faktor ustoychivogo razvitiya ekonomiki: sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Public-private partnership as factor of a sustainable development of economy: the collection of articles on materials of the International scientific and practical conference]. Moscow: ATISO, 2015, pp. 1–6.
3. Antipova O.V. *Preimushchestva sozdaniya regional'nykh klasterov: Materialy nauchnoy sessii uchenykh Al'met'evskogo gosudarstvennogo neftyanogo institute* [Benefits of creating regional clusters: Proceedings of the session, scientists Almeteyevsk State Oil Institute]. 2015. №2. V. 1, pp. 225–227.
4. Antipova O.V. *Klaster kak mekhanizm sozdaniya konkurentnykh preimushchestv strany i regiona: Materialy nauchnoy sessii uchenykh Al'met'evskogo gosudarstvennogo neftyanogo institute* [Cluster as a mechanism for the creation of competitive advantages of the country and the region : Proceedings of the scientific session the scientists Almeteyevsk State Petroleum Institute]. 2014. №2. V. 1, pp. 180–183.
5. Araslanova A.A. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2014. №1. V. 2, pp. 78–83.

6. Balashov A.I. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and safety]. 2011. No. 13, pp. 29–35.
7. Baranova A. Yu. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 2014. №4(52), pp. 371–375.
8. Kas'yanova V.E. *Vestnik kubanskogo instituta mezhdunarodnogo predprinimatel'stva i menedzhmenta*. 2013. №2 (18), pp.73–76.
9. Cetels C. *Strategiya i konkurentosposobnost'* [Strategy and competitiveness]. 2005. No. 1. P. 90.
10. Kiryanov I.V. Modelirovanie vysoko-integrirovannykh korporatsiy: ot neoklassiki k institutsionalizmu [Modeling is high – the integrated corporations: from neoclassics to institutionalism]. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskyy menedzhment*. 2014. No. 4, pp. 171–187.
11. Kiseleva O.V. *Innovatsionnoe razvitie obshchestva v period modernizatsii: ekonomicheskie, sotsial'nye, filosofskie, politicheskie, pravovye zakonomernosti i tendentsii materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Innovatsionnoe razvitie obshchestva v period modernizatsii: ekonomicheskie, sotsial'nye, filosofskie, politicheskie, pravovye zakonomernosti i tendentsii materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii]. 2014, pp. 50–51.
12. Knaus V.V. *Upravlenie razvitiem gosudarstvenno-chastnogo partnerstva* [Managing the development of public-private partnership]. Moscow, 2008. 25 p.
13. Kurbanov A.Kh. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the world of discoveries]. 2013. No. 4, pp. 33–47.
14. Lapteva S.V., Kozlov A.V., Shemshurina S.A., Egorenkov D.A. *Shkola budushchego*. 2014. №6, pp. 27–31.
15. Mindlin Yu.B. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo* [Modern science: actual problems of the theory and practice]. 2015. No. 3–4, pp. 31–34.
16. Ovsienko L.V., Zimina I.V., Klintsova N.N., Myuller F. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2013. №12, pp. 55–59.
17. Petruk G.V. Kleshcheva N.A. *Politika i obshchestvo*. 2015. №9, pp. 1222–1230.

18. Tikhomirova N.V., Feklistov I.F. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 2013. № 2 (46), pp. 296–298.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Антипова Ольга Валерьевна, доцент кафедры менеджмента, кандидат экономических наук

Альметьевский государственный нефтяной институт

ул. Ленина, 2, г. Альметьевск, Татарстан, 423450, Российская Федерация

antipova01@yandex.ru

Киселева Ольга Владимировна, доцент кафедры менеджмента, кандидат экономических наук

Альметьевский государственный нефтяной институт

ул. Ленина, 2, г. Альметьевск, Татарстан, 423450, Российская Федерация

kiseleva.ov@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Antipova Olga Valerevna, Management Department, Candidate of Economics, Associated Professor

Almetyevsk State Oil Institute

2, Lenin Str., Almetyevsk, Tatarstan, 423450, Russian Federation

antipova01@yandex.ru

SPIN-code: 7854-7523

Kiseleva Olga Vladimirovna, Management Department, candidate of economics, associated professor

Almetyevsk State Oil Institute

2, Lenin Str., Almetyevsk, Tatarstan, 423450, Russian Federation

kiseleva.ov@rambler.ru

SPIN-code: 8597-9341

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-4-139-154

УДК 330.46: 65.011.56

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УПРАВЛЕНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ ВУЗА

Горнева Е.А., Морозова Е.И., Погонишева Д.А.

В настоящее время вузы вынуждены осуществлять свою деятельность в условиях динамического развития культурно-образовательного пространства, характеризующегося неопределенностью и неоднозначностью бизнес-процессов, связанных с передачей и воспроизводством знаний. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема формирования и эффективного управления интеллектуальными ресурсами и интеллектуальным потенциалом не только на уровне отдельной личности, но и социально-экономической системы в целом.

Следует отметить, что процесс управления знаниями сложен и характеризуется рядом противоречий, обусловленных свойствами интеллектуальных ресурсов. Так, с одной стороны, знания независимы от пространства и неисчерпаемы по мере использования любым количеством потребителей, а изобилие знаний несколько не снижает их ценности. С другой стороны, они быстро устаревают, а потому должны иметь опережающий характер. Кроме того, они не поддаются числовой оценке, нематериальны и нуждаются в объективизации. Вместе с тем, именно информация, знания и образование как особый вид экономических ресурсов обеспечивают формирование интеллектуальных активов общества, являющихся катализатором его дальнейшего развития.

Основная миссия современного университета – воспроизводство интеллектуальных ресурсов и интеллектуального потенциала. Разнообразные стратегии управления интеллектуальным потенциалом, используе-

мые в вузах, не ограничиваются развитием компетенций сотрудников путем корпоративного обучения или оптимизацией организационной структуры образовательных учреждений с учетом особенностей информационного взаимодействия их подразделений с внешней средой, а предлагают более широкий перечень мероприятий по совершенствованию процесса накопления, обновления и распространения знаний. Однако, все они требуют использования эффективных инструментов мониторинга результативности реализуемой стратегии как в разрезе достижения определенных показателей обеспеченности вуза интеллектуальными ресурсами (коэффициенты обеспеченности интеллектуальными активами, интеллектуальными продуктами и пр.), уровня его интеллектуального потенциала (показатели интеллектуального потенциала сотрудников учреждения, интеллектуального материального обеспечения, интеллектуального научно-технического потенциала, интеллектуальной информационной базы и прочие показатели), так и в вопросах оценки актуальности составляющих их знаний с целью обновления на качественно новом уровне.

Цель: провести анализ подходов к управлению интеллектуальным потенциалом вуза, разработать теоретическую модель рассматриваемого бизнес-процесса и ее информационно-аналитическое обеспечение.

Методы: системный подход, основанный на общенаучных методах эмпирического и теоретического исследования, среди которых: сравнение, анализ, синтез, моделирование; природосообразный подход, согласно которому управление социально-экономическими системами базируется на принципах технологичности, опережающего развития, обеспечения равно-качественности систем, мотивации раскрытия и актуализации внутреннего потенциала, максимального использования возможностей окружающей среды, внутренней принадлежности управляющей системы управляемой, генемичности.

Результаты: систематизированы основные стратегии управления интеллектуальным потенциалом вуза, описана методика управления процес-

сом наращивания интеллектуального потенциала в вузе на основе информационных систем поддержки принятия решений, а также алгоритмы и инструментально-аналитическое обеспечение ее реализации.

Область применения результатов: разработанная авторами настоящей статьи методика и ее информационно-аналитическое обеспечение может быть реализовано руководителями высших учебных заведений при анализе конкурентных позиций на рынке образовательных услуг, при оценке достижения вузом ряда ключевых показателей эффективности его деятельности (в частности, обеспеченности интеллектуальными ресурсами и уровня развития интеллектуального потенциала вуза).

Ключевые слова: *знания; интеллектуальные ресурсы; интеллектуальный потенциал; высшее образование; управление; системы поддержки принятия решений.*

INFORMATION SYSTEMS OF SUPPORT OF DECISION-MAKING IN MANAGEMENT OF INTELLECTUAL POTENTIAL OF UNIVERSITY

Gorneva E.A., Morozova E.I., Pogonysheva D.A.

Now higher education institutions are forced to perform the activities in the conditions of dynamic development of the cultural and educational space which is characterized by uncertainty and ambiguity of the business processes connected with transfer and reproduction of knowledge. In these conditions special relevance is acquired by a problem of forming and effective management of intellectual resources and intellectual potential not only at the level of the individual, but also social and economic system in general.

It should be noted that the knowledge management process is difficult and is characterized by a number of the contradictions caused by properties of intellectual resources. So, on the one hand, knowledge is independent of space and is inexhaustible in process of use by any number of consumers, and abun-

dance of knowledge does not reduce their value at all. On the other hand, they quickly become outdated, and therefore shall have the advancing nature. Besides, they do not give in to a numerical assessment, are non-material and need objectification. At the same time, information, knowledge and education as a special type of economic resources provide forming of the knowledge assets of society which are the catalyst of its further development.

The main mission of modern university – reproduction of intellectual resources and intellectual potential. The various strategy of management of intellectual potential used in higher education institutions are not limited to development of employee competences by corporate training or optimization of organizational structure of educational institutions taking into account features of information exchange of their divisions with external environment, and offer wider list of actions for enhancement of process of accumulating, updating and dissemination of knowledge. However, all of them require use of effective instruments of monitoring of productivity of implementable strategy as by achievement of certain indicators of security of higher education institution with intellectual resources (coefficients of security with knowledge assets, intellectual products and so forth) the level of its intellectual potential (indicators of intellectual potential of staff of organization, intellectual material security, intellectual scientific and technical potential, intellectual information base and other indicators), and in questions of an assessment of relevance of the knowledge constituting them for the purpose of updating at qualitatively new level.

Purpose: to carry out the analysis of approaches to management of intellectual potential of higher education institution, to develop theoretical model of the considered business process and its information and analytical providing.

Methods: the system approach based on general scientific methods of empirical and theoretical research, among which: comparison, analysis, synthesis, modeling; nature corresponding approach according to which management of social and economic systems is based on the principles of technological effectiveness, the advancing development, providing a ravnokachestvennost of systems, motivations of disclosure and updating of internal potential,

the maximum use of opportunities of environment, internal accessory of the managing system managed of a genemichnost.

Results: the main strategy of management of intellectual potential of higher education institution are systematized, the control technique by process of building-up of intellectual potential in higher education institution on the basis of information systems of decision support, and also algorithms and tool and analytical ensuring its implementation is described.

Scope of results: the technique developed by authors of this article and its information and analytical providing can be realized by heads of higher educational institutions in the analysis of competitive line items in education market, in case of an assessment of achievement by higher education institution of a number of key performance indicators of its activities (in particular, security with intellectual resources and a level of development of intellectual potential of higher education institution).

Keywords: *knowledge; intellectual resources; intellectual potential; the higher education; management; systems of support of decision-making.*

В современных условиях имидж учреждения высшего образования помимо высокого качества образовательных услуг определяется также его способностью к системной и целенаправленной инновационной деятельности, обеспечивающей коммерциализацию новшеств технологического, организационного и научно-методического характера. Инновационная деятельность является, по сути, «процессом создания и использования новых знаний, позволяющих компаниям повышать конкурентоспособность и экономическую эффективность» [8]. Знания же, в свою очередь, могут рассматриваться как «экономически значимые интеллектуальные ресурсы», которым присущи следующие свойства:

- знания и информация независимы от пространства, не теряют своего качества и не убывают по мере их использования, в том числе многократного, хотя и передаются в силу своей природы безвозвратно. Однако, они могут иметь ценность только в определенный

период, в связи с этим их продуцирование должно носить опережающий характер;

- на издержки производства знаний и информации не влияет число потенциальных потребителей;
- изобилие знаний и информации как блага не снижает их ценности, которая не поддается предварительной статистической или бухгалтерской оценке;
- знания и информация нематериальны и нуждаются в объективизации (должны быть представлены в письменной, печатной, графической, вербальной или иной символической форме) [1; 8, с. 4–5; 11; 14, с. 224].

Интеллектуальные ресурсы (информация, знания, образование) в процессе их использования обеспечивают формирование интеллектуальных активов – «различных объектов интеллектуальной собственности, продуктов интеллектуальной деятельности, других результатов творческой деятельности, которые субъекты используют в хозяйственной деятельности и получают от этого доход (интеллектуальную ренту)» [14, с. 224]. В.К. Левашов, рассматривая процесс накопления корпоративных знаний, склонен оперировать понятием интеллектуального потенциала. Данная дефиниция трактуется им как «совокупность человеческих, материальных и финансовых ресурсов, которые задействованы в двух тесно связанных между собой ключевых областях интеллектуальной жизни общества – науке и образовании и измеренная величина которых показывает созданную и накопленную в обществе способность к творческому созданию новых знаний, технологий продуктов» [13, с. 19].

Б.З. Мильнер указывает, что «организации обычно используют такие виды знаний, как профессиональный опыт работников, индивидуальное понимание и практика, творческие решения и др. Они должны создать «спираль знаний», где неявные знания необходимо выявлять и распространять, чтобы они стали частью каждой индивидуализированной базы знаний» [15]. Управление такими знаниями, составляющими основу ин-

теллектуального потенциала организации, – «глубокий и комплексный процесс, тесно связанный с личностными характеристиками людей, с уровнем и характером развития отношений между ними» [9]. Как отмечают исследователи, «от типа знаний (процедурные, декларативные, эпизодические, эвристические, метазнания) зависят методы их выявления, фиксации, определения их ценности, распространения и использования» [11]. В социально-экономических системах, к которым относятся учреждения высшего образования, управление всеми перечисленными процессами осложняется:

а) импульсным характером труда, присущим отечественному производству и не позволяющим добиться высокого качества выпускаемой массовой продукции в течение длительного времени, но дающим возможность проявить нестандартные творческие решения для выпуска наукоемкой продукции;

б) необходимостью поиска нового типа производственных и трудовых отношений, возникающих в процессе создания, распространения и использования знаний. Если для производителей стандартных товаров стимул – внешняя (отраслевая) конкуренция, то для производителей знаний стимул – профессиональная среда с гармоничным сочетанием соперничества и сотрудничества [11; 12].

Общеизвестно, что интеллектуальный потенциал общества формируется и развивается системами воспитания, образования, повышения квалификации и переподготовки кадров, самообразованием, наукой, исследованиями и разработками, а также с помощью методов, средств, инструментов и механизмов, которые применяются при принятии и реализации решений в различных областях [7]. При управлении процессом наращивания интеллектуального потенциала организации используются стратегии, связанные с необходимостью оперативной обработки сведений, хранящихся в корпоративных информационных системах (рисунок 1). Следует отметить, что быстрое устаревание знаний определяет необходимость реализации регулярного мониторинга интеллектуального ка-

питала и актуальности составляющих его знаний с целью их обновления на качественно новом уровне.

Рис. 1. Стратегии управления интеллектуальным потенциалом [10, с. 131–136; 11]

Принимая во внимание представленные на рисунке 1 стратегии, а также результаты исследований М.А. Афонасовой [6], Т.М. Горбовой [3, с. 14], Е.А. Емельяновой [6], нами разработана методика формирования интеллектуального потенциала в процессе инновационной образовательной деятельности в вузе, алгоритм реализации которой представлен на рисунке 2.

Инструментально-аналитическое обеспечение предлагаемой методики, представленное в виде информационной системы поддержки принятия решений, позволяет выявить разрыв достигнутых результатов и возможностей наличных ресурсов с целью повышения скоординирован-

ности и расшивки узких мест (тактический уровень анализа и целеполагания), а также дальнейшего их развития, оптимизирующей аллокации и концентрации на стратегически значимых направлениях (стратегический уровень) [5, с. 46–51; 15; 17].

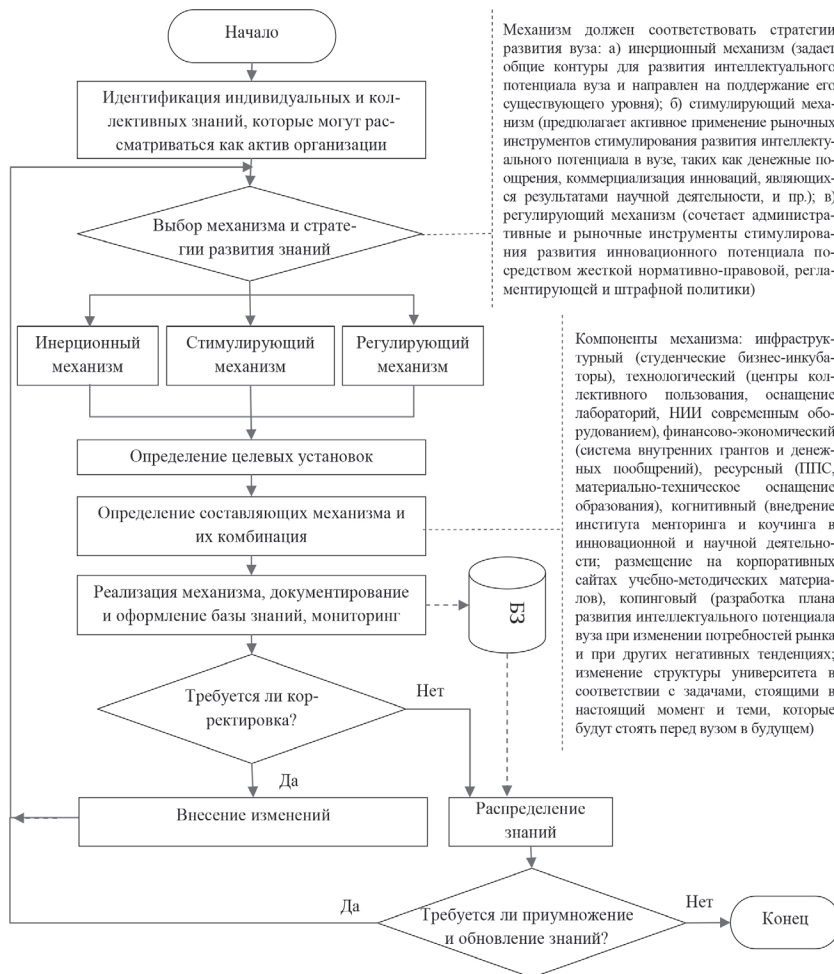

Рис. 2. Алгоритм планирования и реализации образовательной деятельности, направленной на формирование интеллектуального потенциала

Рис. 3. Алгоритм расчета коэффициентов эффективности формирования интеллектуального потенциала в вузе

Основными требованиями при проектировании информационной системы выступали:

а) автоматический расчет показателей интеллектуального потенциала организации на регулярной основе. Показатели представляют собой обобщенные характеристики знаний и компетенций в конкретной предметной области, соотношенные с требованиями ФГОС ВО и профессиональных стандартов;

б) возможность осуществления многомерного анализа над показателями по любому из информационных измерений, а также на любом уровне иерархии;

в) высокая скорость обработки запросов, возможность формулировать запросы в терминах предметной области с использованием предварительно настроенной библиотеки аналитических функций;

г) встроенные возможности по визуализации данных [4, с. 79–80; 17].

Предлагаемое решение реализует адаптированный к рассматриваемой проблемной области алгоритм расчета коэффициентов эффективности формирования профессиональных компетенций студентов вуза, разработанный коллективом авторов из Брянского государственного университета под руководством профессора Н.М. Горбова [2] с учетом положений природосообразного подхода (рисунок 3).

Коммерческая сущность научного проекта состоит в возможности внедрения системы в учебные заведения различных уровней образования Брянской области и смежных с ней регионов. Также предлагаемое решение может быть адаптировано для любой предметной области. Предполагается, что разработанная методика и ее информационно-аналитическое обеспечение позволит:

- оптимизировать процесс оценки конкурентных позиций университета за счет автоматизации оценки отдельных показателей эффективности деятельности университета, в частности обеспеченности его интеллектуальными ресурсами и уровня развития его интеллектуального потенциала;
- осуществлять мониторинг уровня интеллектуального потенциала университета по различным критериям, а также графически представлять его результаты;
- своевременно выявлять направления деятельности университета, требующие различных решений и подходов в вопросах повышения эффективности управления интеллектуальными ресурсами учреждения;
- обнаруживать негативные отклонения в уровне развития интеллектуального потенциала университета, а также прогнозировать его развитие, осуществлять долгосрочное планирование мероприятий по повышению интеллектуального потенциала вуза на основе полученных результатов и отчетов;
- определять эффективность и рациональность применения мероприятий по повышению уровня интеллектуального потенциала университета в каждом конкретном случае.

Список литературы

1. Брацило А.Н. Капитал в системе ресурсов инновационной экономики: структурный аспект // Проблемы современной экономики. 2008. № 1. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1806> (дата обращения: 17.03.2016).
2. Горбов Н.М., Горбова Т.М., Погоньшева Д.А., Рябых Е.С., Селезнев В.А. Методика формирования профессиональных компетенций в области экономики у студентов профессиональных образовательных учреждений с использованием природосообразных технологий на основе компьютерных нейросетевых систем [Электронный ресурс]. № 18430. М.: ОФЭРНиО, 2012.
3. Горбова Т.М. Управление социально-экономическими процессами: методология, теория, практика (на примере Брянской области): автореферат дисс. ... кандидата экон. наук: 08.00.05. Брянск, 2006. 24 с.
4. Горнева Е.А., Селедцов Е.Н. Природосообразный подход как основа проектирования автоматизированной системы управления подготовкой IT-специалистов // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2014. № 37. С. 76–82.
5. Дорошенко Ю.А., Бухонова С.М., Тумина Т.А. Теоретико-методологические основы оценки инновационного потенциала вуза // Креативная экономика. 2007. № 10(10). С. 46–51.
6. Емельянова Е.А., Афонасова М.А. Механизмы развития инновационной деятельности в вузах: методологический аспект // Управление экономическими системами. 2013. № 10. URL: <http://www.uecs.ru/innovacii-investicii/item/2403-2013-10-07-07-06-03> (дата обращения: 15.02.2016).
7. Журавлев В.А. Интеллектуальный потенциал креативного общества – элементы и характеристика // Креативная экономика. 2009. № 8 (32). С. 3–14.
8. Забелина К.В. Корпоративные университеты как инновационная форма управления знаниями на российском рынке образовательных услуг: Автореферат дис. ... к. экон. наук: 08.00.05 [Место защиты: Юж.-Рос. гос. ун-т экономики и сервиса]. Шахты, 2012. 26 с.
9. Зинов В.Г., Лебедева Т.Я., Цыганов С.А. Инновационное развитие компании: управление интеллектуальными ресурсами: Учеб. пособие / Под ред. В.Г. Зинова. М.: Изд-во «Дело АНХ». 2009. 248 с.

10. Инновационный менеджмент: Учебное пособие/ Под ред. Ф.Л. Шарова. М.: МИЭП, 2008. 144 с.
11. Интеллектуальные ресурсы и интеллектуальный капитал предприятия // По материалам сайта «Center-YF: Центр управления финансами». URL: <http://center-yf.ru/data/Menedzheru/Intellektualnye-resursy-i-intellektualnyi-kapital-predpriyatiya.php> (дата обращения: 12.03.2016).
12. Клейнер Г.Б. Предприятие и экономика: новое осознание институциональной роли предприятия / Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) [Под ред. Д.С. Львова]. М.: Экономика, 1999. 793 с.
13. Левашов В.К. Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 3 (87). С. 17–30.
14. Матвеев Ю.В., Матвеев К.Ю. Воспроизводственный потенциал интеллектуальных ресурсов России // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 10. С. 223–225.
15. Мильнер Б.З. Управление знаниями – вызов XXI века // Вопросы экономики. 1999. № 9. С. 108–118.
16. Селедцов Е.Н., Горнева Е.А. Природосообразный подход как основа проектирования автоматизированной системы управления подготовкой IT-специалистов // Студенческий научный форум 2015. URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/1356/16034> (дата обращения: 04.04.2016).
17. Снегирев А.А. Инновационное управление. Курс лекций [для вузов]: Учебное пособие. М.: МИФИ, 2008. 84 с.

References

1. Bratsilo A.N. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. no. 1 (2008). <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1806> (accessed 17.03.2016).
2. Gorbov N.M., Gorbova T.M., Pogonysheva D.A., Ryabykh E.S., Seleznev V.A. *Metodika formirovaniya professional'nykh kompetentsiy v oblasti ekonomiki u studentov professional'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy s ispol'zovaniem prirodosobraznykh tekhnologiy na osnove komp'yuternykh neyrosetevykh sistem* [Tech-

- nique of formation of professional competence in the field of economics students of professional educational institutions with prirodosobraznosti technology based on neural network computing systems]. № 18430. M.: OFERNiO, 2012.
3. Gorbova T.M. *Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskimi protsessami: metodologiya, teoriya, praktika (na primere Bryanskoy oblasti)* [Management of social and economic processes: methodology, theory, practice (on the example of Bryansk area)]. Bryansk, 2006. 24 p.
 4. Gorneva E.A., Seledtsov E.N. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*. no. 37 (2014): 76–82.
 5. Doroshenko Yu.A., Bukhonova S.M., Tumina T.A. *Kreativnaya ekonomika*. no. 10(2007): 46–51.
 6. Emel'yanova E.A., Afonasova M.A. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*. no. 10 (2013). <http://www.uecs.ru/innovacii-investicii/item/2403-2013-10-07-07-06-03> (accessed 15.02.2016).
 7. Zhuravlev V.A. *Kreativnaya ekonomika*. no. 8 (2009): 3–14.
 8. Zabelina K.V. *Korporativnye universitety kak innovatsionnaya forma upravleniya znaniyami na rossiyskom rynke obrazovatel'nykh uslug* [Corporate universities as an innovative form of knowledge management in the Russian market of educational services]. Shakhty, 2012. 26 p.
 9. Zinov V.G., Lebedeva T.Ya., Tsyganov S.A. *Innovatsionnoe razvitie kompanii: upravlenie intellektual'nymi resursami* [Innovative development of the company: management of intellectual resources]. V.G. Zinov (ed.). M.: Izd-vo «Delo ANKh», 2009. 248 p.
 10. *Innovatsionnyy menedzhment* [Innovative management]. F.L. (ed.) M.: MIEP, 2008. 144 p.
 11. *Intellektual'nye resursy i intellektual'nyy kapital predpriyatiya* [Intellectual resources and intellectual capital company-management]. <http://center-yf.ru/data/Menedzheru/Intellektualnye-resursy-i-intellektualnyi-kapital-predpriyatiya.php> (accessed 12.03.2016).
 12. Kleyner G.B. *Put' v XXI vek (strategicheskie problemy i perspektivy rossiyskoy ekonomiki)* [Way of the XXI century (Strategic Challenges and Pros-

- pects of the Russian economy)] / D.S. L'vov (ed.). M.: Ekonomika, 1999. 793 p.
13. Levashov V.K. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. no. 3 (2008): 17-30.
 14. Matveev Yu.V., Matveev K.Yu. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. no. 10 (2010): 223–225.
 15. Mil'ner B.Z. *Voprosy ekonomiki*. no. 9 (1999): 108–118.
 16. Seledtsov E.N., Gorneva E.A. *Studencheskiy nauchnyy forum – 2015 [Student Scientific Forum 2015]*. <http://www.scienceforum.ru/2015/1356/16034> (accessed 04.04.2016).
 17. Snegirev A.A. *Innovatsionnoe upravlenie. Kurs lektsiy [Innovative management. A course of lectures]*. M.: MIFI, 2008. 84 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Горнева Екатерина Александровна, доцент кафедры Автоматизированных информационных систем и технологий БГУ, кандидат педагогических наук

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского

ул. Бежицкая, 14, г. Брянск, Брянская область, 241036, Российская Федерация

egorneva@yandex.ru

Морозова Елена Ивановна, доцент, доцент кафедры Автоматизированных информационных систем и технологий БГУ, кандидат экономических наук

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского

ул. Бежицкая, 14, г. Брянск, Брянская область, 241036, Российская Федерация

veimorozova@gmail.com

Погонышева Дина Алексеевна, профессор, заведующий кафедрой Автоматизированных информационных систем и технологий БГУ, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук
Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского
ул. Бежицкая, 14, г. Брянск, Брянская область, 241036, Российская Федерация
dinochka32@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gorneva Ekaterina Aleksandrovna, Associate Professor, Department of Automated Information Systems and Technologies BSU, Candidate of Pedagogical Sciences
Bryansk State Academician I.G. Petrovski University
14, Bezhickaja Str., Bryansk, Bryansk region, 241036, Russian Federation
SPIN-code: 5312-1013
ORCID: 0000-0002-7694-0037

Morozova Elena Ivanovna, Associate Professor, Department of Automated Information Systems and Technologies BSU, Candidate of Economic Sciences
Bryansk State Academician I.G. Petrovski University
14, Bezhickaja Str., Bryansk, Bryansk region, 241036, Russian Federation
SPIN-code: 7486-7864
ORCID: 0000-0002-8538-0895

Pogonysheva Dina Alekseevna, Associate Professor, Department of Automated Information Systems and Technologies BSU, Candidate of Pedagogical Sciences
Bryansk State Academician I.G. Petrovski University
14, Bezhickaja Str., Bryansk, Bryansk region, 241036, Russian Federation
SPIN-code: 6861-6648
ORCID: 0000-0002-3149-0976

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-4-155-168

УДК 336.02, 336.1

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ (ФИНАНСОВО-НАЛОГОВОЙ) БЕЗОПАСНОСТИ

Максимов Ю.А.

В статье автором исследуются вопросы совершенствования налогообложения внешнеторговой деятельности в зависимости от состояния мировой конъюнктуры. В статье предлагается авторская концепция налогообложения внешней торговли, а также формулируются предложения по совершенствованию налогообложения в исследуемой сфере.

***Ключевые слова:** финансовая деятельность; финансы; налогообложение; внешнеторговая деятельность; конкурентоспособность; доходы государства; финансовая и налоговая политика.*

THE DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF THE REGULATION OF THE FOREIGN TRADE ACTIVITY OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR ENSURING ECONOMIC (FINANCIAL AND TAX) SECURITY

Maksimov Yu.A.

In this article the author examines the issues of improving the taxation of foreign trade activity, depending on the state of the global environment. In the article the author offers a concept of foreign trade taxation and makes proposals on improvement of taxation in the study area.

Keywords: *financial; Finance; taxation; foreign trade activity; competitiveness; government revenue; financial and tax policy.*

Одной из главных задач современного развития экономики в условиях экономического кризиса, а также применения экономических санкций, является обеспечение экономической безопасности, как состояния защищенности экономики страны от внутренних и внешних угроз.

В государственной стратегии экономической безопасности¹ отмечено, что без обеспечения заданного уровня пороговых значений экономической безопасности практически невозможно решить ни одну из задач, стоящих перед страной, как во внутригосударственном, так и в международном плане. Особо пострадала в современных условиях развития экономики финансово-бюджетная сфера, что характеризуется не только замораживанием индексаций выплат из бюджета, но также сворачиванием некоторых инвестиционных направлений.

Целью государственной деятельности в финансовой сфере является обеспечение такого уровня развития экономики, при котором создавались бы приемлемые условия для жизни и развития личности, социально-экономической и военно-политической стабильности общества и сохранения целостности государства, успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз.

Одними из ключевых условий достижения указанной цели являются, во-первых, соответствие государственного бюджета реальным потребностям, связанным с решением перечисленных задач, а во-вторых – его фактическое наполнение денежными средствами.

Проблема обеспечения заданного уровня экономической безопасности государства в налоговой сфере уже затрагивалась отдельными исследователями. Так, например, в Послании Президента РФ отмечалось, что

¹ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Опубликован 19 мая 2009 г. Российская газета.

финансовая устойчивость и независимость страны абсолютно связаны между собой².

Президентом РФ была поставлена задача существенно ужесточить контроль за движением государственных средств и сформировать единый, целостный механизм администрирования налоговых, таможенных и других фискальных платежей.

В связи с расширением интеграционных процессов, созданием Евразийского экономического союза, усложнением экономических и правовых механизмов регулирования внешнеторговой деятельности в целях обеспечения экономической (финансово-бюджетной) безопасности, а также обеспечения задач бюджетно-налоговой политики государства можно назвать ряд направлений, связанных с решением наиболее актуальных на сегодняшний день проблем таможенной политики России.

Так в целях более полной постановки задач обеспечения финансово-бюджетной безопасности на федеральном уровне и выполнения задач обеспечения финансовой устойчивости предлагается следующее нормативное определение:

«Финансово-бюджетная безопасность государства представляет собой такое состояние защищенности финансовых централизованных федеральных и централизованных региональных фондов государства, при котором обеспечивается готовность финансово-бюджетной системы государства к своевременному и полному финансовому обеспечению всех экономических потребностей в размерах, достаточных для поддержания необходимого уровня экономической и военной безопасности страны».

Среди основных направлений, связанных с решением наиболее актуальных на сегодняшний день проблем таможенной политики России можно выделить следующие:

1. защита государственного национального экономического и финансового суверенитета;

² Официальный сайт Президента РФ. Kremlin.ru. Текст Послания Президента Федеральному Собранию на 2016 год (полный текст).

2. необходимость совершенствования регулирования внешнеторговой деятельности как на уровне государства, так и на уровне Евразийского экономического союза, особенно в условиях процесса глобализации финансовой сферы экономики;
3. совершенствование регламентации и обеспечение тесного взаимодействия федеральной таможенной и налоговой службы в новых экономических условиях ведения внешнеторговой деятельности, связанной, прежде всего с созданием единого механизма администрирования налоговых и таможенных платежей, взимаемых в ходе осуществления внешнеторговой деятельности как неотъемлемой составляющей финансовой безопасности государства;
4. уточнение и легитимация в законодательном порядке понятия «единая система администрирования таможенных и налоговых платежей» и создание согласованной правовой регламентации данного вида деятельности при осуществлении выполнения своих функций ФТС и ФНС в условиях применения правовых норм и правил ВТО, Евразийского экономического союза и национального законодательства;
5. Разработка финансово сбалансированного механизма налогообложения внешнеторговой деятельности для обеспечения взаимовыгодного международного сотрудничества и консолидации системы налоговых и неналоговых доходов федерального бюджета в сфере внешнеторговой деятельности в условиях функционирования Евразийского экономического союза;
6. Оптимизация налоговой системы Российской Федерации в условиях комбинированного международно-национального правового регулирования таможенно-тарифной системы и таможенных режимов (процедур) применительно к современным реалиям в целях обеспечения финансово-бюджетной безопасности страны;
7. Совершенствование национальных экономических и правовых механизмов финансовой деятельности ФТС в сфере осуществления внешней торговли.

На сегодняшний день для России необходима политика обдуманного разумного проведения оптимизации налоговой системы и выполнения различных «налоговых манёвров», особенно если учитывать, что формирование Евразийского экономического союза и участия страны в ВТО происходило в достаточно сжатые сроки и практически все механизмы, регулирующие внешнеторговую деятельность требуют серьезной доработки с использованием системного подхода. Для сравнения: нормативно-правовая база таможенного пространства Евросоюза готовилась более 20 лет, так как регулирование мировых товаропотоков – задача крайне сложная и противоречивая.

Так, например, уже после завершения создания нормативной базы функционирования единого европейского рынка, в период от 2008 года с начала финансового кризиса и по настоящее время Евросоюз решает проблемы разрыва внутреннего налогового законодательства, обеспечивающего проведение бюджетной политики стран-участниц и внешнеторгового и валютно-финансового законодательства Евросоюза, обеспечивающего функционирование единого экономического пространства. И речь в настоящее время идет либо о применении единых для всех стран Евросоюза правовых механизмов регулирования бюджетной деятельности во всех странах с потерей по существу финансового и части национального суверенитета, либо о распаде всей еврозоны и возвращение к национальным механизмам правового регулирования.

Вступление России в ВТО, которое по ряду некоторых признаков можно оценить, как скорее политическое решение, также накладывает свой отпечаток на формирование инструментов экономического регулирования внешней торговли страны и её партнеров по международным отношениям, особенно в условиях, когда в Таможенном союзе и теперь в Евразийском экономическом союзе участвуют страны. Которые не являются членами ВТО.

В этих условиях возникают реальные угрозы экономической безопасности государства в бюджетно-налоговой сфере, среди которых можно выделить следующие:

1. Уклонение от налогообложения в результате умышленного сокрытия доходов, получаемых в ходе осуществления внешнеторговой деятельности, в том числе путем необоснованного возврата НДС из бюджета, а также путем изменения резидентства субъектов ВЭД в целях оптимизации налогообложения в условиях офшорных зон. Неизбежным следствием потери доходов от внешнеэкономической деятельности является перекладывание налогового бремени на другие сектора экономики, более узкий сектор и круг налогоплательщиков, в результате чего для них создается чрезмерное налоговое давление на бизнес и население. Одна из серьезных задач в этой сфере заключается в оптимизации норм налогового законодательства и определение критериев, в соответствии с которыми будет обеспечен заданный уровень фискальных доходов от внешнеторговой деятельности (далее ВТД);

2. Сохранение достаточно широкой зоны теневой и криминальной внешней экономики в сфере внешней торговли (включая в значительной степени сектор транснациональных корпораций), «освобождающей» себя от налогообложения посредством изощренных и постоянно совершенствуемых финансовых, правовых, учетных, информационных и организационных «технологий»;

3. Отсутствие реальной экономической экспертизы и оценки принимаемых государственных мер по регулированию внешней торговли с точки зрения соблюдения пороговых значений экономической (финансово-бюджетной) безопасности, устойчивости налоговой системы страны и эффективности применяемой налоговой политики.

Одним из традиционных и наиболее трудно выявляемых и документируемых способов уклонения от налогообложения и от налогового контроля – использование фирм, зарегистрированных в зарубежных и отечественных офшорных зонах, а также анонимных структур и фирм-однодневок. Несмотря на кажущиеся внешние различия в применении данных способов уклонения от налогообложения, все они направлены на то, чтобы вывести из-под контроля компетентных фискальных и правоохранительных органов часть наиболее сомнительных либо незаконных

финансово-хозяйственных операций, а также максимально затруднить документирование и доказывание фактов, выявленных по ним налоговых и иных экономических преступлений.

Кроме того, офшорные компании служат одним из наиболее часто используемых инструментов для вывода капиталов за рубеж и их последующего реинвестирования.

В течение последних нескольких лет в условиях финансового кризиса всеми странами мира обращалось внимание на противодействие уклонению от национального налогообложения путем концентрации доходов в низконалоговых юрисдикциях, законодательство которых не предусматривает норм по раскрытию информации о налогоплательщиках налоговым органам других стран. Данное направление национального нормотворчества является одним из основных элементов налоговой политики многих стран ОЭСР.

Российская Федерация также предпринимает усилия в этом направлении, при этом в настоящее время список офшорных юрисдикции, предоставляющих льготные условия налогообложения зарегистрированным в них фирмам и отказывающихся сообщать информацию о них налоговым ведомствам других стран, существенно сужается в связи с ужесточением требований ЕС, а также в следствии вступления России в ВТО. Именно поэтому необходима выработка новых положений в налоговое законодательство, регулирующее, в том числе отношения в сфере внешней торговли между государством и участниками торговли-резидентами стран низконалоговой юрисдикции.

Налоговый комитет ООН, проводящий работу по совершенствованию налогового законодательства, а также разрабатывающий различные модельные налоговые законы, к сожалению, не в полной мере является эффективным субъектом налогового регулирования. Обладая достаточно скудными начальными данными, он разрабатывает глобальные налоговые стандарты, разработанные богатыми странами через OECD, и стремится приспособить их под требования развивающихся стран, чтобы лучше защитить их экономические и финансовые интересы. Так налоговый комитет ООН производит разработку образцовых налоговых согла-

шений и модельных кодексов, используемых развивающимися странами, при заключении налоговых соглашений с богатыми странами.

Увеличение несбалансированности налогового законодательства между странами участницами внешней торговли за 2010–2011 гг. привело к получению США 664 миллиардов долларов от развивающихся стран как экономически господствующей страны. «Вместо того, чтобы пытаться возместить часть недополученных доходов, международное налоговое законодательство налогов кодекс стало инструментом обострения проблем налогообложения» отметил Л.Х. Саммерсом³. Далее он отметил: «Это неравенство, в свою очередь, подрывает политическую поддержку экономики конкурентного рынка, которая способствует экономическому росту. Делая нашу систему налогообложения более прогрессивной, мы можем помочь всем странам прийти к огромной выгоде, произведенной экономикой, создавая политические и экономические условия для устойчивого роста»⁴.

«Налоговое законодательство может быть эффективным инструментом в осуществлении социальной политики, если оно применяется мудро и взвешено» отметил Джейсон Фурман, директор Гамильтонского Проекта⁵.

Введение прогрессивной системы налогообложения, по мнению налоговых специалистов США, приводит к более широкому использованию национальной финансовой системы и более широко по мнению специалистов Гамильтонского проекта уменьшает неравенство между налогоплательщиками различных стран⁶.

³ Лоуренс Х. Саммерсом, руководитель Гамильтонского Проекта США. Статья «Гамильтонский проект: реформы к американской системе налогообложения в сегодняшней мировой экономике» (на англ. языке) http://economistsview.typepad.com/economistsview/2007/06/the_hamilton_pr.html. 16.06.2016 г.

⁴ Лоуренс Х. Саммерсом, руководитель Гамильтонского Проекта США. Статья «Гамильтонский проект: реформы к американской системе налогообложения в сегодняшней мировой экономике» (на англ. языке) http://economistsview.typepad.com/economistsview/2007/06/the_hamilton_pr.html. 16.06.2016 г.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Но прогрессирующий процесс интеграции и глобализации внешне-торговых отношений, а также развивающиеся тенденции технического прогресса, финансовых преобразований, способствуют возрастающему налогово-доходному неравенству, а также ставят новые задачи для совершенствования механизма прогрессивного налогообложения.

Если говорить об опыте развития налогового законодательства ЕС, то в данном случае настоящее время почти все страны применяют раздельное налогообложение доходов с использованием более низкой фиксированной ставки для дохода на капитал, включая дивиденды, а также сниженную ставку для дивидендов или частичное освобождение полученных дивидендов от налогов.

Т.е. в Европейском Союзе имеет место более или менее спонтанная гармонизация режимов налогообложения дивидендов. Особое место в ЕС среди решений в сфере налогообложения стоит отметить решение ЕС о недискриминации и свободе учреждения коммерческих предприятий. Так в сентябре 2003 года ЕС вынес решение по делу Босал Холдинг БВ (С-168/01). Суть дела в том, что резиденту Нидерландов было отказано в вычете расходов на зарубежную дочернюю компанию из прибыли компании, полученной в Нидерландах. Следует отметить, что в Нидерландах прибыль компании, полученная от деятельности за пределами страны, исключается из налогообложения. На основании того, что доходы налогоплательщика из-за рубежа налогообложению не подлежат, ему было отказано в возможности вычета расходов, связанных с получением таких доходов, из доходов, полученных от деятельности компании в Нидерландах. ЕС пришел к выводу, что такой подход нарушает принцип свободы учреждения коммерческих предприятий, так как учреждение дочерней компании при таких условиях в Нидерландах более выгодно учреждения дочерней компании в другой стране ЕС⁷.

Как следствие, несколько стран ЕС пересмотрели свои правила о капитализации доходов от внешнеторговой деятельности и распространили их

⁷ X. Хамакерс. Тенденции развития налогообложения в Европе. International Tax Glossary, IBFD, Амстердам, 2001. (на англ. языке).

на случаи предоставления займов акционерами-резидентами. Нидерланды ввели законодательство о «тонкой капитализации», чтобы компенсировать негативный бюджетный эффект от решения ЕС по делу Босал Холдинг БВ. Таким образом, в обоих случаях решения ЕС привели к устранению препятствий в функционировании общего рынка и расширению сферы применения мер, направленных на борьбу с уходом и уклонением от налогообложения, к которым традиционно относятся нормы «тонкой капитализации».

В ближайшее время страны-участницы Евразийского экономического союза обязаны привести свое внешнеторговое законодательство в полное соответствие с нормами Евразийского экономического союза и ГАТТ 1994 г. (ВТО).

Применение оптимизированной налоговой политики в сфере государственного регулирования внешнеторговой деятельности соответствует стратегическим целям развития экономики России и должны быть направлены на создание долгосрочных институциональных стимулов для органов власти и управления в проведении структурных реформ, обеспечения устойчивого развития, конкурентоспособности и безопасности.

Управление финансовыми потоками при осуществлении государственного регулирования внешней торговли должно быть основано на сочетании принципов экономической эффективности, бюджетной ответственности, обеспечения финансово-бюджетной безопасности.

Обеспечение финансово-бюджетной безопасности в рамках государственного регулирования внешней торговли, включая стадии формирования бюджетно-налоговой политики, исполнения бюджета, учета и контроля, является приоритетным направлением экономической деятельности государства.

Особое значение финансово-бюджетной безопасности в данной сфере обусловлено рядом проблем в финансовой сфере страны в целом:

- финансово-банковская система базируется на смешанной системе денежного обращения, что порождает «бегство» капитала и уязвимость внутреннего денежного обращения, особенно в ходе осуществления внешнеторговых операций;

- современная финансово-банковская система сформировалась в условиях высокой инфляции. К новой экономической ситуации, характеризующейся относительной стабилизацией цен и умеренной инфляцией, она не приспособлена;
- законодательная база системы государственного регулирования внешнеторговой деятельности в условиях Евразийского экономического союза не отличается полнотой, особенно в сфере регламентации налоговых отношений, которая зачастую базируется только на догматическом применении национальных налоговых законов;
- отсутствует единая система внешнеторгового, таможенного, валютного и др. направлений государственного регулирования в рамках формирования Евразийского экономического союза и функционирования единого экономического пространства;
- отсутствует единый системный административный контроль за операциями хозяйствующих субъектов на отдельных товарных и финансовых рынках, осуществляемых в ходе внешнеторговой деятельности.

Для создания эффективной системы государственного развития финансовой деятельности в сфере внешней торговли Российской Федерации необходимо создание сбалансированной системы государственного регулирования налоговых отношений, возникающих в ходе ВТД и учитывающей обеспечение экономической (финансов-бюджетной) безопасности.

Так, учитывая изменение объема налоговых и неналоговых поступлений от внешнеторговой деятельности в федеральный бюджет Российской Федерации в последние годы вызванное влиянием нестабильности экономической конъюнктуры необходимо сформулировать концепцию совершенствования государственного регулирования внешнеторговой деятельности в целях обеспечения экономической (финансово-бюджетной) безопасности.

1. Учитывая, что государственное регулирование внешнеторговой деятельности осуществляется исходя из трех основных уровней регламентации (требования норм и правил ВТО, международные соглашения,

в рамках Таможенного союза и ЕЭП; уровень национального законодательства, принимаемый в рамках участия России в международных экономических интеграционных объединениях) национальный уровень регулирования внешнеторговой деятельности должен отвечать требованиям вышестоящих уровней и необходимости защиты экономической безопасности государства в бюджетной сфере.

2. Тарифное регулирование, осуществляемое в соответствии с международными нормами в общем случае направлено на снижение фискальной нагрузки на субъектов-участников ВТД и в том числе на снижение средневзвешенного объема таможенных пошлин, поступающих в бюджет, а значит необходимо разработка экономических механизмов, сглаживающих данный процесс и обеспечивающий заданный уровень финансово-бюджетной безопасности.

3. Снижение таможенных тарифов неминуемо приводит к снижению неналоговых доходов от внешнеторговой деятельности в бюджет государства, что ведет к необходимости увеличения объема налоговой нагрузки на субъекты ВТД, что влияет на защищенность национальных резидентов, так, увеличение налоговой нагрузки на субъекты ВТД приведет к уменьшению как количества самих хозяйствующих субъектов, так и объема, перемещаемого через таможенную границу товара. Следовательно, необходима разработка экономических механизмов поддержки национальных субъектов-участников ВТД в рамках действующей государственной налоговой политики.

4. Обложение внешнеторговой деятельности внутренними налогами осуществляется в соответствии с Налоговым кодексом РФ, т.е. в соответствии с внутренним национальным законодательством. Помимо таможенной пошлины при перемещении товаров через таможенную границу взимаются НДС и акцизы. Так как указанное положение дел в области государственного регулирования ВТД позволяет варьировать налоговый механизм, то экономические механизмы должны быть направлены на поддержку субъектов, осуществляющих ВТД в сфере инновационных

технологий, товаров высокой степени переработки и т.д. с одной стороны, а с другой стороны направлен на увеличение налогового бремени экспорта товаров с низкой степенью переработки, сырья, а также товаров в импорте которого государство не заинтересовано, так как его ввоз может составить сильную конкуренцию национальным производителям.

5. При формировании государственной налоговой политики в области налогообложения внешней торговли необходимо учитывать, что законодатель должен соблюдать нормы и принципы ВТО, в соответствии с которыми не допускается дискриминации в отношении иностранных субъектов внешне-торговой деятельности, т.е. применение налогового механизма должно распространяться на все субъекты ВТД, независимо от резидентства, но с учетом льгот и преференций, оказываемых национальному налогоплательщику.

6. При формировании системы налогообложения ВТД в соответствии с национальным законодательством следует соблюдать сбалансированное введение тех или иных новаций, которое позволит учитывать наличие налоговой конкуренции в рамках глобализационных процессов как по видам деятельности, так и по видам товаров, перемещаемых через таможенную границу.

7. Учитывая вышеизложенное следует произвести изменения налогового законодательства, направленные на повышение уровня защиты национального производителя как резидента бюджетной системы РФ, а также на обеспечение заданного уровня бюджетных доходов от внешне-торговой деятельности и сформированных критериев финансово-бюджетной безопасности государства.

Список литературы

1. Официальный сайт Президента РФ. Kremlin.ru. Текст Послания Президента Федеральному Собранию на 2016 год (полный текст).
2. Лоуренс Х. Саммерсом, руководитель Гамильтонского Проекта США. Статья «Гамильтонский проект: реформы к американской системе налогообложения в сегодняшней мировой экономике» (на англ. языке) http://economistsview.typepad.com/economistsview/2007/06/the_hamilton_pr.html

3. Хамакерс Х. Тенденции развития налогообложения в Европе. International Tax Glossary, IBFD, Амстердам, 2001. (на англ. языке). С. 230–234.

References

1. The official website of the Russian President. Kremlin.ru. The text of the Message to the Federal Assembly in 2016 (full text).
2. Lawrence H. Summers, head of the Hamilton Project the United States. The article “the Hamilton project: reforms to the American system of taxation in today’s global economy”. http://economistsview.typepad.com/economistsview/2007/06/the_hamilton_pr.html
3. Hamakers H. Development trends of taxation in Europe. International Tax Glossary, IBFD, Amsterdam, 2001, pp. 230–234.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Максимов Юрий Анатольевич, заведующий кафедрой правового обеспечения ВЭД, кандидат экономических наук, кандидат технических наук, доцент
Санкт-Петербургский имени В.Б.Бобкова филиал российской таможенной академии
ул. Софийская, 52А, г. Санкт-Петербург, 192241, Российская Федерация
maximoff2000@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maksimov Yury Anatolyevich, Head of the Department of Legal Support of Foreign Trade Activities, Candidate of Economic Sciences, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
St. Petersburg name of V. B. Bobkov of branch of the Russian Customs Academy
52A, Sofiyskaya Str., St. Petersburg, 192241, Russian Federation
maximoff2000@mail.ru

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**PROCEEDINGS OF INTERNATIONAL
CONFERENCE**

ПРОФИЛЬ РИСКОВ РОССИЙСКОГО СТРАХОВОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Васюков О.Н., Мосолова Н.А., Пахмутов В.Н.

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Статья посвящена оценке рисков российского страхового рынка в перспективе 2016–2018 г. Риски роста убыточности страховых операций, непрозрачность формирования активов, покрывающих страховые резервы и собственные средства страховщика, низкая капитализация российских страховых организаций являются критическими для развития российского страхового рынка. Кризисные явления в экономике снижают платёжеспособный спрос на страховые услуги. Меры по повышению эффективности развития страхового рынка, предлагаемые регулятором рынка – Банком России – представляются недостаточными для нивелирования управленческих дисфункций, возникших вследствие углубления противоречий между участниками страховых экономических отношений.

Ключевые слова: *страховой рынок; управленческие дисфункции; риски; страховые экономические отношения; конфликтно-компромиссная методология.*

RISK PROFILE OF THE RUSSIAN INSURANCE MARKET IN THE ECONOMIC CRISIS

Vasyukov O.N., Mosolova N.A., Pakhmutov V.N.

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

The article is devoted to risk assessment of the Russian insurance market in the 2016–2018 term, the risks of loss of growth of insurance operations, the

opacity of the form of assets covering insurance reserves and own funds of the insurer; the low capitalization of Russian insurance companies are critical for the development of the Russian insurance market. The crisis in the economy reduced effective demand for insurance services. Measures to improve the efficiency of development of the insurance market, the proposed market regulator – the Bank of Russia – are insufficient for leveling managerial dysfunctions that have arisen as a result of deepening the contradictions between the parties to the insurance of economic relations.

Keywords: *insurance market; managerial dysfunction; risk; insurance and economic relations; conflict-compromise methodology.*

Страховой рынок России переживает период значительных технологических, институциональных, регулятивных изменений. Создание национальной перестраховочной компании, налоговые льготы в страховании жизни, появление бюро страховых историй, ужесточение надзора за финансовой устойчивостью страховщиков, ограничение перечня активов, разрешённых для инвестирования финансовых ресурсов страховщиков – вот далеко не полный перечень новаций, которые должны, по мнению регулятора, способствовать развитию национального страхового рынка.

Основная цель внедрения этих новаций – преодоление кризисных симптомов развития отечественного страхового рынка. Страховой рынок покадают основные его участники – страховщики и страхователи. С января 2015 г. по май 2016 г. число субъектов страхового дела сократилось на 133 организации (на 23%). Основная причина ухода компаний с рынка – нарушение финансовой устойчивости и платёжеспособности страховщика.

Одним из главных показателей развития любого рынка является количество заключаемых контрактов на этом рынке. Страховой рынок в этом смысле не является исключением. Количество заключённых в 2015 г. договоров существенно уменьшилось в сравнении с 2014 г. (-8,8 п.п.) до

143,5 млн договоров [14]. 13,8 млн договоров страхования «потеряли» российские страховщики в 2015 г.

На наш взгляд, именно сокращение числа участников страховых отношений является главным симптомом кризисного развития российского страхового рынка – рынок «схлопывается».

В 2010 году поправками в закон «Об организации страхового дела в Российской Федерации», согласно которым страховщики в кратчайшие сроки (чуть более года) должны были увеличить уставные капиталы в 4 раза, был практически уничтожен региональный страховой рынок. Основной целью, по мнению сторонников принятия таких поправок, было повышение капитализации страхового рынка. В результате рынок покинули многие региональные страховые компании, финансовая устойчивость которых не вызывала сомнений ни у страхователей, ни у регулятора. Капитализация рынка при этом выросла с января 2011 г. по май 2016 г. всего на 20,3% до 180,3 млрд рублей. В валютном эквиваленте совокупный уставный капитал уменьшился до 2,7 млрд долл. США (в 2011 г. составлял 5,1 млрд долл. США) [14].

Концентрация российского страхового рынка достигла максимума: в 2015 г. 20 крупнейших страховых компаний собирали 78% совокупной страховой премии. Исследования российского страхового рынка доказывают «наличие региональной неравномерности развития страхового рынка в центре и на периферии на определённом временном горизонте» [1].

Для осознания процессов, определяющих ситуацию на страховом рынке, необходимо признать противоречивость целей главных участников страховых экономических отношений [5]. Непризнание экспертным сообществом глубины противоречий между участниками страхового рынка, отсутствие системности в поиске методов разрешения этих противоречий являются, на наш взгляд, основными предпосылками формирования кризисной стратегии развития российского страхования.

На необходимость разрешения углубляющихся противоречий между страховщиками, страхователями, регулятором указывают авторы иссле-

дований, посвящённых анализу кризисных симптомов развития отечественного страхового рынка [2; 4].

Страховщик, главная цель которого в страховом предпринимательстве определяется величиной заработанной прибыли, формирует свою стратегию, исходя из критерия максимизации прибыли. Главным источником прибыли страховщика являются плата страхователя за страховой договор – страховые взносы. Из страховых взносов страховщик производит страховые выплаты страхователю через механизм формирования страховых резервов, оплачивает расходы на организацию своей предпринимательской деятельности, формирует прибыль. Издержки от страхового предпринимательства российских страховщиков постоянно растут. По данным экспертов, расходы на ведение дела нерозничных страховых компаний в 2015 г. составили 47,9% от суммы уплаченных страховых премий, розничных компаний – 38,9% [13].

Цели страхователя также понятны – получить страховую защиту на случай возникновения убытков от опасных случайных событий. За качественную защиту своих имущественных интересов страхователь готов заплатить страховщику деньги, вне зависимости от того, наступит страховой случай в течение срока действия договора или нет. Но, очевидно, что в целях страхователя нет потребности обеспечения максимальной прибыли страховщика. Страхователю вообще нет дела до того, получит страховщик прибыль или нет. Оплачивая постоянно растущие издержки страховых компаний, страхователь становится более требователен к качеству работы страховщиков по урегулированию убытков. Количество жалоб на действия страховщиков в органы страхового надзора в 2015 г. превысило 53,5 тысячи. В 1 квартале 2016 г. количество обращений страхователей к регулятору – более 20 тысяч жалоб [7].

Таким образом, между основными участниками страхового рынка не просто существуют противоречия в целях, «влекущих их в страховые экономические отношения» [5, с. 90]. Эти противоречия в настоящее вре-

мя обострены до крайности, что является причиной реализации риска дальнейшего кризисного развития страхового рынка.

Действия государства в лице регулятора страхового рынка – Банка России – направлены на ужесточение надзорной политики в отношении страховщика. Суть надзорной политики сводится к тому, что, если в результате ретроспективного анализа результатов деятельности компании, финансового состояния или ещё какого-либо параметра, выявится отклонение от нормативного состояния, то компания будет лишена права деятельности на рынке через механизм ограничения или отзыва лицензии. Банк России активно выводит с рынка, как ему кажется, недобросовестных, слабых страховщиков. Взаимодействие со страхователем регулятор свёл к оперативному реагированию на жалобы клиентов страховщиков работниками Службы по защите прав потребителей финансовых услуг.

Таким образом, работой по разрешению противоречий участников рынка не занимается никто. Эти противоречия даже открыто не признаются ни страховщиками, ни страхователями, ни регулятором.

Страховщики и страхователи относятся друг к другу как к средству достижения своих целей. Каждый из них, приходя на страховой рынок, является носителем «корпоративных, семейных, общинных, наконец, эгоистических интересов» [11, с. 19].

В такой ситуации страховщики могут рассчитывать на увеличение объёма собираемой страховой премии только при условии перераспределения рынка. В этом контексте проекты докапитализации рынка будут способствовать уходу с рынка компаний, которые не смогут увеличить уставные капиталы до 300 млн рублей. Концентрация рынка увеличится, при этом количество транзакций на рынке существенным образом не увеличится. Противоречия участников страховых экономических отношений не разрешатся, более того, мы утверждаем, что они обостряются. Уход любой страховой компании с рынка всегда сопровождается обострением противоречий между участниками экономической деятельности: страхователями, страховщиками, партнёрами по выполнению контрактов, дебиторами, кредито-

рами и др. В большинстве случаев страховщики, уходя с рынка, оставляют неисполненными страховые обязательства перед своими клиентами.

Для нивелирования возникающих в результате обострения противоречий в целях участников страховых отношений необходимо выработать стратегию развития страховых экономических отношений в парадигме методологии конфликтно-компромиссного управления. Авторы методологии конфликтно-компромиссного управления считают, что «возникающие управленческие дисфункции возможно разрешить путём достижения локального компромисса, под которым понимаются взаимные уступки участников отношений для достижения баланса интересов во избежания конфликта» [2, с. 20].

Локальный компромисс в разрешении противоречий между страхователем и страховщиком заключается в том, что при заключении страхового договора одновременно должны выполняться два условия: параметры договора и его цена – страховая премия – должны быть направлены на достижение целей участников страховых отношений, как страхователя, так и страховщика [12, с. 179]. Страховщик и страхователь в процессе переговоров должны определить такие параметры страхового контракта, который делают его наиболее выгодным для страховщика, т.е. максимизируют результаты его коммерческой деятельности, при условии, что страхователю взаимодействие со страховщиком тоже выгодно [4].

Поведенческая стратегия страховщика определяется его целью – получение максимальной прибыли от предпринимательства на страховом рынке [3]. Как показывает анализ показателей убыточности российских страховщиков, коэффициент выплат по рынку постоянно растёт. В 2015 г. этот показатель достиг величины 49,74% от подписанной страховой премии [14]. Издержки от организации страхового предпринимательства страховщиков, как было показано выше, также демонстрируют тенденцию к росту. Рост убыточности страховщиков в 2016 г. является одним из главных рисков страхового рынка. Предполагаем, что в условиях продолжающегося кризисного развития экономики, страховщикам необходимо повышать эффек-

тивность риск-менеджмента своих компаний. «Укрыться от риска воистину невозможно: отсутствие стратегии активного риск-менеджмента – фактическое решение принять все риски, которые возникнут в ходе работы, без учёта того, какое сочетание их будет оптимальным» [18].

О важности реализации предупредительной функции страхования, формировании мотивационного предупредительного поведения страхователя опубликованы научные исследования российских и зарубежных авторов [4; 15; 16; 17]. Превенция – всеобъемлющий механизм управления риском, как логической конъюнкции вероятности реализации страхового события и величины убытков от опасных случайных событий. Снижение величины страховых выплат, производимых страховщиком по страховым контрактам, позволит сохранять инвестиционный потенциал страховых организаций. Основу инвестиционного потенциала страховой организации составляют страховые резервы, сформированные из страховых премий, уплаченных страхователями по договорам страхования. Страховщик, страховые резервы которого достигают значительной величины, активно инвестирует их и получает инвестиционный доход, увеличивающий прибыль страховщика. Таким образом, реализация мер по превенции рисков – локальный компромисс, который в определённой мере позволяет разрешать противоречия страховщика и страхователя.

Снижение транзакционных издержек страховых компаний, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности – процесс сложный, требующий оптимизации бизнес-процессов в компаниях, снижение неоперационных затрат, улучшение качества страховых продуктов и многих других вопросов. В условиях кризисного состояния страхового рынка именно это направление менеджмента страховщиков требует самого деятельного внимания со стороны руководителей страховых организаций [8]. Конвергенция страхового и банковского бизнеса многих финансовых групп приводит к росту аквизиционных расходов страховщика, в том числе комиссионного вознаграждения, выплачиваемого страховой компанией банку за заключение договора страхования.

Рост комбинированного коэффициента убыточности по прогнозам экспертов в 2016 г. до уровня 103–104% приведёт к усилению риска потери платёжеспособности многих страховых компаний [13].

По-прежнему, одним из самых главных рисков российских страховщиков остаётся риск ликвидности активов страховых организаций, покрывающих страховые резервы и собственные средства страховщиков. По оценке экспертов доля, так называемых, «фиктивных» активов в совокупных активах страховщиков в 2015 г. составила 15%, в том числе в совокупных сложениях в ценные бумаги – 39% [6]. Меры, принимаемые регулятором по контролю качества активов страховщиков, малоэффективны.

Принятие Банком России ряда нормативных документов, которые должны привести к повышению качества активов страховых организаций, на наш взгляд, могут привести только к тому, что ряд компаний лишатся лицензий и уйдут с рынка традиционно, не исполнив своих страховых обязательств. Контроль за качеством активов, покрывающих страховые резервы – а это в первую очередь затрагивает отношения «страховщик-страхователь» – так и остаётся непрозрачным, дорогостоящим неэффективным. Подход к определению перспектив развития страхового рынка, построенный на принципе поиска «механизмов противодействия недобросовестным действиям страховых организаций» «повышения защиты прав потребителей страховых услуг», на наш взгляд никак не разрешает по-существу сложившихся на рынке противоречий [10].

22 июля 2013 г. Распоряжением Правительства РФ № 1293-р утверждена «Стратегия развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года» [9]. В Стратегии сформулированы основные направления развития страхового рынка РФ до 2020 г., определены контрольные индикаторы успешной реализации Стратегии.

В своё время, участники российского страхового рынка активно обсуждали проект данного документа, вносили предложения по определению ключевых показателей результативности (KPI) реализации Стратегии.

Анализируя текущие показатели работы рынка, прогнозные показатели, сформулированные экспертами [13], необходимо признать, что нормативные значения ключевых индикаторов развития страхового рынка достигнуты не будут. Более того, можно сделать вывод о том, что разрыв между плановыми и фактическими целевыми показателями развития страхового рынка будет увеличиваться.

В мае 2016 г. регулятор рынка – Банк России принимает и представляет участникам страхового рынка ещё один документ – «Основные направления развития финансового рынка российской Федерации на период 2016–2018 годов». В документе определены целевые показатели, характеризующие эффективность реализации «Основных направлений». По нашему мнению, эти целевые показатели слабо коррелируют с ключевыми показателями результативности реализации Стратегии.

Если ключевыми целевыми показателями измерения эффективности реализации «Основных направлений развития финансового рынка» определены показатели «Индикатор финансовых знаний» и «степень удовлетворённости населения ответами Банка России на направленные ими жалобы», то можно сделать вывод о том, что о развитии страхового рынка в данном документе речи не идёт.

Страхователь, пришедший на страховой рынок с целью купить страховую защиту, должен знать, что и для него, и для страховщика основная цель – защита имущественных интересов страхователя от убытков, которые могут возникнуть в результате страхового случая. Страховщик, предоставляющий страховую защиту страхователю, должен получать прибыль от своей коммерческой деятельности на страховом рынке не за счёт узурпации права страхователя на получение возмещения своих убытков от страхового случая, а за счёт эффективной предпринимательской деятельности.

Каждый участник страховых отношений должен иметь возможность реализовать свою стратегию, «целиком определяемую мыслью о собственных интересах, собственной пользе, выгоде» [11, с. 19], не забывая при этом, что его стратегия, есть часть целого – стратегии развития российского страхового рынка.

Список литературы

1. Белозёров С.А. Тестирование российского страхового рынка на наличие конвергенции / С.А. Белозёров, Ж.В. Писаренко // Экономика региона. 2014. № 3. С. 198–208.
2. Васюкова Л.К. Конфликтно-компромиссная методология разрешения противоречий участников страхового рынка / Л.К. Васюкова, Н.Н. Масюк, М.А. Бушуева, Н.А. Мосолова, О.В. Козьминых // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2015. № 4 (23). С. 19–22.
3. Васюкова Л.К., Мосолова Н.А. О ключевых рисках развития российского страхового рынка / Л.К. Васюкова, Н.А. Мосолова // Проблемы экономики и менеджмента. 2015. Сентябрь. № 9 (49). С. 72–77.
4. Васюкова Л.К., Останин В.А. Инвестиции как форма реализации предупредительной функции страхования: монография / Л.К. Васюкова, В.А. Останин. Новосибирск: ООО «Агентство «Сибпринт», 2012. 137 с.
5. Гомелля В.Б. Очерки экономической теории страхования / В.Б. Гомелля; под ред. Е.В. Коломина. М.: Финансы и статистика, 2010. 352 с.
6. Качество активов страховых компаний: творческий подход Исследование [Электронный ресурс] // Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА»). – Электрон. дан. – Режим доступа: http://raexpert.ru/researches/insurance/asset_quality_2014/ (дата обращения: 18.07.2016 г.).
7. Коваль А.П. Как сделать страховой надзор более эффективным? [Электронный ресурс] / А.П. Коваль // ЗАО Медиа_Информационная Группа «Страхование сегодня» (МИГ). – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.insur-info.ru/printable/comments/1090/>
8. Николенко Н.П. Финансовый кризис: взгляд изнутри страховой компании / Н.П. Николенко // Управление страховой компанией: сборник публикаций. М.: АНКИЛ, 2012. 257 с.
9. Об утверждении Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 22.07.2013 г. № 1293. – Электрон. дан. – Режим до-

- ступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=150175>
10. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов [Электронный ресурс] / Банк России. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/finmarkets/files/development/onfr_2016-18.pdf (дата обращения: 19.07.2016 г.)
 11. Останин В.А. Философия присвоения: монография / В.А. Останин; науч. ред. Ю.В. Рожков. Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2011.
 12. Пахмутов В.Н. Проблемы оценки рисков при формировании тарифной политики российских страховых компаний / В.Н. Пахмутов, Л.К. Васюкова // Наука Красноярья. 2016. № 3–3 (26). С. 176–185.
 13. Прогноз развития страхового рынка в 2016: устойчивость под угрозой. Исследование [Электронный ресурс] // Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА»). – Электрон. дан. – Режим доступа: http://raexpert.ru/researches/insurance/prognoz_2016/ (дата обращения: 18.07.2016 г.).
 14. Статистические показатели и информация об отдельных субъектах страхового дела [Электронный ресурс] / Банк России. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/finmarkets/?PrId=sv_insurance
 15. Bernstein, Peter L. (1996). *Against The Gods: The Remarkable Story of Risk*. New York: John Wiley & Sons.
 16. Erwann Michel-Kerjan, Stefan Hochrainer-Stigler, Howard Kunreuther, Joanne Linnerooth-Bayer, Reinhard Mechler, Robert Muir-Wood, Nicola Ranger, Pantea Vaziri, Michael Young (2012), *Catastrophe Risk Models for Evaluating Disaster Risk Reduction Investments in Developing Countries*, Risk Analysis
 17. Howard Kunreuther, Ricahrd Roth, Richard Roth, Richard J. Roth (2001). *Paying the Price: The Status and Role of Insurance Against Natural Disasters in the United States (Natural Hazards and Disasters)*. ISBN: 0-309-06361-2.
 18. Lisa Meulbroek (2000). *Integrated risk management for the firm: a senior manager's guide* // Harvard Business School Working Paper. Boston, MA: Harvard Business School.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРАХОВОГО РЫНКА РОССИИ

Васюкова Л.К., Мосолова Н.А., Швецова Е.В.

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

Статья посвящена актуальным вопросам антимонопольного регулирования российского страхового рынка. На основе анализа ситуации, сложившейся на страховом рынке, выявлены противоречия участников страховых отношений, которые в настоящее время обостряются в результате монополизации страхового рынка. Обоснована возможность достижения локального компромисса между страховщиком и страхователем в условиях конкурентного предложения страховой защиты на страховом рынке.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование; страховой рынок; конкуренция; монополия; концентрация рынка; локальный компромисс.

IMPROVEMENT OF ANTIMONOPOLY REGULATION OF THE INSURANCE MARKET OF RUSSIA SYSTEM

Vasyukova L.K., Mosolova N.A., Shvetsova E.V.

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

The article is devoted to topical issues of antimonopoly regulation of the Russian insurance market. Based on the analysis of the situation in the insurance market, revealed contradictions participants of insurance relations, which are now exacerbated as a result of the monopolization of the insurance market. The possibility of achieving local compromise between the insurer and the insured in a competitive offer insurance protection in the insurance market.

Keywords: *antitrust; insurance market; competition; monopoly; market concentration; local compromise.*

Антимонопольное регулирование страхового рынка имеет своей целью ограничение возможностей страховых организаций монополизировать рынок. В отечественной практике главными инструментами антимонопольного регулирования, как формы прямого государственного регулирования страхового рынка, главными инструментами регулирования являются тарифы, квоты, ограничения, применяемые с целью стимулирования конкуренции, контроля соглашений между участниками рынка, недопущения доминирования отдельных страховых организаций, контроль концентрации рынка [7].

Современные исследователи российского страхового рынка неоднократно указывали на главную причину возникновения и функционирования государственного регулирования отечественного рынка. Противоречия в целях основных участников страховых экономических отношений – страховщиков и страхователей – вызывают необходимость усиления государственного регулирования страхового рынка [4]. Поясним более подробно данное утверждение.

Страхователь, главная цель которого на страховом рынке – приобретение качественной защиты своих экономических интересов от потенциальных убытков (которые могут случиться, а могут и не случиться) от некоторых опасных событий, таких как стихийные бедствия, техногенные аварии, кража, несчастный случай и др. Страхователь, по-существу, являясь покупателем страхового товара, бесспорно, заинтересован в приобретении качественной страховой защиты по оптимальной для страхователя цене. Это возможно в условиях конкурентного предложения других участников страхового рынка – страховых компаний.

Страховщик, у которого, как у любого предпринимателя, есть цель – максимизация прибыли от коммерческой деятельности на страховом рынке. Как неоднократно отмечалось многими исследователями, главной

и определяющей целью страхования является защита экономических интересов страхователей [2; 4; 5; 12]. Российская практика свидетельствует, что в настоящее время процесс возобладания интересов страховщиков над интересами страхователей становится определяющим. Так создаются условия «для развития конфликта интересов страхователя и страховщика» [2, с. 14].

Для страхователя становится необязательной цель страховщика – получение прибыли от страхового предпринимательства, а у страховщика происходит подмена приоритетов – и главная цель страхования подменяется коммерческой целью хозяйствующего субъекта.

Несмотря на кажущуюся антагонистичность целей страховщика и страхователя, обе стороны являются частью одного целого – страховых отношений. Цель одной из сторон есть одновременно цель и другой стороны. «Ни одна из сторон не может претендовать на свою исключительность, по крайней мере, в условиях конкурентного страхового рынка» [2, с. 14].

Очевидно, что в условиях развития конкуренции, страховщики создают различные виды страховых продуктов, обеспечивая тем самым возможность выбора для страхователя объема и качества предоставляемой страховой защиты. В условиях развития конкуренции и множественности предложения, страхователь может найти того страховщика и тот продукт, который в наибольшей степени удовлетворит потребность страхователя в страховой защите. Заключение страховщиком и страхователем страхового контракта и оплата страховой премии, частью которой является нормативная прибыль, будет означать, что цели страховщика и страхователя гармонизируются. Таким образом, локальный компромисс для разрешения противоречий между страхователем и страховщиком будет достигнут, управленческие дисфункции нивелируются [3].

Главным предметом антимонопольного регулирования страхового рынка является пресечение недобросовестной конкуренции и монополистической деятельности отдельных субъектов страхового рынка. Это означает, что основным направлением антимонопольного регулирования

является недопущение и предотвращение ограничивающих конкуренцию действий со стороны органов государственной власти и управления.

Основным законодательным актом, регулирующим конкурентные отношения на российском рынке, является федеральный закон «О защите конкуренции», статья 7 которого, определяет критерии доминирующего положения страховой компании – доля рынка в размере 10% (для региональных рынков – 20%).

Проведём экспресс-анализ показателей концентрации российского страхового рынка. По данным Банка России в 2015 году десять крупнейших по сборам страховой премии компаний собирали 671,8 млрд рублей премий (65,62% от общего объёма страховой премии). Две компании – Росгосстрах и СОГАЗ – собирали премий более 10% от общего объёма каждая: Росгосстрах – 14,54%, СОГАЗ – 12,04%. Коэффициент концентрации рынка CR-20 приблизился к 80% в 2015 г., т.е. 20 крупнейших страховых компаний России собрали 77,5% от общего объёма страховой премии. Для сравнения целесообразно привести следующие данные. В 2010 году – году, когда были приняты поправки в закон «Об организации страхового дела в Российской Федерации», предписывающие увеличить минимальный размер уставного капитала сразу в 4 раза и повлекшие за собой уход с рынка небольших, в основном, региональных компаний, коэффициент концентрации CR-20 был меньше 69%, а пять крупнейших страховщиков владели долей рынка, не превышающей 40%.

На региональных рынках концентрация ещё выше. Так, например, в Приморском крае, по итогам 2015 г. Росгосстрах собрал 24,55% страховых премий от общего объёма, ВСК – 11,24%. Коэффициент концентрации рынка CR-20 равен 94,4%, при этом CR-5 – 59,7%. Индекс рыночной концентрации Херфиндаля-Хиршмана (НИ) в 2015 г. по Приморскому страховому рынку находится на уровне 1 056,8 (для сравнения: в 2010 г. – 667,3). В других субъектах ситуация ещё более обострена: в Амурской области на долю пяти крупнейших страховых компаний при-

ходится 70,5% страхового рынка региона (CR-10 – 87,7%), в Еврейской АО индекс концентрации CR-5 в 2015 г. сформировался на уровне 75%, CR-10 – 94,3%. Аналогичная ситуация наблюдается практически на всех российских региональных рынках. Такая динамика индекса ННІ свидетельствует о сокращении доли рынка у компаний, не входящих в число крупных федеральных компаний.

Таким образом, можно сделать вывод: российский страховой рынок – рынок с высоким уровнем монополизации (олигополистический рынок). Очевидно, что развитие олигополии негативно влияет на развитие конкуренции, а, следовательно, не только не способствует устанению противоречий между участниками страховых отношений, но и усугубляет их.

В настоящее время, на фоне усиления концентрации страхового рынка, субъекты страхового дела заняты вопросами перераспределения финансовых ресурсов ушедших с рынка компаний. Об этом свидетельствует отсутствие значительного прироста количества заключенных договоров страхования. В 2015 г. количество заключенных договоров (143,5 млн договоров) уменьшилось в сравнении в 2014 г. (157,3 млн договоров). Клиентская база российских страховщиков не прирастает, стратегия «отнять у того, кто слабее, и поделить» – реализуется успешно. По мнению, А.Ю.Лайкова, «на данном этапе в российской экономике и на российском страховом пространстве сложился «квазирынок» (псевдорынок)», на котором «сохраняется скрытое раздаточное содержание: частные компании и фирмы в массе своей не вырабатывают рыночно-ориентированные стратегии, а ведут борьбу за государственный ресурс и стремятся использовать связи во властных структурах для контроля над конкуренцией» [6].

В этих условиях, эффективная позиция государства в лице Банка России, как регулятора страхового рынка, и антимонопольных органов – формирование принципов справедливой конкуренции на рынке. Выработка норм и правил конкурентного поведения на рынке, когда невозможно необоснованно снижать тарифы, расширять страховое покрытие, навязывать ненужные клиенту страховые товары.

Оппортунистическое поведение подавляющего большинства страховых организаций из числа лидеров страхового рынка в борьбе за ресурсы должно пресекаться регулятором в начальной стадии. Отсутствие оперативной реакции на жалобы клиентов страховых компаний приводит к подрыву доверия ко всей системе страхования. Навязывание страховых договоров без согласия страхователя, к сожалению, стало нормой. Нарушения прав страхователей – потенциальных заёмщиков кредитных учреждений является массовым явлением. Такая политика формирования страхового портфеля страховщиков является стратегическим препятствием на пути развития страхового рынка.

Тарифное регулирование является формой обеспечения справедливых условий конкуренции на рынке. Формирование экономически обоснованного страхового тарифа для страховщика является необходимым условием обеспечения финансовой устойчивости компании. Страховщик, назначая цену за свой товар – страховую защиту, учитывает множество факторов, в том числе уровень риска внутренней и внешней среды, поведенческую стратегию потенциального клиента, его страховую историю, параметры страхового портфеля. Главная задача андеррайтинга страховщика – «обеспечить достаточность страховых резервов для производства страховых выплат в соответствии со сложившимся уровнем убыточности» [9, с. 180]. В свою очередь страховые резервы являются не только финансовыми ресурсами для производства страховых выплат, но и инвестиционным ресурсом для выполнения страховщиком функции институционального инвестора. В российской практике страховщик, при получении лицензии на право осуществления страховой деятельности обосновывает структуру страхового тарифа и порядок формирования страховых резервов. Именно при лицензировании должно быть произведено актуарное оценивание максимально возможных параметров, влияющих на формирование страхового тарифа для того, что при любых ситуациях страховщик мог предложить страхователю экономически обоснованную цену за свой товар, обеспечивающую достаточность страховых резервов. Поэтому необоснованное уменьшение платы за страховой товар со стороны

страховщика с целью обеспечения для себя конкурентных преимуществ, ставит под угрозу финансовую устойчивость компании и снижает инвестиционный потенциал страхового рынка. Спекулятивные рассуждения по поводу свободы ценообразования на страховом рынке, переходу к политике дерегулирования цен по примеру европейского страхового рынка являются не более чем безответственной демагогией временщиков. Ценовое давление на рынке, которое позволяют себе отдельные участники страхового рынка, недопустимо, и, как показывает статистика банкротств компаний с миллиардными уставными капиталами, угрожающе бесперспективна. По нашему мнению, реализация демпинговой тарифной политики страховой компании должна наказываться регулятором достаточно жёстко, до лишения лицензии на осуществление страховой деятельности.

В этом аспекте следует отметить вопросы ценообразования в таком сегменте российского страхового рынка, как банкострахование (от англ. – bancassurance). По данным рейтингового агентства «Эксперт РА» концентрация рынка банкострахования усиливается. Коэффициент концентрации CR-3 в 2015 г. находится на уровне 46% (CR-3 в 2014 г. – 37%, CR-3 в 2010 г. – 23%). Десять основных игроков сегмента банкострахования получили 71% от общего объёма страховой премии по кредитному и некредитному страхованию (в 2014 г. – 66%, в 2010 г. – 49%) [10].

Основной причиной недопуска иных страховщиков к страхованию, например, кредитных рисков, банки, как правило, называют несоответствие некоторых параметров финансовой устойчивости и платёжеспособности компании требованиям банка. При этом сами банки требуют от страховых компаний комиссию за продажу страховых полисов, размер которой выходит за рамки лицензионных обоснований любого страховщика в 3 и более раза. Так, средняя комиссия за заключение договора от несчастного случая, уплаченная банкам в 2015 г., составляла 42% от суммы страховой премии. Страховщик, полис которого продан, реализуя свою коммерческую цель – получение прибыли, из уплаченного взноса «забирает» свои расходы на ведение дела – примерно 30% от суммы уплаченной страховой премии. Таким образом, для зачисления в страховые резервы на про-

изводство будущих выплат остается максимум 28% от суммы страховой премии. Распределяя часть страховой премии в страховые резервы, страховщик реализует главную цель страхования – защиту экономических интересов страхователей. Распределяя часть страховой премии на покрытие своих расходов или расходов посредника (в данном случае банка), страховщик обеспечивает реализацию локальной цели – максимизация прибыли от страхового предпринимательства. О соблюдении показателей финансовой устойчивости страховой компании, заключившей такой договор, можно рассуждать лишь теоретически. Налицо системное нарушение интересов потребителей финансовых услуг, узурпирование права страхователя на получение качественного страхового продукта по экономически обоснованной цене, ведь «распределение финансового ресурса для формирования страховых резервов является основой для производства материальной полезности страховых товаров» [2, с. 101].

В условиях кризисного развития российского страхового рынка, обострения противоречий участников страховых экономических отношений, развития олигополии, в системе антимонопольного регулирования страхового рынка целесообразно использовать методологию конфликтно-компромиссного управления с целью нивелирования управленческих дисфункций на страховом рынке [3].

Одним из перспективных решений регулятора страхового рынка – Банка России – введение пропорционального регулирования страхового рынка, которое подразумевает внедрение отдельного подхода к региональным участникам финансовых рынков, в том числе в страховым компаниям. Изменение подходов к регулированию региональных рынков может способствовать демополизации региональных страховых рынков. Как отмечает Р.Т. Юлдашев, «развитие рынка добровольных потребителей страхования невозможно без развития среднего и регионального бизнеса» [11, с. 6].

Планы регулятора, направленные на очередное увеличение минимального размера уставных капиталов страховых компаний до 300 млн рублей

усилят концентрацию страхового рынка, будут способствовать монополизации рынка. Ведь уже сегодня региональные страховые рынки представляют собой «филиальную» сеть федеральных московских компаний. Надеяться на развитие спроса на страховые продукты, слабо адаптированные к потребностям страхователя, проживающего в конкретном регионе, наивно, и, как показывает практика, напрасно. Страхование – это механизм защиты экономических интересов конкретного, а не вообще абстрактного, потребителя, поэтому и договор между страховщиком и страхователем должен учитывать индивидуальные потребности страхователя.

Демонопользации страхового рынка может способствовать и такие меры, как введение обязательных нормативов на инвестирование средств части страховых резервов в активы, размещённые в регионе.

Итак, преодоление кризисного развития российского страхования, требует развития конкуренции на страховом рынке. Развитие конкуренции, в конечном счёте, должно привести к повышению качества страховых продуктов, продаваемых по экономически обоснованным ценам. В условиях конкурентного предложения страховой защиты и свободы выбора наилучшего для конкретного страхователя продукта становится возможен локальный компромисс между страховщиком и страхователем, позволяющий нивелировать противоречия между участниками страховых отношений [3]. «На этой основе можно рассчитывать и на реализацию интересов всех и каждого» [11, с. 7].

Изменение «перераспределительной» модели страхового рынка, подходов к регулированию компаний разных масштабов деятельности, будут способствовать возрождению региональных страховых рынков, развитию всего российского страхового рынка.

Список литературы

1. Бушуева М.А., Масюк Н.Н., Брагина З.В. Нивелирование управленческих дисфункций как основа конфликтно-компромиссной методологии // Экономика и предпринимательство. 2014. № 12–3. С. 430–432.

2. Васюкова Л.К., Останин В.А. Инвестиции как форма реализации предупредительной функции страхования: монография. Новосибирск: ООО «Агентство «Сибпринт», 2012. 137 с.
3. Васюкова Л.К., Масюк Н.Н., Бушуева М.А., Мосолова Н.А., Козьминых О.В. Конфликтно-компромиссная методология разрешения противоречий участников страхового рынка // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2015. № 4 (23). С. 19–22.
4. Гомелля В.Б. Очерки экономической теории страхования / В.Б. Гомелля; под ред. Е.В. Коломина. М.: Финансы и статистика, 2010. 352 с.
5. Коломин Е.В. Раздумья о страховании. М.: Издательский Дом «Страховое ревью», 2006. 384 с.
6. Лайков А.Ю. Российское страхование в перспективе изменяющихся обстоятельств [Электронный ресурс] // ЗАО Медиа-Информационная группа «Страхование сегодня» (МИГ). URL: <http://www.insur-info.ru/analysis/1007/> (дата обращения: 27.07.2016).
7. Насырова Г.А. Антимонопольное регулирование деятельности страховых организаций // Эффективное антикризисное управление. 2013. № 3(78). С. 76–80.
8. Останин В.А. Воля в структуре смысла: монография. Владивосток: Рос. Тамож. Академия, Владивостокский филиал, 2005. 228 с.
9. Пахмутов В.Н., Васюкова Л.К. Проблемы оценки рисков при формировании тарифной политики российских страховых компаний // Наука Красноярья. 2016. № 3–3 (26). С. 176–185.
10. Рынок банкострахования в 2016: жизнь без кредитов. Исследование [Электронный ресурс] // Рейтинговое агентство RAEX («Эксперт РА»). – URL: <http://raexpert.ru/researches/#2621> (дата обращения: 28.07.2016 г.).
11. Юлдашев Р.Т. Огромных возможностей страхования не знают ни президент, ни премьер, ни Дума. К великому сожалению! // Страховое дело. 2011. Январь. С. 3–9.
12. Howard Kunreuther, Ricahrd Roth, Richard Roth, Richard J. Roth (2001). Paying the Price: The Status and Role of Insurance Against Natural Disasters in the United States (Natural Hazards and Disasters). ISBN: 0-309-06361-2.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ДВОЙНОЕ ГРАЖДАНСТВО В ИРАНЕ И РОССИИ

Гасем Пур Аболгасем Али Хас

Институт философии, политологии и права им. А.М. Баховаддинова
Академии наук Республики Таджикистан, г. Душанбе,
Республика Таджикистан

Рассматриваются социально-политические факторы, формирующие двойное гражданство в Иране и России, а также политическая и социальная структура двух стран. Автор, изучая фундаментальное различие по установлению института двойного гражданства, показывает появление двойного гражданства в Иране, рассматривает вопрос утечки мозгов из Ирана и спрос на двойное гражданство в России. Рассмотрев социально-политическую обстановку на исторической арене двух стран – Ирана и России, автор приходит к выводу, что двойное гражданство в обеих странах существует на основе юридических и различных социальных и политических факторов. Форма правления, научно-культурная и экономическая деятельность личности и существующий потенциал в каждой стране, необходимость увеличения населенности или пребывания лиц, обладающих некоторыми правами, относятся к числу общих факторов.

Ключевые слова: двойное гражданство; фактор; политика; утечка мозгов; спрос.

CONSIDERATION OF SOCIO-POLITICAL FACTORS SHAPING DUAL CITIZENSHIP IN IRAN AND RUSSIA

Ghasem Pour Abolgasem Ali Khas

Institute of philosophy, political science and law. A.M. Bahovaddinov
Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, rep. of Tajikistan

The article deals with socio-political factors that shape the dual citizenship in Iran and Russia, as well as political and social structure of the two

countries. By studying the fundamental difference for the establishment of dual citizenship, is the emergence of dual citizenship in Iran, considering the brain drain from Iran and the demand for dual citizenship in Russia. Having examined the socio-political situation in the historical arena of the two countries: Iran and Russia, the author concludes that the dual citizenship in both countries there is a legal and based on a variety of social and political factors. The form of government, scientific, cultural and economic activities of the person and the existing potential in each country, the need to increase the population or stay of persons with certain rights, are among the common factors.

Keywords: *dual citizenship factor; politics, brain drain, demand.*

Иран и Россия за последнее столетие прошли через разные исторические события, но политическая и социальная структура двух стран обладает аналогичными свойствами, в результате которых в обеих странах было создано демократическое правительство. Исходя из этого, фундаментальное различие по установлению института двойного гражданства формируется в результате событий России после распада Советского Союза, которые не коснулись Ирана. В противоположность этому, закрытая структура политической власти на некоторых этапах истории развития двух стран, экономические преобразования для улучшения экономического положения, стали общей предпосылкой для создания института гражданства между двумя странами. Конечно, в отличие от российских властей, иранское правительство не приняло институт двойного гражданства своих граждан. Более того, такой подход иранских властей после революции в Иране, всегда подчеркивающих непризнание двойного гражданства и неприятие дипломатической поддержки других стран, безусловно, создало огромную напряженность в иностранных отношениях Ирана.

Появление двойного гражданства в Иране зависит от целого ряда причин, каждая из которых имеет практическое значение в возникновении этого явления, ниже в рамках статьи рассмотрим каждый вопрос по отдельности.

Утечка мозгов из Ирана. Согласно одной из теорий (теория миграции генов) в процессе миграции элиты и специалистов, не только элита, которая считается национальным богатством страны, будут потеряны, но после столетий, с генетической точки зрения, принимающие страны (цель) преобразуются в элитные общества и проценты их генов значительно возрастают. Таким образом, эти страны по-прежнему будут лидировать в области науки, техники и технологии. И, напротив, страны принимающие элиты (источник) день ото дня будут становиться все беднее, и из-за этой бедности еще больше становятся зависимыми и мировой баланс интенсивно ломается на Elites и Brain Drain. На этом основании термины и понятия «утечка мозгов» (Brain Drain и Elites Migration «утечка мозгов и элиты миграции») должны быть заменены на «миграционный смарт генов» или «миграционный потенциал генов мудрости и силы» (Brainy гены миграции). Так как существуют гены, которые передают генетическую информацию между поколениями, разум и способности также связаны с врожденным талантом, и это доказано научными теориями. Страны, принимающие элиту, элиты других стран, принимают с их религией и обычаями, и не только используют их талант и интеллект в развитии научного потенциала, технического и промышленного назначения, более того увеличивают свой резерв интеллект-генов для будущих поколений и таким образом, они создают свое светлое будущее. Утечка мозгов в Иране до конца Второй мировой войны имела сходство с судьбой и событиями других стран третьего мира. Однако после Второй мировой войны этот процесс начал развиваться в новом направлении. Утечка мозгов из Ирана начала постепенно переходить в малоразвитые страны. Начались регулярные переводы студентов в иностранные государства, в том числе и Америку, а одной из целей был экономический рост, обучение специалистов, обеспечивающих устойчивый рост программы развития. Около 15 месяцев до исламской революции, возникает новый поток миграции владельцев капитала и политической, экономической и научной элиты в зарубежные страны. Некоторые правительственные эксперты, увидев ухудшение ситуации из-за сильной зависимости от предыдущей системы, покинули страну.

После победы исламской революции, с глубокими культурными мотивами, эта тенденция снизилась, но в то же время последние годы снова наблюдается новый круг явлений утечки мозгов. Она состоит из трех периодов: 1) 1940–1950-х гг., до исламской революции, связан с открытием отношений с Западом, экономической и культурной политикой прежнего режима и т.п.; 2) конец 1957 и 1958 гг. – начало войны, в которую в основном входили целые диссиденты исламской революции, усилился во время закрытия университетов в период Культурной революции; 3) новая эра иммиграции, которая началась в 1967 г. и развивается в последние годы. Взгляните на ситуацию с иранскими специалистами, которые проживают в зарубежных странах – это и подтверждает данный аргумент. Реальное богатство любой страны заключается в ее человеческом капитале, и с этой точки зрения, студенты, специалисты и образованная часть населения считаются наиболее важным капиталом страны. К числу вопросов, с которыми столкнулось общество, особенно развивающихся стран, относится эмиграция элиты за границу, это явление называют «утечкой мозгов» (brain drain) и Иран также понес от нее потери. Утечка мозгов – это процесс, который ведет к дисбалансу между промышленно развитыми и менее развитыми странами, принимает форму третьего мира, куда мигрируют человеческие ресурсы и элита из менее развитых стран в индустриально развитые страны. Конечный результат этого процесса заключается в получении прибыли промышленно развитыми странами и понесенными чистыми убытками странами третьего мира. Завлечение элиты и привлечение человеческого капитала, который считается наиболее важным экономическим капиталом, является новым средством научно-культурной колонизации. Страны с утечкой мозгов и квалифицированных рабочих и специалистов постепенно становятся свидетелями снижения рождаемости, налога на душу населения и экономического роста и процветания. Иран с точки зрения утечки мозгов занимает главенствующее место среди стран мира. По данным Международного валютного фонда, ежегодно от 150 до 180 тысяч образованных иранцев намереваются выехать из Ирана и с точки зрения утечки мозгов Иран среди группы 91 развивающихся, слаборазвитых

и отсталых стран, занимает первое место. Годовой выезд иранцев из страны составляет от 150 до 180 тысяч человек с высшим образованием, что эквивалентно 50 млрд долларов годового капитала этой страны. Согласно данным государственных организаций и учреждений, таким как еженедельная «Организация управления и планирования», 90 из 125 студентов, которые за последние три года во всемирных олимпиадах завоевали места, в настоящее время учатся в американских университетах. Многие из них не вернулись в Иран для постоянного проживания. По данным МВФ, в дальнейшем будет наблюдаться их рост, более 15% человеческих ресурсов в Иране мигрирует в США и 25% в развивающиеся страны Европы. В общей сложности 34 тысяч стипендиатов в основном 1374 г., покинули страну в 1364 г., после окончания школы в 1377 г., более 12% из них не вернулись в страну. 5475 членов высших учебных заведений элиты Ирана в 1378 г. мигрировали в разные страны, согласно статистике чиновников, в том числе из неофициальных каналов, в данную статистику не входит эмиграция из страны нелегальным путем. Статистика эмиграции некоторых врачей-заявителей, покидающих страну в первые шесть месяцев 1378 г., выглядит следующим образом: 34% общие врачи, 9% врачи специалисты – 7/8%, стоматологи – 3/7%, фармацевты – 1/1%, врачи специалисты, в соответствии с заявлением Канадского посольства в Иране, составляют около 180 000 записей претендентов на иммиграцию в Канаду. Состав квалифицированных мигрантов состоит из следующих людей: студенты с иностранной валютой квоты – бесплатные студенты, элита Олимпиад и студенты, занимающие первое место по всей стране. В целом, мигранты – отправленные за границу выпускники после окончания школы, а также специалисты, преподаватели и исследователи, которые покинули страну из-за политических проблем, по научным, техническим, культурным причинам и связи с экономическими условиями [8].

Спрос на двойное гражданство в России. Конечно же, стремление России к индустриализации, до конца XIX в. по сравнению с другими странами, не было исключительным примером. Продвижение стратегических планов добычи источников и быстрое расширение сети железных дорог,

наряду с растущей нефтяной промышленностью на Кавказе, особенно в области Баку, являются доказательством вышесказанного. Поэтому в конце XIX в. нехватка рабочей силы в России, становится важным фактором в ее привлечении [7, с. 152]. Начиная с Октября 1917 г. в политике и экономике России формировалась новая эра. Стремление системы Советского Союза к индустриализации создало много рабочих мест в этой стране. Это стало причиной многочисленной трудовой миграции из советских республик в Россию. С другой стороны, СССР в управлении республиками стремился к изменениям социумов этих регионов, вынужденно переселяя коренных жителей из своих краев и размещая их в союзных республиках, создал этнические группы русского происхождения. Аналогично эта политика шла и в Восточной Европе, где стали жить этнические русские в областях Восточной Украины и Молдовы, на востоке вдоль границы с Украиной и на границе на севере Казахстана, а также в Литве, Латвии и Эстонии.

Формирование автономных республик для народов и наций под колонизацией России со времен Ленина стало правилом для большевистского правительства. Границы этих республик были определены еще во времена Сталина, но пограничные черты были установлены с особой тщательностью и для сохранения долгосрочной выгоды России для защиты от завоеваний. Исторические земли этнических меньшинств были разделены таким образом, что многие из них были распределены на несколько регионов, находясь в составе двух или более автономных республик. В то же время некоторые народности, имевшие историю противостояния с русскими, были депортированы с родных земель в отдаленные районы и их территории были переданы русским и лояльным народам, преданным России. С этой политикой сформировались потенциальные законы этнического и национального кризиса всей социалистической империи, чтобы в случае необходимости русские могли контролировать ситуацию.

На первый взгляд народы, которые годами и столетиями находились под игом русских, к этим нововведениям относились исключительно как к управленческому делению и в отношении этого не показывали никаких

эмоций. Но с распадом Советского Союза и образованием независимых государств возникли этнические приграничные претензии и напряженные конфликты во многих областях, в некоторых новых независимых странах иногда сопровождаясь катастрофическими войнами, наносившими тяжелый удар по их экономикам. Народы, которые многие годы находились по обеим сторонам границы, столкнулись с проблемами, в большинстве случаев приводившими к конфликтным ситуациям с соседними странами: притязание Армении из-за Нагорного Карабаха и оккупация 20% территории этой страны и депортация более миллиона человек азербайджанцев с родины их предков. Внутренние войны в Таджикистане, Молдове, Грузии и Дагестане после распада Советского Союза являются другими примерами потенциальных законов кризиса, которые были созданы умышленно для предотвращения национального единства ставших независимыми республик, которые при необходимости могут были использованы русскими. Наблюдающая согласованность, этническая политика СССР является одной из самых важных социальных и политических причин двойного гражданства. Инициатива России в предоставлении российского гражданства для граждан стран, таких как Украина, Грузия и других национальностей имела преднамеренные причины.

Таким образом, рассмотрев социально-политическую обстановку на исторической арене двух стран – Ирана и России, следует отметить, что двойное гражданство в обеих странах существует на основе юридических и различных социальных и политических факторов. Форма правления, научно-культурная и экономическая деятельность личности и существующий потенциал в каждой стране, необходимость увеличения населения или пребывание лиц, обладающих некоторыми правами, относятся к числу общих факторов. Распад СССР и принятие двойного гражданства в России и отрицания его в правах Ирана, считается одним из отличительных черт между двумя странами. Декларация прав человека Ирана, в статьях от 1 по 15 гражданство (двойное гражданство) описывает, как основные человеческие права, предмет защиты других прав,

на самом деле, если человек не имеет гражданства государства, он может быть лишен других прав. Необходимо видеть разницу между двойным гражданством и гражданством. Обе страны в случае двойного гражданства проигрывают, поскольку, с одной стороны, являются свидетелями иммиграции элиты, что вполне считается ущербом для обеих странах. С другой стороны, обе страны из-за опасностей в региональных условиях, стали свидетелями принятия профессиональных и непрофессиональных иммигрантов и нехватки экономических и социальных возможностей, что также нанесло ущерб обеим странам.

Список литературы

1. Бархатова Е.Ю. Гражданство и регистрация: Москва, Россия, СНГ. 2 изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2005. 397 с.
2. Белов А.В. Двойное гражданство и проблема лояльности // Правоведение. 2002. № 2. С. 157–161.
3. Богославский А.А. Проблемы двойного гражданства в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1 С. 65–67.
4. Кейт Фолкс. Гражданство / Пер. Мохаммад Джафара Дилафруз. Тегеран: изд-во Кавир, 1381.
5. Магсумов Т.А., Ковзик Г.О. Гибель империи: региональный аспект // В мире научных открытий. 2014. № 5. С. 12–17.
6. Магсумов Т.А., Низамова М.С., Шакиров Р.Р. История России: учебник для вузов / Под редакцией Т.А. Магсумова. Красноярск, 2015. 346 с.
7. Решетнева Т.В. Проблемы осуществления суверенитета государства в ситуации двойного (множественного) гражданства: общая характеристика // Вестник УдмГУ. 2014. № 2–3 С. 173–177.
8. Сайфзаде Сайед Хусайн. Внешняя политика ИРИ. Теоретическая стратегия и практический подход. Тегеран: Мизан, 2005. С. 285.

9. به نقل از سایت: مرکز هم اندیشی استادان و نخبگان دانشگاهی hamandishi.net

10. مقصود قلی زاده و محرم شهبازی، نگاهی به آمار، علل و زمین ههای مهاجرت نیروی کار ایرانی، فصلنامه مطالعات تاریخی، ص 152.

ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОГО КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Дмитриева И.С., Герасимов В.О., Шарафутдинов Р.И.

Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Набережные Челны, Россия

В статье предложен подход к определению инновационного кадрового потенциала региона. Проведена оценка кадрового потенциала в области инноваций на примере Республики Татарстан в период с 2012 по 2015 гг. Произведено сравнение инновационного кадрового потенциала Республики Татарстан с другими регионами.

Ключевые слова: Республика Татарстан; инновационный кадровый потенциал; оценка; показатели инновационного кадрового потенциала.

EVALUATION OF INNOVATIVE PERSONNEL POTENTIAL OF REGION ON THE REPUBLIC TATARSTAN EXAMPLE

Dmitrieva I.S., Gerasimov V.O., Sharafutdinov R.I.

Naberezhnochelninsky institute (branch) of Kazan Federal University,
Naberezhnye Chelny, Russia

This article proposes an approach to the definition of innovative human resource capacity in the region. Assessment of human capacity in the field of innovation in the case of the Republic of Tatarstan in the period from 2012 to 2015 held. Comparison of the Republic of Tatarstan personnel potential with other regions.

Keywords: Republic of Tatarstan; innovative human resources capacity; evaluation; innovative human resource capacity indicators.

В современном, динамично развивающемся, мире многие социально-экономические процессы в государстве все больше зависят от развития инновационной деятельности. Именно инновации и инновационная деятельность становятся движущей силой развития многих отраслей экономики. Сегодня крайне сложно найти отрасли, в которые, так или иначе, не проникли бы инновационные процессы и инновационные институты [2, с. 16].

Недавние расчеты специалистов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выявили, что стабильный экономический рост многих стран за последнее время во многом связан с внедрением инноваций, результативность которых в большей степени зависит от кадрового потенциала, а в частности от высококвалифицированных специалистов в инновационной сфере [6, с. 8]. В России одним из активных инновационных регионов выступает Республика Татарстан, который выходит в пятерку самых социально-экономически динамично развивающихся регионов России. Традиционно, Татарстан имеет высокий образовательный, научно-инновационный и производственный потенциал. Для того, чтобы определить влияние кадрового потенциала на результаты социально-экономических достижений в республике, нами был проведен анализ и дана оценка кадрового потенциала в области инноваций Республики Татарстан. За основу были взяты статические данные за 2012–2015 гг. [5, с. 320].

Для оценки состояния инновационного потенциала мы использовали два основных параметра: формирование и использование кадрового потенциала с выявлением инновационных показателей и инновационная деятельность.

1. К показателям формирования и использования кадрового потенциала относятся: количество докторантов аспирантов, выпускников вузов; все затраты бюджета на образование; общее количество занятого населения с высшим образованием и производительность труда в текущем году.

2. Отдельно следует выделить параметры, отображающие инновационную деятельность: количество людей, занятых в области научных

исследований и разработок; объем отгруженной инновационной продукции.

Для расчета использовалась методика, предложенная специалистами в области кадровой политики, А.Н. Гимаевой, Р.Р. Лукьяновой [1, с. 5]. По данной методике показатели формирования и применения кадрового потенциала находятся на основе следующих показателей:

1) Показатель, отображающий уровень населения с высшим образованием:

$$K_{Об} = \frac{(N_{См} + N_A + N_D)}{N_{ЭАН}} \quad (1)$$

Где: $N_{См}$ – число студентов;

N_A – число аспирантов;

N_D – число докторов наук;

$N_{ЭАН}$ – количество экономически активного населения в субъекте.

2) Показатель уровня расходов в регионе, направленных на образование:

$$K_{РРО} = \frac{\sum_{РРО}}{\sum_{РРБ}} \quad (2)$$

Где: $\sum_{РРО}$ – количество расходов на образование в исследуемом периоде;

$\sum_{РРБ}$ – общие расходы субъекта в исследуемом периоде.

3) Показатель, характеризующий уровень образования занятого населения:

$$K_{ОбЗН} = \frac{N_{ТрОбЗН}}{N_{ЗН}} \quad (3)$$

Где: $N_{ТрОбЗН}$ – численность занятого населения, с высшим образованием в исследуемом периоде;

$N_{ЗН}$ – среднегодовая численность занятого населения субъекта в исследуемом периоде.

4) Показатель, отображающий изменение уровня производительности труда в субъекте:

$$K_{\text{ПрТр}} = \frac{V_{\text{ВРП}_1}}{N_{\text{ЗН}_1}} : \frac{V_{\text{ВРП}_0}}{N_{\text{ЗН}_0}} \quad (4)$$

Где: $V_{\text{ВРП}_i}$ ($N_{\text{ЗН}}$) – отношение ВРП региона к среднегодовой численности занятого население по отношению к прошлому году.

5) Показатель, в котором показана численность персонала, занятого исследованиями и разработками:

$$K_{\text{ИПер}} = \frac{N_{\text{ИПер}}}{N_{\text{ЗН}}} \quad (5)$$

Где: $N_{\text{ИПер}}$ – численности персонала, занятого исследованиями и разработками;
 $N_{\text{ЗН}}$ – численность занятого населения региона.

6) Показатель, характеризуемый отгрузкой инновационной продукции:

$$K_{\text{ИПр}} = \frac{V_{\text{ИПр}}}{V_{\text{ВРП}}} \quad (6)$$

Где: ($V_{\text{ИПр}}$); объем отгруженной инновационной продукции;
 $V_{\text{ВРП}}$ – ВРП региона

Рассчитав все необходимые коэффициенты, мы имеем данные для расчета формирования и использования кадрового потенциала региона.

Проведем расчет формирования КП в республике Татарстан:

$$П_{\text{ФормКП}} = K_{\text{Об}} * K_{\text{РРО}} = \frac{(N_{\text{См}} + N_{\text{А}} + N_{\text{Д}})}{N_{\text{ЭАН}}} * \frac{\sum_{\text{РО}}}{\sum_{\text{ГР}}} \quad (7)$$

Где: $K_{\text{Об}}$ – коэффициент высшего профессионального образования региона;

$K_{\text{РРО}}$ – уровень расходов в регионе непосредственно на образование.

$П_{\text{ФормКП}} = 0,0142$.

Данный индекс показывает возможности населения Республики Татарстан в краткосрочном периоде к воспроизведению кадров, эффектив-

ность обучения которых во многом определяется общими затратами Республики Татарстан на образование [4, с. 216].

А) Рассчитаем использование КП в области инноваций:

$$P_{ИснКПИ} = K_{ИПер} * K_{ИПр} = \frac{N_{ИПер}}{N_{ЗН}} * \frac{V_{ИПр}}{V_{ВРП}} \quad (8)$$

$$P_{ИснКПИ} = 0,0066 * 0,0212 = 0,00205.$$

Б) Использование КП в модернизации экономики:

$$P_{ИснКПМЭ} = K_{ОбЗН} * K_{ПрТр} = \frac{N_{ТрОбЗН}}{N_{ЗН}} * \left(\frac{V_{ВРП_1}}{N_{ЗН_1}} : \frac{V_{ВРП_0}}{N_{ЗН_0}} \right) \quad (9)$$

$$P_{ИснКПМЭ} = 0,91283 * 1,06354842 = 0,9708.$$

Для кадрового потенциала при преобразовании экономики важно не только применение кадрового потенциала в направлении модернизации, но и использование его в инновационной сфере.

Отсюда следует вывод, что для оценки применения кадрового потенциала необходимо определить среднее значение этих показателей, тогда использование кадрового потенциала:

$$P_{ИснКП} = \frac{P_{ИснКПМЭ} + P_{ИснКПИ}}{2} = (0,9708 + 0,00205) / 2 = 0,4864 \quad (10)$$

Данный параметр показывает возможности кадрового потенциала к технологической модернизации и созданию инновационного продукта. Следовательно, при увеличении индекса производительности труда и инновационной продукции происходит наиболее эффективное применение всех имеющихся кадров.

Для определения конечного показателя кадрового потенциала необходимо учитывать параметр применения и формирования, следовательно:

$$P_{КП} = \frac{P_{ФормаКП} + P_{ИснКП}}{2} \quad (11)$$

$$P_{КП} = (0,4864 + 0,0142) / 2 = 0,25$$

Где: $P_{ИснКП}$ – применение кадрового потенциала;

$P_{ФормаКП}$ – формирование кадрового потенциала.

Конечный показатель кадрового потенциала за 2013 г. равен 0,25. Аналогично рассчитаем этот показатель за период 2012–2015 гг. Для того, чтобы сравнить данные Республики Татарстан с другими регионами, нами также были проведены расчеты показателей других регионов России за 2012–2015 гг. Конечные показатели кадрового потенциала ряда регионов страны приведены в таблице 1.

Таблица 1.

**Интегральный показатель кадрового потенциала регионов
Российской Федерации (в сравнении с Республикой Татарстан)**

Регион	Величина конечного показателя кадрового потенциала по годам			
	2012	2013	2014	2015
Башкортостан	0,19	0,21	0,23	0,22
Татарстан	0,23	0,25	0,24	0,27
Нижегородская область	0,21	0,23	0,25	0,24
Свердловская область	0,19	0,20	0,20	0,21
Москва	0,34	0,36	0,37	0,37
Санкт-Петербург	0,35	0,35	0,38	0,36
Новосибирская область	0,29	0,31	0,30	0,31
Томская область	0,20	0,21	0,19	0,22
Самарская область	0,23	0,22	0,22	0,21
Среднее значение	0,24	0,26	0,26	0,27

Выбор более приемлемого пути развития кадрового потенциала осуществляется при помощи нахождения среднего значения конечного показателя кадрового потенциала по ряду регионов нашей страны.

Если параметр ниже среднего, то следует проводить мероприятия по развитию и формированию кадрового потенциала региона. Средний параметр говорит лишь о стабильности, но также нуждается в проведении мероприятий по развитию кадрового потенциала. По итогам расчетов Республика Татарстан имеет высокий показатель, но недостаточно до среднего уровня.

Далее необходимо рассмотреть значения коэффициентов, относящихся к применению кадрового потенциала в области инноваций, к которым относятся: объем инновационной продукции и количество людей занятых в области научных разработок и исследований [7, с. 4].

Найдем среднее значение по регионам, эти данные представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Конечный показатель кадрового потенциала в области инноваций ряда регионов Российской Федерации (в сравнении с Республикой Татарстан)

Регион	Величина конечного показателя кадрового потенциала в области инноваций по годам							
	Коэффициент инновационной продукции				Коэффициент людей, занятых научными исследованиями и разработками			
	2012	2013	2014	2015	2012	2013	2014	2015
Башкортостан	0,054	0,058	0,058	0,06	0,055	0,057	0,06	0,062
Татарстан	0,201	0,205	0,207	0,210	0,068	0,066	0,064	0,062
Нижегородская область	0,190	0,192	0,198	0,201	0,062	0,064	0,064	0,063
Свердловская область	0,181	0,187	0,188	0,189	0,043	0,043	0,044	0,045
Москва	0,761	0,765	0,769	0,771	0,252	0,254	0,255	0,256
Санкт-Петербург	0,721	0,724	0,725	0,728	0,244	0,248	0,248	0,249
Новосибирская область	0,198	0,201	0,203	0,206	0,191	0,192	0,192	0,193
Томская область	0,195	0,196	0,211	0,213	0,063	0,066	0,065	0,068
Самарская область	0,142	0,146	0,152	0,157	0,050	0,054	0,051	0,047
Средне значение	0,29	0,29	0,30	0,30	0,11	0,11	0,11	0,11

Отсюда следует, что, показатели кадрового потенциала в инновационной сфере в Республике Татарстан меньше среднего значения.

Таким образом, для большинства регионов России необходимо разработать и модернизировать уже существующие программы подготовки в кадровой политике, с целью увеличения кадрового потенциала в инновационных сферах, с учетом специфики каждого региона. Для Татарстана необходим упор на подготовку инновационных кадров для инновационных территориальных кластеров, территории опережающего развития

и особых экономических зон, создание и развитие которых заложено в программе стратегического развития Татарстана до 2030 года [8, с. 221].

Татарстан продолжает удерживать одну из лидирующих позиций в России, но его потенциал имеет большие возможности, которые необходимо развивать и задействовать, так как развитие кадрового потенциала является одним из самых перспективных с точки зрения факторов, способствующих в будущем успешному и эффективному развитию региона.

Список литературы

1. Гимаева А.Н. Управление региональным кадровым потенциалом в условиях модернизации // Сборник докладов Восьмой Всероссийской научно-практической конференции. 2011. С. 105–119.
2. Гретченко А.А. Роль государства в инновационном развитии России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 1. С. 15–19.
3. Дмитриев Д.А. Стратегия инновационного развития кадрового потенциала. Тольятти: ТГУ, 2011. С. 110–112.
4. Ермакова Ж.А., Корабейников И.Н. Научно-технический прогресс как основа социально-экономического развития региона // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 3 (152). С. 202–208.
5. Индикаторы инновационной деятельности: статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2015. 320 с.
6. Базовый доклад к обзору ОЭСР национальной инновационной системы Российской Федерации. М.: Министерство образования и науки РФ, 2009.
7. Сергеева В.В. Кадровой потенциал региона и кадровая политика как факторы результативности инновационной деятельности // Социология науки и технологий. 2012. № 1. Т. 3. С. 1–8.
8. Татарстан 2030 / Закон РТ об утверждении стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года [Официальный сайт] Режим доступа. – URL: <http://tatarstan2030.ru/> (дата обращения 20.07.2016).

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ

Семенова Д.М., Рачкова М.В.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

Статья посвящена оценке эффективности социокультурных проектов. В ходе исследования определены особенности социокультурных проектов, а также проблемы связанные с их оценкой. Авторами предложены способы оценки эффективности социокультурных проектов, разработана шкала оценки эффективности.

Ключевые слова: оценка эффективности; управление проектами; социокультурный проект; эффективность управления; эффективность результатов; государственное и муниципальное управление; жизнеспособность проекта.

THE EVALUATION OF EFFICIENCY OF SOCIAL-CULTURE PROJECTS

Semenova D.M., Rachkova M.V.

Perm National Research Politechnical University

The article is about the evaluation of the efficiency of social and cultural projects. The research identified specificity of socio-cultural projects, and problems associated with project's evaluation. The authors proposed methods to evaluate the efficiency of social and cultural projects, developed a rating scale of efficiency.

Keywords: evaluation of the efficiency; project management; socio-cultural project; management efficiency; public and municipal administration; the viability of the project.

В современной России проектная социокультурная деятельность является новым и достаточно распространенным способом привлечения населения к культурной жизни, однако способы оценки эффективности социокультурных проектов не до конца сформулированы и изучены. Когда речь идет о социальных или социокультурных проектах – возникают трудности оценки эффективности результатов, поскольку многие параметры не поддаются расчетам и количественным измерениям.

С этой проблемой часто сталкиваются органы государственной и муниципальной власти, поскольку занимаются решением важных социокультурных проблем и, как следствие, социокультурным проектированием.

В российской науке присутствуют исследования оценки эффективности проектов в сфере государственного и муниципального управления, проектов государственно-частного партнерства, проектов в сфере физической культуры и спорта [1, 2, 3, 6].

Для Пермского края, окрещённого «Культурной столицей Европы» и демонстрирующего значительный рост реализованных проектов в период «культурной революции», оценка эффективности социокультурных проектов является важным и актуальным вопросом, стоящим на повестке дня.

В самом общем виде под проектом мы понимаем – любую работу, которая выполняется однократно, в четко обозначенный отрезок времени и имеет конечной целью получение конкретного уникального результата. Результат проекта может быть как материальный (получение выгоды, создание нового продукта), так и нематериальный, например, решение существующей проблемы, создание новой услуги или технологии. Под социокультурным проектом, следовательно, мы понимаем временное предприятие, направленное на создание уникального продукта, услуги или результата в социокультурной сфере, либо созданное для решения определенной социокультурной проблемы.

Социокультурная сфера – это подсистема общества, в которой создается и сохраняется нормативная культурная традиция, разделяемая в той или иной степени всеми членами общества [5].

Оценка эффективности проекта – важный элемент управленческой деятельности. К сожалению, понятие эффективности и ее методы и показатели не нашли прямого отражения в российских ГОСТах, а также в РМВОК. Отчасти – это связано с тем, что каждый проект подразумевает собственную уникальную шкалу оценки эффективности. В данной работе предлагается вариант работы с оценкой эффективности, который может быть применен к социокультурным проектам.

Эффективность – это достижение всех поставленных целей в заданные сроки в рамках бюджета и, как следствие, решение существующей проблемы, создание нового востребованного продукта или услуги, улучшение качества жизни. В экономическом плане, эффективность определяется его способностью создавать дополнительную прибыль (или экономию) на единицу привлеченных ресурсов. Однако экономическая и социальная эффективность проекта могут не только не совпадать, но и полностью расходиться. Это особенно заметно при реализации социально необходимых мер, направленных на поддержание общесоциальной целостности или на решение социально значимых проблем [6]. Эффективность социокультурных проектов оценивать с точки зрения дополнительной прибыли также нецелесообразно, поэтому требуется разработка особой системы оценки эффективности.

Е.С. Кузнецова и А.С. Богданова [4] выделяют три группы показателей эффективности проектов в сфере государственного и муниципального управления: финансовую, бюджетную и народохозяйственную. Однако этих показателей недостаточно для оценки эффективности социокультурных проектов.

Рассматривая процесс оценки эффективности социокультурных проектов, мы можем выделить два основных направления – это оценка эффективности управления проектом и оценка эффективности результатов проекта. В первом случае речь идет о достижении поставленных в проекте целей в рамках установленных сроков и стоимости проекта, соответствующего плану качества. И основное внимание уделяется насколько эффективно и грамотно руководитель и команда проекта управляют временем, стоимостью, качеством, рисками, коммуникациями проекта. Второе направление

связано с качеством результатов и их влиянием на общество. Причем оценка эффективности результатов проекта может быть, как предварительной (до начала реализации) и в этом случае речь идет о прогностической деятельности, может быть в ходе реализации проекта, по завершению проекта, и через определенный промежуток времени после окончания проекта.

Для оценки эффективности управления проектом можно использовать, бенчмаркинг, а также метод освоенного объема. Бенчмаркинг предусматривает сравнение сопоставимых проектов для выявления лучших практик, генерирования идей в отношении улучшений и предоставления основы для измерения эффективности и результативности. Сравнимые проекты могут быть, как внутри исполняющей организации, так и за ее пределами, а также могут относиться к аналогичной прикладной области [7].

Метод освоенного объема является одним из основных при оценке эффективности проекта и его управления. Он объединяет параметры содержания, стоимости и расписания проекта, которые позволяют команде управления проектом оценивать и измерять эффективность и степень выполнения проекта.

Эффективность результатов проекта, заключается в соответствии результатов запланированным, либо соответствие ожиданиям заказчика, а также степени позитивного и благоприятного влияния на общество.

Оценка эффективности предполагает наличие критериев по которым будут оцениваться отдельные параметры проекта и шкалы для оценки. Параметры и шкалу допустимо создать на этапе планирования. Ее также можно использовать для мониторинга и контроля проекта.

Это может быть как внутренняя, так и внешняя оценка, в зависимости от того проводится она членами проектной организации, либо внешними акторами.

Методом оценки эффективности результатов проекта может стать экспертная оценка. Основой для оценки эффективности социокультурных проектов предлагаются следующие группы критериев:

- 1) Качество результатов – соответствие результатов ожиданиям, либо формальным требованиям, поставленной в проекте цели. Данный крите-

рий может подразумевать вклад проекта в социокультурный приоритет региона, соответствие результатов проекта социокультурной политике политике; соответствие этическим нормам и ценностям, российским и международным стандартам.

2) Жизнеспособность результатов – способность проекта самовоспроизводиться после его формального окончания (данный критерий тесно связан с социальной востребованностью проекта и социальной привлекательностью проекта).

3) Актуальность результатов – насколько результаты проекта соответствуют ожиданиям и потребностям общества в текущий момент времени.

4) Уникальность результатов – насколько инновационными и уникальными являются результаты, либо проект дублирует уже существующие.

Взаимосвязь критериев отображена на рисунке 1 в виде пирамиды.

Рис. 1.

Основополагающим критерием оценки эффективности является актуальность результатов – насколько они своевременны и соответствуют ожиданиям сообщества, поэтому данному критерию присваивается самое большое значение – 8, затем идет оценка качества результатов – значение 6, жизнеспособности проекта – значение 4, уникальности – значение 2. Максимальное количество баллов, которое может набрать проект – 20 баллов.

Данная пирамида подразумевает, что, если значение, полученное в результате сложения баллов актуальности и качества и деленное на 2, больше, чем суммарная оценка баллов за уникальность и жизнеспособность – социокультурный проект является более эффективным, если значение меньше – то менее эффективным.

$$(A + Q)/2 > V + U$$

При низких оценках актуальности и качества, оценка уникальности и жизнеспособности может не проводиться. Данный метод оценки эффективности может применяться органами, как государственного, так и муниципального управления для оценки эффективности социокультурных проектов.

Список литературы

1. Андреева Е.С. Оценка эффективности проектов государственно-частного партнерства: методологический подход // Вестник Казанского технологического университета. 2013. №12. Том 16.
2. Габдуллина Э.И. Оценка эффективности проектов гчп как механизма взаимодействия власти и бизнеса в регионе // Современные проблемы науки и образования. 2012. №2.
3. Жук С.С., Панкова О.Н. Проекты в сфере физической культуры и спорта и оценка их эффективности // Science Time. 2015. №4 (16).
4. Кузнецова Е.С., Богданова А.С. Оценка эффективности проектов в сфере государственного и муниципального управления // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2012. №1. Том 15.
5. Михеева Н.А. Социально-культурная сфера в системе социального управления // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №66.
6. Соколова Л.Г. Эффективность государственного и муниципального управления // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. №6.
7. Project Management Institute. Руководство к Своду знаний по управлению проектами (*Руководство PMBOK®*) – Пятое издание. 2013.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА СЕГОДНЯ – КАК НАЙТИ ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА?

Тарасова Е.В.

Смоленский институт экономики – филиал Санкт-Петербургского академического университета, город Смоленск, Российская Федерация

В статье рассмотрены актуальные проблемы жилищно-коммунального комплекса в условиях экономического кризиса, такие как ухудшение финансовых проблем ЖКХ за счет роста неплатежей за капитальный ремонт домов и несовершенство проведения реформы жилищно-коммунального хозяйства на региональном уровне. Недостатки реформы ЖКХ рассмотрены на примере конкретного субъекта РФ – Смоленской области. Выделены отрицательные и положительные результаты реформы по основным направлениям.

Ключевые слова: *жилищно-коммунальное хозяйство; капитальный ремонт жилого фонда; реформа жилищно-коммунального хозяйства; качество жилищно-коммунальных услуг; фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; тарифы жилищно-коммунального хозяйства, Смоленская область.*

SOME PROBLEMS OF HOUSING AND COMMUNAL COMPLEX TODAY – HOW TO FIND A WAY OUT OF THE CRISIS?

Tarasova E.V.

Smolensk Institute of Economics – a branch of the St. Petersburg Academic University, Smolensk, Russian Federation

The article deals with topical problems of housing and community amenities in times of economic crisis, such as the deterioration of the financial prob-

lems of housing and community amenities due to the growth of non-payment for the overhaul of buildings and inadequate reform of housing and communal services at the regional level. Disadvantages of housing reform are studied using as an example a federal entity of the Russian Federation – Smolensk region. Negative and positive results of the reform are highlighted in key areas.

Keywords: *Housing and community amenities; overhaul of the housing; reform of housing and communal services; quality of housing and communal services; Housing and Utility Reform Foundation; tariffs of housing and communal services, Smolensk region.*

С помощью регулярных социологических опросов в нашей стране традиционно выявляется, что жилищно-коммунальная проблематика у россиян всегда на первом месте. Экономическая ситуация на сегодня только ухудшает положение дел в отрасли: цены на жилищно-коммунальные услуги становятся все выше и менее понятными с любой точки обоснования (социальной, экономической и т.д.). Как итог-оплата «платежек» становится неподъемной для большинства россиян.

Население нашей страны всегда остро реагирует на практически ежегодный июльский рост цен на коммунальные услуги. Самая злободневная проблема сейчас – это ситуация вокруг оплаты за капитальный ремонт. И сложилась она исторически, потому что 20 лет никто не занимался этой сферой – ни государство, ни граждане не собирали деньги на капитальный ремонт домов. Теперь ситуация изменилась. Но, к сожалению, законодательство приняли такое, что жильцы вынуждены платить в «общий котел» – за капремонт не своего дома, если они не успели открыть счет для своего дома в установленные сроки.

Это, безусловно, является нарушением гражданского законодательства. Не для кого не секрет, что вариант открытия собственного счета появился только после вмешательства органов власти высшего уровня.

В свое время Госдума пролонгировала срок принятия решения о способе внесения платежей на капитальный ремонт в два раза, но сами соб-

ственники жилья либо не следили за новой возможностью, либо не успевали ею воспользоваться.

В большинстве регионов власти быстро создали регионального оператора и «загнали» собственников в «общий котел». Было сказано буквально: «беспокойство ни к чему, мы «сами с усами», вы ничего не знаете, не умеете и не хотите». А ведь многие люди на сегодня уже разбираются в жилье- понимают его качество, рыночную стоимость.

Ситуация на сегодня такова: где-то 14 процентов от общего числа собственников смогли открыть свои счета, остальные платят региональным операторам. Это вызывает волнения населения, многие попросту отказываются платить в «общий котел».

Россия переживает острый экономический кризис, повышается уровень безработицы, снижаются доходы населения, урезаются бюджеты на всех уровнях. Так как ситуация в экономике резко ухудшилась, любая семья страны попала в затруднительную ситуацию – доходы уменьшаются, цены на все, включая жилищно-коммунальные услуги растут.

В этой ситуации надо крайне предусмотрительно принимать экономические решения, ведь социальные последствия могут быть весьма негативные. Есть, безусловно, судебная перспектива обжаловать «общий котел» в Конституционном Суде, ведь именно он принимал решение о правомочности вообще сбора на капитальный ремонт домов.

Еще один момент, который не дает покоя собственникам. Это затраты на содержание региональных операторов. В социальных медиа выставляют иногда документы об оплате работы сотрудников региональных фондов, а ведь еще есть помещения, оборудование.

На сумму, в которую это все обходится, можно с успехом отремонтировать несколько домов. Теперь о проблеме неплатежей. Платеж за капитальный ремонт выступил своеобразным «катализатором». До этого больше должников было среди юридических лиц, задолженность физических лиц составляла где-то 20–25 процентов.

Сейчас ситуация ухудшилась, рост неплатежей за капитальный ремонт растет в геометрической прогрессии. Люди аргументируют свою

неоплату тем, что не понимают, почему «сдав деньги» они не могут взять их раньше установленных сроков, если в доме что-то произошло, например крыша прохудилась.

Платеж населения делится на две части: жилищные услуги и коммунальные услуги. Часть жилищных услуг в соответствии с Жилищным кодексом РФ собственники могут определять на общем собрании. А вот коммунальные услуги у нас ограничены на федеральном уровне так называемыми предельными индексами, и рост общего платежа за коммуналку не мог превысить 8–10% в этом году.

В ситуации установления ставок на капитальный ремонт, наблюдается расхождение по регионам, причем иногда весьма значительное. Власти, например, Москвы, пользуясь стереотипам «москвичи все богатые» установили самую высокую ставку по стране – 15 рублей за кв. м., и сразу получили «шквал негодования». Очень много москвичей находятся на грани получения субсидий, но не дотягивает до ее получения. Их негативная реакция очень даже понятна. В Смоленской области сумма взноса составляет 6,08 рубля за кв. м.

На сегодня на капитальный ремонт в данном регионе собрано 875 млн рублей. В регионе так же существует проблема неплатежей по данной статье. Между тем деньги граждан на капремонт при нынешней двузначной инфляции стремительно обесцениваются.

В жилом фонде России, безусловно, большая доля жилья, нуждающегося в капитальном ремонте. Но ведь есть дома, которые еще в нем не нуждаются. Возникает проблема не с новыми домами, а со старыми, которые 40–50 лет не ремонтировали.

В законе о приватизации есть норма о том, что бывший собственник обязан провести капитальный ремонт, если он не был проведен на момент приватизации вашего жилья. Собственники, приватизировавшие жилье, не должны платить в подобных домах за капитальный ремонт до тех пор, пока государство не выполнит свои обязательства, как бывший наймодатель [1, с. 173].

Население недоумевает, почему надо платить сейчас, если по графику дом планируют отремонтировать через 30 лет. Пожилые утверждают, что не доживут до того ремонта. Поэтому в Госдуму было внесена одна инициатива об освобождении одиноко проживающих пенсионеров после восьмидесяти лет от платежей. И она была реализована. Кроме того, сразу было понятно, что необходимо ограничить размер общего платежа. Еще важно снять ограничение при выходе из «общего котла».

Путь выхода из данной кризисной ситуации с платежами за капитальный ремонт состоит в будущей возможности использования только схемы собственных счетов для каждого конкретного дома. При этом собственники сами будут принимать решения, когда и как платить – ежемесячно или собирать единовременно в случае возникновения какой-то конкретной проблемы.

Но людям присущ абсентеизм, есть вероятность 100 процентных неплатежей. Должна вмешаться власть и с помощью административных штрафов при отсутствии своевременного ремонта внести свою лепту в осуществление улучшения жилого фонда своей территории.

Финансовые потребности ЖКХ сегодня просто колоссальные, и, к сожалению, с учетом кризиса ситуация только ухудшается. Плохо, что эти проблемы власти пытаются решить за счет населения. Нельзя забывать о том, что социальная сфера не любит резких движений. Люди в России терпеливые, но есть понятие и «чаши терпения» [1, с. 174].

Проблем в ЖКХ очень много, еще одной можно назвать пока отсутствие грамотной и последовательной концепции развития отрасли ЖКХ, которая должна быть направлена на качество, эффективность и формирование цивилизованных рыночных отношений.

Направления реформирования сферы ЖКХ в различных субъектах Российской Федерации имеют свою специфику, обусловленную особенностями развития отдельных регионов, а также политикой властей, определяющей основные ориентиры тех или иных преобразований.

Поэтому не менее важно оценить региональные аспекты осуществления данной реформы, что позволит увидеть новые проблемы и опреде-

лить пути их решения. Объектом изучения в данном случае будет являться Смоленская область. Процесс реформирования сферы ЖКХ Смоленской области представлен в виде таблицы 1. Положительные и отрицательные результаты реформирования ЖКХ в Смоленском регионе структурированы в таблице 2.

Смоленской областной Думой принят Закон № 2-з «Об областной целевой программе «Модернизация объектов жилищно-коммунального хозяйства Смоленской области» на 2012–2016 годы» от 07.06.12. №329 [2].

Основными целями Программы являются:

1) повышение эффективности, устойчивости и надежности функционирования жилищно-коммунальных систем жизнеобеспечения населения Смоленской области;

2) улучшение обеспечения населения Смоленской области тепловой энергией и питьевой водой нормативного качества;

3) снижение себестоимости жилищно-коммунальных услуг;

4) уменьшение тарифов на жилищно-коммунальные услуги.

В качестве средств достижения целей рассматриваемой программой определены следующие задачи:

- обеспечение финансового оздоровления жилищно-коммунального комплекса Смоленской области;
- обеспечение условий для снижения издержек и повышения качества предоставления жилищно-коммунальных услуг;
- обеспечение инвестиционной привлекательности жилищно-коммунального комплекса;
- модернизация жилищного фонда, коммунальных объектов и инженерной инфраструктуры в Смоленской области.

В качестве исполнителей программы были определены органы местного самоуправления муниципальных образований Смоленской области и предприятия ЖКХ [2].

Таблица 1.

Реформирование сферы ЖКХ Смоленской области

Мероприятия, предусмотренные программой реформирования ЖКХ		Фактически реализованные мероприятия
Закон «Об областной целевой программе «Реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса смоленской области на 2004–2010 годы» от 26.12.03. №2-з		
1.	Обеспечение финансового оздоровления ЖКХ Смоленской области	Мероприятие не реализовано, продолжается банкротство убыточных предприятий сферы ЖКХ
2.	Обеспечение условий для снижения издержек и повышения качества предоставления ЖКУ В том числе:	
А)	Внедрение энергосберегающего оборудования и технологий	Начальный этап практической реализации мероприятия
Б)	Перевод части жилищного фонда на поквартирное отопление	Начальный этап практической реализации мероприятия
В)	Внедрение индивидуальных приборов регулирования и учета потребления коммунальных ресурсов	Начальный этап практической реализации мероприятия
Г)	Заключение договоров с управляющими компаниями и обслуживающими организациями на конкурсной основе	Реализуется только в отношении муниципального жилищного фонда
Д)	Строительство высокоэкономичных модульных и индивидуальных котельных	Сроятся новые котельные, но не высокоэкономичные
3.	Обеспечение инвестиционной привлекательности ЖКК	Мероприятие не реализовано
4.	Модернизация жилищного фонда, коммунальных объектов и инженерной инфраструктуры (системы тепло-, водоснабжения и водоотведения)	Районам области выделены денежные средства из бюджета области на проведение данных мероприятий, но их не достаточно для решения проблемы в полном объеме
Итог реализации программы: Значительная часть запланированных мероприятий не реализована. Программа реформирования отменена Законом Смоленской области от 16.12. 08. N 172-з «О досрочном прекращении действия областной целевой программы «Реформирование и модернизация ЖКК Смоленской области на 2004–2010 годы»		

Окончание табл. 1.

Постановление Администрации Смоленской области «Об утверждении долгосрочной целевой программы «Модернизация объектов жилищно-коммунального хозяйства Смоленской области» на 2012–2016 годы» от 07.06.12. №329		
1.	Повышение надежности и эффективности работы объектов ЖКХ Смоленской области. Модернизация и реконструкция систем тепло-, водоснабжения и водоотведения	Районам области выделены денежные средства из бюджета области на проведение данных мероприятий,
Итог: Программа находится в стадии реализации		

Таблица 2.

**Положительные и отрицательные результаты реформирования ЖКХ
в Смоленском регионе**

Положительные результаты	Отрицательные результаты
1. усилился процесс приватизации жилья гражданами; 2. население начало принимать участие в решении вопросов обслуживания дома; 3. развивается жилищное строительство, в том числе на условиях ипотечного кредитования; 4. ускорился процесс переселение граждан из ветхих аварийных домов; 5. созданы условия для конкуренции среди управляющих компаний за качество обслуживания домов.	1. перевод населения на полную оплату коммунальных услуг; 2. значительная доля монополистов среди поставщиков коммунальных услуг; 3. высокий уровень тарифов; 4. отсутствие софинансирования со стороны региональных властей при проведении ресурсосберегающих мероприятий; 5. в регионе не отработан механизм взаимодействия участников процесса поставки коммунальных ресурсов домохозяйствам; 6. домохозяйства не располагают полной информацией о деятельности управляющих компаний.

При этом в результате реализации Программы ожидалось повышение эффективности, качества жилищно-коммунального обслуживания населения Смоленской области, надежности работы в Смоленской области инженерных систем жизнеобеспечения, комфортности и безопасности условий проживания жителей Смоленской области, обеспечение социальной защиты населения Смоленской области при оплате жилищно-коммунальных услуг.

Согласно данным анализа состояния инженерных сетей, представленным в той же Программе, в числе «проблемных» районов со 100% уровнем износа были названы совсем другие районы, получившие при этом незначи-

тельную долю денежных средств на модернизацию, такие как Глинковский, Хиславичский, Велижский, Ельнинский, Ершичский, Починковский [2].

Финансирование Программы предполагается осуществлять за счет средств областного бюджета – 5711,668 млн рублей (37%), с учетом того, что решение проблем ЖКХ будет осуществляться комплексно, как в рамках данной Программы, так и в ходе реализации мероприятий иных областных целевых программ, а также прочих мероприятий, финансирование которых предусмотрено за счет средств областного бюджета, направленных на реформирование и модернизацию объектов ЖКХ; а также за счет привлекаемых средств:

- федерального бюджета – 1590,378 млн рублей (11%);
- местных бюджетов – 5694,3928 млн рублей (37%);
- внебюджетных источников – 2367,751 млн рублей (15%) [2].

При этом нормативы распределения средств областного бюджета на реализацию мероприятий по муниципальным образованиям Смоленской области утверждаются заказчиком Программы.

Реформа ЖКК в конечном итоге должна обеспечить переход к самофинансированию предприятий отрасли и созданию условий по ее инвестиционной привлекательности. Осуществление мероприятий, предусмотренных Программой, по замыслу должно привести к снижению себестоимости ЖКУ и, как следствие, к уменьшению тарифов для потребителей.

Несмотря на то, что рассматриваемой Программой были предусмотрены мероприятия, реализация которых позволит усовершенствовать техническое состояние объектов ЖКХ, а также снизить издержки на предоставление жилищно-коммунальных услуг, на практике была реализована лишь незначительная их доля.

В настоящее время еще только начинается процесс повсеместного внедрения энергосберегающего оборудования и технологий, установка индивидуальных приборов учета, перевод части жилого фонда на поквартирное отопление. Механизм предоставления льгот и социальных субсидий до сих пор не отработан и вызывает много сложностей на практике.

Следует отметить, что данная программа в числе приоритетных целей и задач выделяет лишь модернизацию и реконструкцию систем тепло-, и водоснабжения, оставляя без внимания иные мероприятия, запланированные в ранее действовавшей программе. Поэтому на данный момент остались нерешенными многие проблемы реформирования ЖКХ Смоленской области.

Однако при этом необходимо соблюдение обязательных условий, установленных Федеральным законом «О фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства».

К сожалению, эти условия «навязываются» без учета специфики сферы ЖКХ, готовности и возможности управлять данными процессами, а также готовности населения к участию в изменениях.

В ноябре 2015 года Смоленская область получила из Фонда содействия реформированию ЖКХ 1 млрд рублей, которые, согласно программе освоения денежных средств, направлены в Вязьму, Дорогобуж, Сафонов, Рославль, Сычевку и Починок, а также 11 сельским поселениям.

В итоге, в Смоленской области существует дисбаланс целей реформирования жилищно-коммунального комплекса и достигнутых результатов.

Есть и положительный момент процесса реформирования ЖКХ Смоленского региона – создание Главного управления «Государственная жилищная инспекция Смоленской области», главной функцией которого является осуществление контроля над процессом освоения денежных средств на капитальный ремонт домов из Фонда содействия реформированию ЖКХ.

Список литературы

1. Тарасова Е.В. Проблемы жилищно-коммунальной сферы в России – вопросы и ответы // В сборнике: Социально-экономическое развитие региона: опыт, перспективы, инновации. Материалы III международной научно-практической конференции. Смоленский институт экономики НОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет управления и экономики», 2015. С. 173–178.
2. Реформа жилищно-коммунального хозяйства Режим доступа: <http://www.smoladmin.ru/> (дата обращения 27.06.16).

ПРОЯВЛЕНИЕ ЭФФЕКТА ЗАЗЕРКАЛЬНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Яковлева Е.Л.¹, Григорьева Н.С.², Григорьева О.В.³

¹ЧОУ ВПО «Казанский инновационный университет», Казань, Россия

²ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
Казань, Россия

³ЧОУ ВПО «Казанский инновационный университет», Казань, Россия

Зазеркалье представляет собой особый тип бытия, связанный со сменной полярности, в результате чего модус жизни социального/личного приобретает противоположный оттенок. Не последнюю роль в сложившейся ситуации играют высокие технологии, искажающие время и сжимающие расстояния. Быстрота происходящих изменений приводит к трансформациям в поведенческих матрицах людей, в том числе субъектов экономики. В статье анализируются изменения поведения экономических агентов, на примерах искаженно-полярных действий субъектов в мировой экономике.

Ключевые слова: макроэкономика; культура; эффект зазеркалья; оппортунистическое поведение; мировая экономика; ставка процента; финансы; кредитные ресурсы.

THE EFFECT OF THE MIRROR IN THE ECONOMIC SPHERE OF SOCIETY

Yakovleva E.L.¹, Grigoryeva N.S.², Grigoryeva O.V.³

¹Kazan Innovation University, Kazan, Russia

²Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

³Kazan Innovation University, Kazan, Russia

The mirror is a special type of being, associated with the change of polarity, with the result that the mode of life of social/personal takes on the opposite

hue. Not the last role in this situation play a high technology that distorts time and compressive range. The rapidity of the changes leads to transformations in the behavioral matrices of people, including economic actors. The article analyzes changes in the behavior of economic agents, the examples of distorted-polar actions of actors in the global economy.

Keywords: *macroeconomics; culture; mirror effect; opportunistic behavior; global economy; percent rate; finance; credit funds.*

Зазеркалье как особый тип бытия впервые был описан на страницах литературных произведений Л. Кэрролла, где главная героиня – Алиса попала по-ту-сторону-Зеркала, познав жизнь наоборот. Современность, как мы считаем, в некоторых своих аспектах уже не на страницах художественных произведений, а в реальности являет собой образец Зазеркальности. Современные люди живут в быстро изменяющемся мире высоких технологий и космических скоростей, великих свершений и открытий, мистификаций и парадоксальных ситуаций. При этом «скорость смены событий так велика, что смыслы нами не успевают извлекаться, и мы ничего не успеваем понять. Так мы и живем в режиме не извлеченных смыслов и расширяющихся симулятивных пустот культуры» [1]. Зазеркалье представляет собой тип бытия, противоположный Зеркальности как определенной правильности/нормы/рациональности/последовательности [2]. Если Зеркало собирает мир вокруг рефлексирующего Я, то Зазеркалье, являющееся альтернативой бытия, расплывает реальность и человека в ней. Его мир, подобно кривому зеркалу в комнате смеха, умышленно деформирует объект, что со временем принимается за норму/стандарт. В Зазеркалье под влиянием интенсивного развития высоких технологий происходит «сжатие» расстояний и искажение времени, вспомним виртуальную реальность и наше пребывание в ней. В результате подобных трансформаций объект становится противоположно-Другим, меняя «плюс» на «минус» и наоборот. Жизнь в противоположном формате оказывается необременительной: потому что негативность, бы-

стро усваиваясь посредством тиражирования, не требует рефлексивности и проявления практического разума/нравственности. Еще одним привлекательным моментом Зазеркальности оказывается то, что его пространство заполняется *игровыми проявлениями*, утрирующими такие черты как развлекательность, парадоксальность и неожиданность [3]. Игра стала главенствовать в социокультурном пространстве, стирая границы между собой и реальностью, жизнью и смертью, любовью и ненавистью, дружбой и предательством, что соответствует Зазеркальной стороне жизни.

Быстротечность происходящих событий, отсутствие рефлексивного отношения к ним привели к тому, что люди потеряли чувство времени, оказавшись в ситуации безвременья. Вместе с потерей памяти произошла утрата истории и национально-исторических корней, которые заменяются историческими эффектами. На одном пространственно-временном отрезке сегодня можно «обнаружить» Будду, Сократа, Наполеона, В.И. Ленина и В. Чапаева, в чем проявляет себя лоскутность/клиповость мировидения, в котором временные пласты накладываются друг на друга и «встречаются» в одном месте совершенно разные эпохи.

Подчеркнем мир Зазеркалья – это оборотная сторона Зеркала, «мир-наоборот», где метафизические константы (пространство, время, форма жизни) показывают свою противоположную сторону. Поняв это, необходимо снять любые претензии к современной жизни. Люди по своему желанию попали в него и задержались. Интерес к Зазеркалью и конструирование его в реальности можно объяснить вечной тягой человека к мифотворчеству и попыткой реализации фантазийного.

Экономическая сфера жизни представляет собой значимый сегмент социального, обеспечивающий его материальными благами посредством процессов производства, распределения, обмена и потребления. Как область социального, экономика также подверглась изменениям и перемещению в Зазеркалье, что послужило актуальности исследования эффекта Зазеркалья в экономической сфере жизни общества. Как мы считаем, анализ Зазеркальности позволит глубже изучить явление, снизить вызывае-

мые им риски и неопределенности при принятии экономических решений, что позволит повысить эффективность экономических транзакций.

Человек как субъект экономических отношений, живя в социальном пространстве и воспринимая его изменения, начинает трансформироваться. Происходящие изменения в его самосознании, способах познания и взаимодействия с окружающими предметами/людьми, неизбежно сказываются на поведенческих матрицах, принимаемых решениях (в том числе, экономических). Многие экономические процессы сегодня осуществляются на большой скорости, не позволяя их адекватно и диалектически осмыслить. Так, с одной стороны, внедрение принципиально новых информационных технологий позволило значительно улучшить прогнозирование рынков, более оперативно приспосабливаться к колебаниям конъюнктуры. Но с другой стороны, как заметил в 2008 г. академик РАН А.С. Нариньяни, обстановка разворачивающегося кризиса убеждает в том, что опыт и оценки перестают работать [4]. Сегодня результаты «самых авторитетных» прогнозов устаревают в момент их опубликования, поскольку обнаруживается, что традиционные технологии не в состоянии обеспечить эффективного анализа и прогнозирования, а значит и продуктивного управления экономикой и бизнесом. Причины такой неадекватности механизмов принятия решений очевидны. Мировая экономика становится более многомерной, в виду включения сотни взаимосвязанных макропараметров, влияющих на развитие глобальных процессов и рождающих противоречивые, даже – непредсказуемые, ситуации. По его мнению, общество не осознало в полной мере, что картина мира вышла за рамки обозримости, миропорядок потерял устойчивость, не поддаваясь контролю и рационализации, явив мир-по-ту-сторону-Зеркала.

Быстрота происходящих изменений приводит к изменениям во многих сферах общественной жизни, меняя технологии коммуникации между людьми, фирмами, экономическими агентами. Как следствие, обнаруживается изменение поведения субъектов экономики. На государственном уровне принятие экономических решений нередко противоречит рацио-

нальным положениям. Согласимся с профессором Осиповым М.Ю. [5], утверждающим, что вся мировая экономика представляет сегодня арену тотальной войны без правил, а не безобидное конкурентное деловое поле. Он называет ситуацию Зазеркальем, где обнаруживают себя ложная информация, уловки и ухищрения, а мировая экономика оказывается не рыночной, а управляемой произвольно в интересах центров управления. Отмеченные Осиповым М.Ю. ложная информация, уловки и ухищрения позволяют говорить об оппортунистических действиях, предпринимаемых субъектами экономической деятельности с целью одностороннего перераспределения выгод в свою пользу.

Национальных экономик как действующих целостных субъектов сегодня в мировом масштабе не обнаруживается. Как отмечают некоторые авторы, мировая экономика сегодня представляет собой не систему, а сетевую среду, что очередной раз говорит в пользу Зазеркальности как неупорядоченности и распыления реальности внутри нее. Данные обстоятельства приводят к кризису мировой экономики, ее управления, структуры и тенденций, что свидетельствует об аномичности в развитии. Выходы из текущих кризисов становятся ввиду отсутствия системности особенно проблематичными, ставя под сомнение экономический мир, живущий в зазеркальном модусе [6]. Именно Зазеркальность как мир, полярный Зеркальности, становится причиной затяжных экономических войн с непредсказуемыми результатами.

Нижегородцев Р.М. отмечает, что в кризисные 1990-е гг. в России сложилась зазеркальная экономика [7]. По его мнению, данное обстоятельство нашло выражение в том, что правительство предпринимало шаги по исправлению ситуации, с одной стороны, правильные, но, с другой стороны, результат принятых мер оказывался обратным, объявляемым целям. Кроме того, Нижегородцев Р.М. отмечает, что спрос на новую технику в нашей стране снижается по мере общего спада производства. В итоге Россия будет жить в экономическом зазеркалье до тех пор, пока полностью не прекратится спад физических объемов производства в ключевых

отраслях реального сектора, выступающих основными потребителями наукоемкой техники [7].

Зазеркалье – пространство, где иллюзия происходящего выдается за реальное, абсурдное – за логичное, мифическое – за достоверное. Так, обвал рубля в декабре 2014 г. оказался значимым событием на валютном рынке России. Однако, как отмечает Тарлавский В. [8], ставшие традиционными ссылки на валютных спекулянтов, западные санкции и отток капитала, спешно принятые меры, продемонстрировали неспособность правительства и Центробанка взять ситуацию под контроль, непонимание того, что происходит в настоящем и может произойти в будущем.

Подобные примеры эффекта Зазеркальности имеют место и в мировой экономике. Так, в последнее десятилетие все чаще упоминается угроза дефляционных процессов («японская болезнь»). Финансовые вливания в развитые экономики осуществляются в огромных количествах, но большая их часть создается «из воздуха», за счет политики Центральными банками. При всем этом, в США величина инфляции не достигает 2% (рублеж, после которого необходимо прекратить искусственное накачивание денег в экономику) [9]. Причины затяжной «японской болезни» [10], парадоксальной и нелогичной по своей природе, в экономической науке установить не удалось.

Другой пример. Несмотря на то, что процентные ставки в развитых экономиках снижены до нуля (заметим, даже имеют место отрицательные ставки [11], представленные в таблице 1, что противоречит нормальной ситуации по положениям экономической теории [12]), тем не менее данные обстоятельства не приводят к увеличению инвестиций и росту потребления.

В 2016 г. Япония и Швейцария распространили сферу применения отрицательных ставок на неприкосновенный бастион инвесторов – долгосрочные государственные долговые обязательства (10 лет и более). Краткосрочные и среднесрочные государственные облигации были выведены на отрицательную территорию в Швейцарии, Швеции, Германии, Голландии, Финляндии, Австрии, Бельгии, Франции, Ирландии, Дании и Японии. Долгосрочные бумаги держались до последнего, и сегодня став-

ка по 10-летним обязательствам Японии составляет -0,035%, а Швейцарии – - 0,358%. Перечисленное преследует в цель – оживить экономику, направив деньги в реальный сектор.

Таблица 1.

Отрицательные процентные ставки, январь 2016 года, в % [14]

№	Наименование банка	Величина % ставки
1	Bank of Japan	-0,1
2	European Central Bank	-0,3
3	Denmarks Nationalbank	-0,65
4	Swiss National Bank	-0,75
5	Sveriges Riksbank	-1,1

Данная ситуация может свидетельствовать о том, что субъекты экономики не воспринимают информационные сигналы, генерируемые косвенными методами государственного вмешательства, игнорируя рациональность и подчиняясь эмоциональным импульсам, ведущим к Зазеркальной хаотичности.

Сам субъект экономических отношений становится Зазеркальным, являя противоположный модус бытия и нерационально-хаотичный тип поведения. На повседневном уровне человек как потребитель, подвергаясь бесчисленным соблазнам, начинает безудержно расходовать деньги на все, попадающее в поле его внимания, но при этом, не успевая осмыслить свои действия. Цепь «соблазн – желание – потребление» не приносит удовлетворения и радости личности: вещи становятся ускользающими, после их приобретения они «никнут и бледнеют», «увядают, словно спугнутый сон», теряя свою привлекательность и интерес со стороны обладателя [13].

Ситуацию усугубляют равнодушие, безответственность и безответность, отсутствие взаимопонимания, душевной теплоты и контактности, характерные для зазеркальной жизни, где каждый живет сам по себе, возвращая собственный индивидуализм и гиперэгоизм. В итоге в коммуникативном гуле и потоках информации человек не может встретиться с самим собой, людьми и метафизическими смыслами.

Зазеркальность являет особый тип бытия, в котором происходит смена полярности: с реального – на мифизированное, с системного – на ризоматичное, с размеренного – на хаотичное, с серьезного – на игровое, с рационального – на бессознательное и эмоциональное, что сказывается на метафизике социального и личного. Происходящие в последние годы события, затрагивающие российскую экономику и экономические процессы на международном уровне, свидетельствуют о том, что как решения в области государственной экономической политики, так и поведение потребителей трансформировались, подстроившись к культурным изменениям, происходящим в обществе.

В настоящее время сложно говорить о том, что является причиной, а что – следствием, но появляются попытки представить нынешний мир, в том числе, экономический, как Зазеркальность, по крайней мере в его отдельных проявлениях. В работе описаны меры монетарной политики, предпринимаемой в ряде развитых стран с целью стимулирования развития экономики. Существующие диспропорции в финансовом секторе мировой экономики приводят к использованию инструментов государственного регулирования, но не достигают значимых результатов. Прогнозирование развития ситуации в средне- или долгосрочной перспективе также является крайне затруднительным, что повышает неопределенность для экономических агентов, теряющих ориентиры. Перечисленное с существующими тенденциями общественного развитие (быстрая смена технологий, продукции, развитие и угасание рынков и пр.) приводит к распространению *эффекта Зазеркалья* в экономической сфере, где имеют место хаотичность, отсутствие системности и рациональности, парадоксальность и непредсказуемость последствий.

Список литературы

1. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / У. Эко // М.: Эксмо, 2007. 592 с.
2. Кэрролл Л. Алиса в Зазеркалье / Л. Кэрролл // М.: Эксмо, 2010. С. 150–313.

3. Яковлева Е.Л. Игра – уникальный феномен культуры / Е.Л. Яковлева // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. №7(113). С. 150–155.
4. Нариньяни А.С. Экономика в зазеркалье: без руля и карты / А.С.Нариньяни // Открытое образование. 2008. №6. С48-52. URL: http://www.e-joe.ru/sod/pdf/2008_6_48.pdf
5. Осипов Ю.М. Россия в мировом экономическом зазеркалье / Ю.М. Осипов // Философия хозяйства. Изд-во: Редакция журнала «Философия хозяйства». Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва). 2015. №3 (99). С. 257–264.
6. Moscow Economic Forum. «25 лет рыночных реформ в России и мире. Что дальше?» // МГУ, 23–24 марта 2016. URL: <http://me-forum.ru/media/news/4039>
7. Нижегородцев Р.М. Информационная экономика. Книга 3. Взгляд в Зазеркалье: Техничко-экономическая динамика кризисной экономики России / Р.М. Нижегородцев // М., 2002. 170 с.
8. Тарлавский В. Правительство из Зазеркалья / В. Тарлавский // Экономика и жизнь. 2015. URL: <https://www.eg-online.ru/article/268829>
9. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Инфляционные и дефляционные тренды мировой экономики, или распространение «японской болезни» / Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев // Век глобализации. 2014. №2. С. 14–20.
10. Hilsenrath J. Дефляция не поддаётся ожиданиям – и решению / J. Hilsenrath // 2010. URL: <http://perevodika.ru/articles/15253.html>
11. Дугужев И.Б. Реальная ставка рефинансирование / И.Б. Дугужев // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. №4(131).
12. Negative interest rates in Europe: A Glance at Their Causes and Implications // Worldbank, 2015. URL: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/GEP/GEP2015b/Global-Economic-Prospect-2015-Negative-interest-rates.pdf>
13. Азаренко С.А. Топологии сообщества / С.А. Азаренко // Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права (г. Казань), 2014. 228 с.
14. Negative Interest Rates Show Desperation of Central Banks // URL: <http://www.zerohedge.com/news/2016-01-29/negative-interest-rates-show-desperation-central-banks>.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://kras-science.ru/>)

Цель журнала – создание профессиональной площадки для обсуждения комплексной проблематики по вопросам международной и социально-экономической политики, экономики, управления, права и продвижения результатов российских научных исследований в глобальном научно-информационном пространстве.

Журнал «Наука Красноярья» осуществляет публикацию наиболее значимых научных работ, открывающих пути инновационной научно-практической деятельности, научно-исследовательских работ, разработок, инновационных программ и проектов для обеспечения конкурентных преимуществ экономики регионов России, а также результатов эмпирических исследований и экспериментов в сфере социально-экономической политики как в России, так и за рубежом. Особое внимание уделяется различным аспектам международного сотрудничества в области экономической теории, экономики, управления и права.

Требования к оформлению статей

Объем статей: 7-12 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7-9. Рукописи большего объема принимаются по специальному решению Редколлегии.

Поля все поля – по 20 мм.

Шрифт основного текста Times New Roman

Размер шрифта основного текста 14 пт

Межстрочный интервал полуторный

Отступ первой строки абзаца 1,25 см

Выравнивание текста по ширине

Автоматическая расстановка переносов включена

Нумерация страниц не ведется

Формулы в редакторе формул MS Equation 3.0

Рисунки по тексту

Ссылки на формулу (1)

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой (на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой (на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.

2. Цель работы.

3. Материалы и методы исследования.

4. Результаты исследования и их обсуждение.

5. Заключение.

6. Информация о конфликте интересов.

7. Информация о спонсорстве.

8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://kras-science.ru/en/>)

The mission of the journal is to create a professional space for discussing complex issues of international and socio-economic policy, economics, management, law and promoting the results of Russian scientific research studies in the global scientific information space.

Nauka Krasnoyarya [Krasnoyarsk Science] publishes the most significant scientific papers on innovative issues, research, development, innovative programmes and projects to foster economic growth of the Russian regions, results of empirical research and experiments in both Russian and international socio-economic policies. Special emphasis is made on various aspects of international cooperation in the field of economic theory, economics, management and law.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript: 7-24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7-10.

Margins all margins – 20 mm each

Main text font Times New Roman

Main text size 14 pt

Line spacing 1.5 interval

First line indent 1,25 cm

Text align justify

Automatic hyphenation turned on

Page numbering turned off

Formulas in formula processor MS Equation 3.0

Figures in the text

References to a formula (1)

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

СЕКТЫ И ГЕЙМЕРСКИЕ СООБЩЕСТВА КАК ЗОНЫ СОЦИАЛЬНЫХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ УГРОЗ: ПУТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ И РЕАБИЛИТАЦИИ	
Кузина Н.В.	8

ПОЛИТОЛОГИЯ

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В МАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ: МОЖНО ЛИ РАЗБУДИТЬ «МОЛЧАЛИВОЕ БОЛЬШИНСТВО»?	
Бронзино Л.Ю., Шаталина С.А.	30

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАДИКАЛИЗМА – ОТ «РЕВОЛЮЦИОННОГО КАРНАВАЛА» К РЕЛИГИОЗНОМУ ТЕРРОРИЗМУ	
Морозов И.Л.	46

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ	
Руденкина А.И.	62

КЛАССОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ	
Рябкова С.А.	79

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СЕМЮЭЛЯ ХАНТИНГТОНА И ФРЕНСИСА ФУКУЯМЫ – КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	
Харыбин А.Н.	90

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Ягья В.С., Сбойчакова А.В. 104

ЭКОНОМИКА

МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КЛАСТЕРА
В РЕГИОНЕ

Антипова О.В., Киселева О.В. 122

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ
РЕШЕНИЙ В УПРАВЛЕНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ
ПОТЕНЦИАЛОМ ВУЗА

Горнева Е.А., Морозова Е.И., Погоньшева Д.А. 139

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
РЕГЛАМЕНТАЦИИ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ (ФИНАНСОВО-НАЛОГОВОЙ)
БЕЗОПАСНОСТИ

Максимов Ю.А. 155

МАТЕРИАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ПРОФИЛЬ РИСКОВ РОССИЙСКОГО СТРАХОВОГО РЫНКА
В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Васюков О.Н., Мосолова Н.А., Пахмутов В.Н. 170

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ АНТИМОНОПОЛЬНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРАХОВОГО РЫНКА РОССИИ

Васюкова Л.К., Мосолова Н.А., Швецова Е.В. 181

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ
ДВОЙНОЕ ГРАЖДАНСТВО В ИРАНЕ И РОССИИ

Гасем Пур Аболгасем Али Хас 191

ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОГО КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН Дмитриева И.С., Герасимов В.О., Шарафутдинов Р.И.	199
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ Семенова Д.М., Рачкова М.В.	207
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА СЕГОДНЯ – КАК НАЙТИ ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА? Тарасова Е.В.	213
ПРОЯВЛЕНИЕ ЭФФЕКТА ЗАЗЕРКАЛЬНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА Яковлева Е.Л., Григорьева Н.С., Григорьева О.В.	223
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	232

CONTENTS

STATE AND LAW

SECTS AND GAMING COMMUNITY AS AN AREA OF EXTREMIST SOCIAL THREATS: PREVENTION AND REHABILITATION STUDY Kuzina N.V.	8
---	---

POLITICS

PUBLIC OPINION IN MASS SOCIETY: IS IT POSSIBLE TO WAKE UP THE SILENT MAJORITY? Bronzino L.Y., Shatalina S.A.	30
TRANSFORMATION OF POLITICAL RADICALISM – FROM THE “REVOLUTIONARY CARNIVAL” TO RELIGIOUS TERRORISM Morozov I.L.	46
PROTEST POTENTIAL IN THE SVERDLOVSK REGION: RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY Rudenkina A.I.	62
CLASS TRANSFORMATION IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY: CAUSES AND CONSEQUENCES Ryabkova S.A.	79
THE GEOPOLITICAL CONCEPTION OF SAMUELE HUNTINGTON AND FRANCIS FUKUYAMA – A CRITICAL ANALYSIS Kharybin A.N.	90
POLITICAL ISSUES OF ENVIRONMENTAL SECURITY OF RUSSIAN ARCTIC Yagya V.S., Sboychakova A.V.	104

ECONOMICS

THE MODEL OF EVALUATION OF SCIENTIFIC-EDUCATIONAL CLUSTER IN THE REGION Antipova O.V., Kiseleva O.V.	122
INFORMATION SYSTEMS OF SUPPORT OF DECISION-MAKING IN MANAGEMENT OF INTELLECTUAL POTENTIAL OF UNIVERSITY Gorneva E.A., Morozova E.I., Pogonysheva D.A.	139
THE DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF THE REGULATION OF THE FOREIGN TRADE ACTIVITY OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR ENSURING ECONOMIC (FINANCIAL AND TAX) SECURITY Maksimov Yu.A.	155

**PROCEEDINGS
OF INTERNATIONAL CONFERENCE**

RISK PROFILE OF THE RUSSIAN INSURANCE MARKET IN THE ECONOMIC CRISIS Vasyukov O.N., Mosolova N.A., Pakhmutov V.N.	170
IMPROVEMENT OF ANTIMONOPOLY REGULATION OF THE INSURANCE MARKET OF RUSSIA SYSTEM Vasyukova L.K., Mosolova N.A., Shvetsova E.V.	181
CONSIDERATION OF SOCIO-POLITICAL FACTORS SHAPING DUAL CITIZENSHIP IN IRAN AND RUSSIA Ghasem Pour Abolgasem Ali Khas	191
EVALUATION OF INNOVATIVE PERSONNEL POTENTIAL OF REGION ON THE REPUBLIC TATARSTAN EXAMPLE Dmitrieva I.S., Gerasimov V.O., Sharafutdinov R.I.	199

THE EVALUATION OF EFFICIENCY OF SOCIAL-CULTURE PROJECTS Semenova D.M., Rachkova M.V.	207
SOME PROBLEMS OF HOUSING AND COMMUNAL COMPLEX TODAY – HOW TO FIND A WAY OUT OF THE CRISIS? Tarasova E.V.	213
THE EFFECT OF THE MIRROR IN THE ECONOMIC SPHERE OF SOCIETY Yakovleva E.L., Grigoryeva N.S., Grigoryeva O.V.	223
RULES FOR AUTHORS	232

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ЛитераПринт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10
Подписано в печать и дата выхода: 31.08.2016. Заказ НК22016.
Тираж 3000. Усл. печ. л. 17,3. Формат 60×84/16